

АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

МОРМОНЫ В ЛОНДОНЕ

РОМАН

*«П * Р * И * Б * О * Й»*
1928

АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

МОРМОНЫ В ЛОНДОНЕ

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ • ПЕРЕВОД Н. ОБЛЕУХОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

1927

Ленинградский Гублит № 50291 Тираж 6.000—16 л. Заказ № 11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Личные воспоминания Джона Ватсона отставного старшего врача английской армии

I. Шерлок Холмс

Это было в 1878 году, когда я защитил при Лондонском университете свою диссертацию на степень доктора медицины. Пополнивши мои познания в Нетлей (что необходимо для желающего делать карьеру военного врача), я поступил старшим помощником военного врача в пятый стрелковый Нортумберландский полк. Полк этот находился в то время в Индии, и, прежде нежели я успел присоединиться к нему, началась вторая война с Афганистаном. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой полк уже перешел границу и находится в самом сердце неприятельской страны. Я присоединился к нескольким офицерам, которые были в таком же положении, как и я, и мы вскоре благополучно достигли города Кандагара. Там я нашел наш полк и немедленно же приступил к отправлению своих обязанностей. Для большинства участников кампании война представлялась в виде повышений и

чинов, на мою же долю выпадали одни горести и болезни. Перемена должности заставила меня отправиться в Беркширский полк, с которым я и принял участие в роковой схватке при Мэйванде. Я был ранен в плечо осколком ядра. У меня раздробило ключицу, повредило соседние артерии. Истекая кровью, я неминуемо попал бы в руки жестоких врагов, если бы не самоотвержение моего денщика Мюрайя. Он подхватил меня на руки, затем перекинул поперек седла пойманной им свободной лошади и доставил на английский перевязочный пункт.

Измученный невыносимой болью, сильно ослабевший от различного рода лишений и неудобств военной жизни, я был отправлен в поезде для раненых в госпиталь в Пешавэре. Здесь я почувствовал себя значительно лучше и даже вскоре был в состоянии не только прогуливаться по палате, но и выходить на солнце, на веранду. Но меня постигло новое горе. Я схватил болотную лихорадку, этот бич индийских владений. Несколько месяцев я провел между жизнью и смертью. Наконец я почувствовал себя несколько лучше, и доктора решили отправить меня на родину в Англию. Я взял место на транспортном судне «Оронто» и спустя месяц уже высаживался в Портсмуте. Здоровье мое было навсегда подорвано. Благодаря отеческому отношению моего начальства, я получил девятимесячный отпуск и в течение этого времени мог заняться восстановлением потерянных сил.

Не имея ни пристанища ни дела, я был свободен как воздух, или, вернее, я был свободен как тот, кто имеет всего-навсе 5 рублей 75 копеек дохода ежедневно. И, конечно, меня потянуло в Лондон, в этот обширнейший океан, куда несутся бесчисленные волны людские со всех сторон Англии, куда стремится всякий, не имеющий ни определенного занятия ни намеченной цели.

На первых порах я нанял себе комнату в маленькой гостинице на Странде и некоторое время жил там, ведя совершенно бездеятельную и однообразную жизнь, стараясь экономить средства, поскольку это было возможно. Вскоре состояние моих финансов начало беспокоить меня. Приходилось или уехать куда-нибудь в глухую провинцию и там прозябать и скучать, или совершенно изменить образ жизни. Я выбрал второе и для начала решил перебраться из гостиницы на квартиру.

В тот день, когда я принял такое решение, проходя по улице, я вдруг почувствовал, как чья-то рука легла ко мне на плечо. Обернувшись, я увидел юного Стэмфорда, — моего помощника, в бытность мою в госпитале в Барте. Для человека, находящегося в оглушительном водовороте Лондона, почитающего себя совершенно беспомощным и одиноким, один вид знакомого лица действует уже ободряюще. Прежде мои отношения к Стэмфорду никогда не были особенно близки, я не мог его назвать своим другом, но теперь я приветствовал его как брата, и он с своей стороны также казался восхищенным встречей со мною. В порыве радостного чувства я пригласил его позавтракать к Гольборну, и через секунду мы уже усаживались с ним в нанятый мною фиакр.

В то время когда мы катили к ресторану, Стэмфорд всматривался в мое лицо и не мог скрыть изумления.

— Что за чортову жизнь вы вели за последнее время, Ватсон? — спросил он меня наконец. — Вы исхудали, точно Кащей бессмертный, и черны, как галка.

Я передал ему в нескольких словах последние события моей жизни. Как раз в это

время экипаж остановился у дверей ресторана.

— Бедный малый! — сочувственно произнес Стэмфорд. — Ну, а теперь вы что делаете?

— В настоящее время я ищу квартиру, то есть стараюсь разрешить трудную загадку, а именно: мне надо более или менее комфортабельное помещение и за недорогую плату.

— Странно, — пробормотал мой собеседник: — вот уже второй раз сегодня я слышу совершенно одни и те же слова от двух разных лиц.

— Кто же другое лицо?

— Молодой человек, занимающийся лабораторным изучением химии. Сегодня он жаловался мне, что не может найти товарища, чтобы снять вместе хорошенькую квартиру, которую он высмотрел и слишком дорогую для него одного.

— Господи! — воскликнул я, — если он ищет действительно кого-нибудь, кто пожелал бы разделить с ним квартиру и плату за нее, то я к его услугам. Я охотнее буду жить с товарищем, нежели один.

Стэмфорд поднял глаза от своего стакана и посмотрел на меня странным взглядом.

— Вы еще не знаете Шерлока Холмса... Может быть, вы не пожелаете иметь его постоянным товарищем?

— Почему не захочу? Разве его можно в чем-нибудь упрекнуть?

— О, я не хотел сказать ничего подобного. Но только он немножко чудак, страшный фанатик по части некоторых явлений и наук. Но, насколько я его знаю, это прекраснейший парень.

— Студент-медик, без сомнения?

— Нет, и я даже не имею ни малейшего понятия о том, что он из себя представляет. Говорят, он очень силен в анатомии и в химии, но я прекрасно знаю, что он никогда не проходил медицинского курса. Он занимался науками крайне нескладно, даже, можно сказать, эксцентрично. Не обращая внимания на те науки, которые большинство людей старается изучить, он изучает совершенно другие и изучает так, что мог бы удивить профессоров.

— Вы никогда не спрашивали его, к какой карьере он себя готовит?

— Конечно нет, потому что это не такой человек, которого можно заставить говорить о себе. Хотя бывают случаи, когда ему приходит фантазия быть очень экспансивным и разговорчивым.

— Я был бы очень рад встретиться с ним, — сказал я. — Если приходится жить с кем-нибудь, то я предпочитаю, чтобы это был человек занятой и спокойный в своих привычках. Я, как видите сами, еще не настолько окреп здоровьем, чтобы легко переносить шум и волнения. Всего этого я имел достаточно в Афганистане, на мой век хватит. Когда же я могу познакомиться с вашим другом?

— Он, вероятно, находится в лаборатории, — ответил Стэмфорд. — Бывает, что он там работает целые дни и ночи, но бывает и так, что он туда носа не кажет в течение нескольких недель. Если хотите, то мы после завтрака наймем экипаж и отправимся туда.

— Отлично, — ответил я.

И мы заговорили о другом. Во время переезда в госпиталь Стэмфорд сообщил мне еще некоторые сведения о моем будущем сожителе.

— Не будьте на меня в претензии, — сказал он: — если не сойдетесь с ним. Я его мало знаю и встречал только несколько раз в лаборатории. Идея поселиться с ним

вместе пришла ведь вам, и вы поэтому не делайте меня ответственным за последствия.

— Если мы с ним не уживемся, — ответил я: — то нам будет нетрудно расстаться. Но, Стэмфорд, — прибавил я, пристально глядя на него: — мне кажется, что у вас есть особенные причины, что вы умываете руки наперед. Скажите, в характере моего будущего товарища действительно есть нечто, чего следует опасаться? Говорите откровенно, не будьте таким скрытным!

Стэмфорд расхохотался.

— Дело в том, что чрезвычайно трудно объяснить необъяснимую вещь, — сказал он: — Холмс, на мой взгляд, уж слишком тождествен с самой наукой, он сливается с нею, и вследствие этого, быть-может, он и относится совершенно равнодушно ко всему остальному. И я думаю, что он был бы в состоянии испробовать на своем друге какой-нибудь только что открытый им яд не по злобе, а попросту, чтобы проследить его действие. Но, чтобы быть справедливым, я должен прибавить, — и это мое искреннее убеждение, — что он совершенно так же способен и сам подвергнуться добровольно подобному же испытанию. Он с каким-то бешенством старается углубить науку, за которую принимается, и свои познания заключить в известные, математически точные формулы.

— Я нахожу, что он прав.

— Согласен, но таким образом можно дойти и до крайностей. Может, например, показаться очень странным, если кто-нибудь возьмет палку и начнет колотить препарированные части, находящиеся на анатомическом столе.

— Что вы говорите!

— Чистую правду. Он сделал подобную вещь однажды. Я видел собственными глазами. Кажется, он хотел знать, как действуют на труп удары палкой.

— Но ведь вы говорите, что он студент-медик?

— Нет. Один бог знает цель его занятий и изучений. Но вот мы и прибыли, и вы можете сами составить о нем какое угодно мнение.

Беседуя таким образом, мы повернули в переулок и прошли в маленькую дверь, находившуюся в боковом корпусе госпиталя.

Обстановка госпиталя не была чужда мне, и я не нуждался в проводнике, чтобы ориентироваться и найти дорогу. Я поднялся по широким каменным ступеням, от которых

веяло холодом, и пошел по коридору с белыми стенами и отворяющимися налево и направо дверями, выкрашенными в темную краску. К коридору примыкал низенький, сводчатый проход, ведущий в лабораторию. Это была громадная и очень высокая комната, сверху донизу заставленная флаконами и бутылями внушительных размеров. Широкие и низкие столы были расставлены по всей комнате там и сям, без всякого порядка. Реторты, ступки и бензиновые лампочки, на которых вспыхивало голубоватое пламя, сплошь загромождали столы.

В глубине залы, наклонившись над столом, весь углубленный в свои занятия, сидел молодой человек. При шуме наших шагов он быстро поднял голову и бросился к нам, испустив восклицание триумфа и подсовывая под нос моего спутника стеклянную ступку.

— Вот он, вот он, единственный во всем мире реактив, который осаждает гемоглобин! Я нашел его! — воскликнул он.

И если бы он открыл залежи золотого песку, то вряд ли был более счастлив, нежели в настоящую минуту.

— Доктор Ватсон, Шерлок Холмс, — произнес Стэмфорд, представляя нас друг другу.

— Как поживаете? — приветливо сказал мне Шерлок Холмс, пожимая мою руку с силой, которой нельзя было подозревать в нем на первый взгляд. — Вы, я вижу, возвращаетесь из Афганистана.

— Каким образом вы можете знать? — совершенно ошеломленный воскликнул я.

— Ну, это все равно! — ответил он, улыбаясь своим мыслям. — В настоящую минуту меня более всего занимает гемоглобин и его реактив. Надеюсь, что вы понимаете все громадное значение моего открытия?

— Несомненно, это открытие очень полезно и важно в области химии, но с практической точки зрения . . .

— Как! Да ведь это именно такое открытие, которое принесет громадную пользу в практической жизни! Подобного ему не было сделано в течение уже многих, многих лет. Разве вы не понимаете, что при помощи этого реактива мы будем безошибочно распознавать пятна человеческой крови? Подите-ка сюда! — и в порыве радости и нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к столу, за которым занимался. — Добудем сначала немного свежей крови . . .

Проговорив это, он сделал ланцетом разрез на своем пальце, и взял каплю крови в тоненькую стеклянную трубку.

— А теперь я опущу эту каплю крови в литр воды, — продолжал он. — Заметьте, что вода сохранила совершенно такой же вид, какой имела и раньше. Кровь не составляет и миллионной части воды, и все-таки я не сомневаюсь, что при помощи моего реактива мы получим осадок.

Говоря таким образом, он опустил сначала в сосуд несколько прозрачных кристаликов, а затем влил небольшую дозу какой-то бесцветной жидкости. В один момент вся вода приняла цвет потемневшего красного дерева, а на дне сосуда появился коричневатый осадок.

— Ха! ха! — восклицал Холмс, хлопая в ладоши с видом ребенка, которому предложили новую игрушку. — Что вы думаете об этом?

— Думаю, что это реактив редкой чувствительности, — заметил я.

— Чудесный реактив! Прямо чудесный! Получали и прежде осадок при помощи бакаута, но очень слабый и несовершенный. Точно такой же слабый результат получался и от исследований кровяной капли под микроскопом, потому что состав крови сильно изменялся уже через несколько часов. А мое средство производит реакцию одинаково хорошо как свежей, так и старой запекшейся крови. О' если бы это открытие было сделано раньше, многие и многие сотни людей, совершивших преступления и спокойно разгуливающих теперь по белу свету, понесли бы заслуженное наказание!

— Вероятно, — пробормотал я.

— Ну да, конечно. Мы подошли к главной точке, на которую опирается в большинстве случаев искусство юридических расследований. Бывает так: человек совершил преступление, и только по истечений нескольких месяцев после его совершения на него падает подозрение. Осматривают его платье, белье, находят на них темные пятна; откуда они? Пятна ли это грязи, крови, ржавчины, или попросту фруктового сока? На этом срезался не один эксперт... А почему? Потому, что мы не имели в руках реактива, который бы действовал безошибочно. Но теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и неизвестности нет более места.

Он говорил с глазами, сверкающими, как уголь, а затем, окончив свою маленькую речь, приложил руку к сердцу и поклонился, как

будто стоял перед многочисленной публикой и благодарил за аплодисменты.

— Поздравляю вас, — сказал я, невольно поддаваясь его искреннему восторгу.

— Не имели ли мы в прошлом году замечательного дела Ришоф де-Франфора? Его повесили бы непременно, если бы мой реактив был открыт в то время. А Массон из Брандфорда? А знаменитый Мюллер, а Лефевр и Монпелье? А Самсон из Нового Орлеана?.. Да я мог бы вам перечислить еще с двадцать совершенно аналогичных случаев.

— Вы точно живой список всех преступлений! — смеясь воскликнул Стэмфорд. — Отчего вы не отпечатаете справочный календарь под названием: — Альманах преступлений?

— Это было бы очень интересно, — пробормотал Шерлок Холмс, заклеивая кусочком пластыря то место на пальце, где он сделал разрез ланцетом.

— Я должен принимать меры предосторожности, — смеясь сказал он мне: — потому что мне приходится постоянно возиться с ядами.

Я взглянул на его руки и увидал, что пальцы во многих местах были покрыты такими же кусочками пластыря и обожжены ядовитыми кислотами.

— Но дело не в этом, — сказал Стэмфорд, садясь на скамейку и подталкивая меня другою ногой: — мы пришли сюда, чтобы поговорить о серьезном деле. Мой друг, стоящий перед вами, ищет квартиру. Я слышал от вас, что вы не можете найти товарища для совместного жительства, и думаю, что сделаю благо вам обоим, сведя вас.

Шерлок Холмс казался очень обрадованным возможностью поселиться со мною вместе и воскликнул:

— У меня есть квартирка в виду, на Бэкер-Стрите. Она подошла бы нам как раз впору. Надеюсь, вы переносите запах очень крепкого табаку?..

— Я сам курю матросскую махорку, — ответил я.

— Отлично. Предупреждаю вас еще, что я вечно окружен химическими веществами и по временам произвожу опыты. Подходит вам это?

— Совершенно.

— Постойте, я подумаю еще, какие у меня недостатки... Да! Мне случается впадать в мрачную хандру, которая длится по нескольку дней, в течение которых я не

раскрываю рта. Поэтому не следует думать в это время, что я дуюсь. Меня надо только оставить в покое на это время, и я быстро возвращаюсь к обычному состоянию. Ну, а теперь ваша очередь делать признания. Гораздо лучше для людей, собирающихся жить вместе, чтобы они знали привычки и недостатки друг друга.

Я невольно улыбнулся.

— У меня есть маленькая собачка, — начал я мою исповедь: — потом я был очень болен недавно, вследствие чего нервы у меня расстроены, и я не выношу шума и гама. Встаю я очень поздно, до смешного поздно, и ленив я чертовски. Когда я буду совершенно здоров, у меня явится, конечно, другие недостатки, но в настоящее время их у меня больше того, что я сказал уже, нет.

— Но говоря, что не выносите гама, вы не хотите сказать, что не выносите игры на скрипке? — с беспокойством спросил Холмс.

— Это зависит от исполнения, — ответил я: — хорошая игра на скрипке доставляет мне громадное удовольствие, но если вместо игры я слышу пиликанье...

— В таком случае отлично! — весело воскликнул он: — наше дело в шляпе, если квартира вам понравится, конечно.

— Когда мы можем ее осмотреть?

— Приходите за мною сюда завтра после двенадцати часов, и мы отправимся вместе.

— Согласен. Итак, до свиданья. Завтра в указанное время я буду здесь, — сказал я, пожимая его руку.

Шерлок Холмс отошел от нас и снова погрузился в свои занятия, а мы вышли из госпиталя и пошли по направлению к моей гостинице.

— Кстати, — сказал я, обращаясь к Стэмфорду, — какой чорт мог ему сказать, что я вернулся недавно из Афганистана?

Стэмфорд загадочно улыбнулся.

— Это одна из его странностей, — сказал он. — Многие удивляются его способности угадывать массу вещей с первого же взгляда.

— О! Тут, следовательно, кроется тайна! — воскликнул я, с удовольствием потирая руки. — Это становится интересным. Я вам бесконечно благодарен за знакомство с подобным субъектом. Кто хочет знать людей, тот должен постепенно изучать различные индивидуальности.

— Ну, и поизучайте эту индивидуальность, — улыбнулся Стэмфорд, прощаясь со мною. — Но я должен вас предупредить, что

в лице Шерлока Холмса вы натолкнетесь на загадку, которую вам трудно будет разобрать. И я готов держать пари, что он, пока вы только еще приступите к изучению его характера, будет знать вас самого вдоль и поперек. А затем — до свиданья.

— До свиданья! — ответил я и пошел снова прогуливаться по улицам Лондона, сильно заинтересованный своим новым знакомством.

II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой

На другой день, в указанное время, я и Шерлок Холмс отправились в Бэкер-Стрит, чтобы осмотреть намеченную квартиру. Она состояла из двух комнат поменьше, но очень комфортабельных, и из большой, обставленной прекрасной мебелью, гостиной, высокой, с массой света, льющегося через два широкие окна. Общее впечатление было такое приятное, и цена, принимая во внимание, что мы платили пополам, такая подходящая, что мы тотчас же порешили дело. В тот же вечер я, сгорая от нетерпения поместиться покомфортабельнее, перевез из гостиницы все свои вещи, а на другой день утром явился и Шерлок Холмс в сопровождении довольно большого числа ящиков и сундуков. Два или три дня мы были заняты тем, что расставляли и развешивали все имеющиеся у нас вещи и украшения, стараясь поместить каждую вещицу таким образом, чтобы она выигрывала как можно больше.

После этих предварительных хлопот мы почувствовали, что находимся дома, и начали понемногу осваиваться со своим новым помещением.

Холмс оказался, действительно, очень покладистым человеком, ужиться с ним не представляло никакого труда. Он был очень покоен в своих привычках и крайне аккуратен. Ложился он редко позже десяти часов, и когда я на другой день поднимался с постели, то никогда уже не заставал его дома. Он завтракал один и тотчас же куда-то исчезал. Иногда он проводил целые дни то в лаборатории, то в анатомическом зале, иногда же совершал длинные прогулки, причем неизменно выбирал самые отдаленные, самые бедные улицы. Никакими словами невозможно было описать его необычайной деятельности и энергии, когда он находился в возбужденном состоянии. Но после нескольких таких дней наступала реакция, и он целую неделю с утра до ночи лежал растянувшись на диване, буквально не произнося ни одного слова, не двигая ни одним членом. В эти дни выражение его глаз было до такой степени мечтательным и как бы не от мира сего, что я мог бы заподозреть, что он употребляет какие-нибудь сильные наркотические средства. Но, зная его трезвые привычки и совершенно порядочный образ жизни, я не решался допустить ничего подобного.

Недели шли за неделями, и мое любопытство возросло до крайних пределов. Особенно меня интриговали его занятия и цель, которую он преследует в своей жизни. Самая наружность Холмса была такова, что невольно останавливала внимание даже самого ненаблюдательного человека. Он был очень высок ростом и так худ, что это еще более увеличивало его рост. Его глаза были блестящи и проницательны, кроме дней столбняка, о которых я говорил выше. Нос его, тонкий и сильно горбатый, придавал ему вид хищной птицы. Все его лицо носило выражение решительности и необычайной проницательности. Широкий подбородок также свидетельствовал о необыкновенной силе воли и настойчивости. Его руки были вечно покрыты чернильными пятнами и обожжены химическими кислотами, что было очень странно при той ловкости, с какой он обращался с хрупкими принадлежностями химической лаборатории.

Рискуя показаться читателю любопытным, как старая баба, я все же должен

сознаться, что Шерлок Холмс возбуждал мое любопытство до крайних пределов. Многократно, но и бесплодно пытался я проникнуть в тайну, которою он окружал себя. Как единственное оправдание себе, я должен привести тот факт, что в те дни моя собственная жизнь была лишена всякого интереса. К тому же, состояние моего здоровья позволяло мне выходить на прогулку только в исключительно благоприятную погоду. У меня не было ни друзей, ни знакомых, которые могли бы прийти навестить меня и оживить таким образом однообразное течение дней и часов, становившееся для меня все тягостнее и тягостнее. Поэтому нет ничего удивительного в том, что я с жадностью набросился на возможность приподнять завесу таинственности, за которой скрывался мой новый товарищ.

Несомненно для меня было одно: он не изучал медицины. Однажды даже я прямо спросил его самого об этом, и он подтвердил мои заключения. Да и вообще его чтения и занятия носили крайне беспорядочный характер. Работал он без системы, порывами, и трудно было заключить, какую из отраслей знания он изучает. Но усидчивость и усердие, с которыми он занимался некото-

рыми предметами, были поистине велики. Его замечания в области той или другой отрасли знания поражали меня своей глубиной и верностью. «Конечно, — думал я, — никто не станет таким образом изучать специальные науки, не имея определенной цели в виду. Есть люди, которые много читают, изучают, многим интересуются, но в конце концов бывают не в состоянии даже приблизительно резюмировать прочитанное. К тому же, кому охота отягощать свой мозг такой массой второстепенных знаний, не рассчитывая утилизировать их впоследствии?».

Удивительнее всего было то, что в некоторых вещах он был положительный невежда. Его знакомство с отечественной литературой, политикой и философией сводилось к нулю. Однажды я при нем процитировал что-то из Карлейля. Шерлок самым искренним тоном спросил меня, кто такой Карлейль и чем он занимается. Но изумление мое достигло крайних пределов, когда однажды совершенно случайно я открыл, что он совершенно не знаком с теорией Коперника и не имеет ни малейшего понятия о солнечной системе. Я совершенно не мог понять того, каким образом в половине девятнадцатого века мог существовать

человек, не знающий, что земля вращается вокруг солнца.

— Вы удивлены? — спросил он меня с улыбкой. — Но будьте покойны, теперь, когда я знаю теорию Коперника, я постараюсь забыть про нее как можно скорее.

— Забыть?

— Вы сейчас поймете почему. В первые годы существования мира человеческий ум представляется мне в виде пустой мансарды, которую всякий может меблировать по своему вкусу и усмотрению. И если владелец мансарды окажется глупцом, то он загородит ее массой вещей совершенно лишних, а те, которые ему могли бы понадобиться, окажутся в куче за дверью. Или, даже если он и найдет возможность втащить их внутрь, то он до такой степени перепутает их с разным хламом, что никогда не найдет их в нужную минуту. Если хозяином окажется умный человек и ремесленник вдобавок, то он отнесется к этому делу с большим старанием. Он не поставит в комнате ничего, кроме вещей, которые ему необходимы в его ремесле. И эти-то необходимые ему вещи он разместит в строгом порядке и каждую в надлежащем месте. Ошибочно думают, что маленькая мансарда, о которой я говорю, обладает

эластичными стенами, которые могут растягиваться по желанию. Верьте мне, что наступит, наконец, такое время, когда для того, чтобы запомнить одно, вы должны будете выбросить из памяти другое. Поэтому крайне необходимо не загораживать бесполезно ваш чердак, чтобы не стеснять его на случай, когда он должен будет вам послужить.

— Но солнечная система... — запротестовал было я.

— На кой чорт она мне нужна! — воскликнул он с нетерпением. — Вы говорите, что земля вертится вокруг солнца; пусть она вертится и вокруг луны, если это ей доставит удовольствие. А мне наплевать на нее! Мои занятия нисколько не пострадают от этого.

Чуть-чуть я не спросил его, в чем же собственно состоят его занятия, но, взглянув на него, я понял, что мой вопрос будет несвоевременным. Но этот разговор заставил меня задуматься и сделать несколько заключений. Ведь он сказал, что избегает всяких знаний, которые не могут служить ему для достижения намеченной цели. Я перечислил в памяти те отрасли знаний, в которых он казался мне особенно сильным, и даже, взявши карандашик, составил следующий список:

СПИСОК ЗНАНИЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА.

1. Литература — полное незнание.

2. Философия — тоже.

3. Астрономия — тоже.

4. Ботаника. Знания колеблющиеся. Очень силен во всем, что касается белладонны, опия и сильных ядов вообще. Совершенный невежда в знании хлебных злаков и овощей.

5. Геология. Знания заключены в строгую систему. Прекрасно различает с первого взгляда почвенные наслоения. Часто показывает мне после своих прогулок различные пятна грязи на своем платье и объясняет, каким образом он распознает по цвету этих пятен, в какой части Лондона они были сделаны.

6. Химия. Знания очень глубокие.

7. Анатомия. Знания обширны и серьезны, но без всякой системы.

8. Психология. Знания необычайные. Ни одно преступление в течение текущего столетия не неизвестно ему.

9. Прекрасно играет на скрипке.

10. Очень силен в боксе и хорошо дерется на рапирах.

11. Прекрасно знает английское законодательство, но только в применении на практике.

Окончивши этот список, я перечел его и с досадой бросил в огонь. «Не лучше ли вместо того, чтобы угадывать на этой куче разнообразных знаний цель, к которой стремится этот человек, — бросить все?».

Я упомянул в своем списке, между прочим, тот факт, что Холмс прекрасно играет на скрипке. Он действительно играл на этом инструменте поразительно хорошо. Но и тут он был крайне оригинален. Я знал, что он был в состоянии исполнить самые трудные пьесы, но часто, сидя в кресле, он брал скрипку и, закрыв глаза, принимался, если можно так выразиться, царапать смычком по струнам. По временам он извлекал из них таким образом грустную и сладкую мелодию, в другое время звуки быстро следовали друг за другом, порывисто, весело, без всякого такта. Эта фантастическая музыка была как бы ответом на его собственные мысли.

Я мог бы с полным правом восстать против этих оригинальных концертов, но Шерлок Холмс, прежде нежели приступить к вариациям собственного творчества, играл мне

всегда массу самых излюбленных моих пьес и этим задабривал меня.

В течение первой недели никто не посетил нас. Я начал уже думать, что Холмс, равно как и я, не имеет ни родных ни знакомых, когда мало-по-малу заметил, что у него. напротив, масса связей и знакомств в различных слоях общества. Между другими посетителями я обратил внимание на одного сухощавого субъекта с черными и пронзительными глазами и формой головы, страшно напоминающей крысу. Он приходил по два и даже по три раза в неделю и был мне представлен под именем Лестрада.

Однажды утром я увидел входившую к нам молодую, очень элегантную даму, которая беседовала с Холмсом более получаса наедине. В другой раз предо мною промелькнуло немолодое, морщинистое лицо какого-то седовласого еврея, повидимому, торговца подержанными вещами, который находился в сильнейшем волнении. Почти вслед за ним явилась старушка в деревянных башмаках и крайне бедно одетая. Приходил и пожилой господин с длинными усами, очень респектабельного вида, и чиновник с железной дороги, судя по мундиру с бархатными выпушками,

Всякий раз, когда появлялись эти странные посетители, Холмс просил меня предоставить в его распоряжение гостиную, и я уходил в свою комнату. При этом он ужасно извинялся предо мною за причиняемое беспокойство.

— Но ничего не поделаешь, — говорил он: — эти люди мои клиенты, и я должен говорить с ними без свидетелей.

И тут опять у меня вертелся на языке вопрос о роде его занятий, но мне показалось неудобным врываться таким образом в его интимный мир. В конце концов я уже было совсем порешил, что он скрывается передо мною по очень важным причинам, когда в один прекрасный день он сам затронул так сильно интриговавший меня вопрос.

Это было четвертого мая, — я имею серьезные основания запомнить это число точно, — когда однажды, проснувшись немного ранее обыкновенного, я встал и присоединился к Холмсу, который завтракал в гостиной. Наша хозяйка так уже привыкла к тому, что я встаю поздно, что не приготовила мне завтрак ко времени. Я с раздражением, свойственным всем капризным людям, позвонил и сухо отдал приказание поторопиться с завтраком.

Товарищ мой молчаливо поглощал один бутерброд за другим, а я, увидев на столе газету, принялся ее перелистывать. Одна статья, отмеченная красным карандашом, привлекла мое внимание, и я принялся читать ее. Заглавие статьи «Книга жизни» показалось мне несколько напыщенным. Автор старался доказать огромную пользу, какую может извлечь всякий мало-мальски наблюдательный человек из наблюдений над фактами повседневной жизни, если он отнесется к ним критически и будет производить свои наблюдения по известной системе. Все то, что он приводил для подтверждения своей мысли, показалось мне странной смесью утонченности и глупости. Несмотря на сжатость рассуждений, выводы казались мне до того натянутыми, что производили впечатление полной нелепости. Мгновенное выражение изумления на лице, небольшая спазма мускула, легонькое прищуривание глаз, по словам автора, являлись совершенно достаточными для того, чтобы проникнуть в сокровеннейшие мысли человека. И если кто владеет даром наблюдения и анализа, то никогда не ошибется в своих выводах, они окажутся математически верными. «Пусть дадут, — говорил автор, — человеку, в со-

вершенстве владеющему логическим аппаратом, одну каплю воды, и он по ней, следуя дедуктивному методу изучения, составит себе точное и ясное понятие об Атлантическом океане, о Ниагарском водопаде, не имея до сих пор ни малейшего понятия о том и другом. Жизнь каждого человека точно так же представляет не что иное, как длинную цепь. Достаточно знать одно только ее звено для того, чтобы суметь восстановить и всю цепь. Дар анализа и дедукции существует наравне с другими научными способностями. Можно приобрести этот дар только путем многолетней терпеливой и глубокой тренировки. Но и тогда даже ум человеческий не в состоянии будет достигнуть в этой области высших пределов знания. Предмет этот до такой степени сложен и необъятен, что, приступая к его изучению, самое лучшее — начинать с самых простых вещей. Когда мы встречаемся с незнакомым человеком, мы должны с первого же взгляда угадать историю его жизни, его профессию и характер. Подобные упражнения необходимы; каким бы ребяческим и пустым делом нам это ни показалось, но это единственный способ изощрить нашу наблюдательность. Это научит

нас впоследствии, куда и на что мы должны обращать прежде всего свои взгляды. Поэтому обратите внимание на ногти, на рукава платья, на обувь, на выпуклые места, которые производятся коленями и изменяют форму брюк, на мозоли указательного и большого пальца. Следите за выражением лица, за манжетами у кистей рук, и вы можете вывести из этих наблюдений такие следствия, которые безошибочно откроют перед вами всего человека».

— Что за бессмыслица! — воскликнул я, бросая газету на стол. — Никогда еще мне не приходилось читать ничего более идиотичного.

— Что это с вами? — спросил Холмс.

— Это вина вон той статьи, — ответил я, указывая на газету и приступая к своему завтраку. — Впрочем, вы ее, вероятно, прочли, потому что отметили ее карандашом. Она остроумна, с этим надо согласиться, но все-таки раздражает меня до крайности. Я как будто вижу перед собой этого автора-теоретика, который забавляется измышлением подобных парадоксов, как он сидит, развалившись преудобнейшим образом в кресле, в своем рабочем кабинете. В конце концов какой же практический вывод из его

прекрасной теории? Посадить бы этого господчика в третий класс подземной железной дороги и заставить его перечислить род занятий всех его спутников. Пари держу, что он оказался бы несостоятельным.

— И проиграли бы пари, — смеясь сказал Холмс: — что касается статьи, о которой идет речь, то ее автор — я сам.

— Вы!

— Да, я. У меня природное влечение к наблюдениям и анализу. Теория, которую я излагаю в этой статье и которая кажется вам такой утопической, на самом деле как нельзя лучше применима в практической жизни. И применима настолько, что она одна и доставляет мне средства существования.

— Каким образом? — невольно воскликнул я.

— Ну, да, потому что я занимаюсь известным ремеслом и полагаю, что я единственный в своем роде. Я, если можно так выразиться, присяжный советник полицейских агентов. Здесь, в Лондоне, полиция разделяется на две части: одна правительственная, другая частная. И когда господа полицейские находятся в затруднении, то приходят ко мне за советом, а я распутываю дела. Они

рассказывают мне дело во всех подробностях, и обыкновенно, благодаря тому, что я долго и пристально изучал всякие преступления, я очень быстро направляю их на надлежащий путь. Все преступления имеют в себе массу общего, и если вы хорошенько изучили тысячу преступлений, вам не доставит никакого труда разобраться и в тысяча первом преступлении. Лестрад, которого вы видели у меня, в настоящее время очень известный полицейский. Недавно он сел в лужу с одним делом о поддельвателе денег и обратился за помощью ко мне.

— А те другие субъекты, которые ходят к вам?

— Большинство из них посылается ко мне частными агентствами полиции. Все это люди, попавшие в затруднительное положение и ищущие способов выйти из него. Я выслушиваю их маленькие истории, они выслушивают мои комментарии и советы, и я кладу в карман свой гонорар.

— И вы утверждаете, что, сидя здесь, в своей комнате, вы можете яснее и безошибочнее разобраться в деле, нежели люди, проследившие его вблизи и по горячим следам?

— Да, я именно это утверждаю. Я от природы обладаю известным как бы духовным чутьем. Правда, время от времени мне приходится встречаться с делами несколько более запутанными и сложными. Тогда я принужден бываю немного пошевелиться и проследить дело собственными глазами. Вы заметили, может быть, что я обладаю большим запасом специальных знаний. Вот я и прилагаю их для решения различных загадочных дел, и знания эти оказывают мне неоценимые услуги. Метод, который я излагаю в своей статье и которые возбудили ваше негодование, на самом деле, необходим для меня при решении дел, которые я веду лично. Впрочем, наблюдательность у меня стала уже второй природой. Вы ведь были удивлены немного, когда я при первом знакомстве с вами сказал, что вы возвращаетесь из Афганистана?

— Вероятно, вы слышали что-нибудь об этом раньше.

— Нисколько. Я видел, что вы возвращаетесь оттуда. Благодаря долгой привычке, цепь моих мыслей составляется так быстро, что я вывожу окончательное заключение, даже не отдавая себе отчета в том, что существуют отдельные звенья этой цепи. На

самом же деле они существуют. Возьмем для примера хоть случай с вами. Я сказал про себя: вот господин с видом врача, и именно врача военного. Он возвращается из тропических стран, потому что цвет лица у него очень темный. Но это не природный цвет его кожи, потому что кисти его рук очень белы. Выражение его лица ясно доказывает, что он подвергался многим лишениям и был болен. Затем он был ранен в левое плечо, потому что рука его не сгибается и он несвободно владеет ею. В какой же тропической стране английский военный врач мог подвергнуться лишениям, болезни и получить рану? Конечно в Афганистане. Все эти наблюдения промелькнули в моем мозгу не более чем в секунду. И я сказал вам, что вы возвращаетесь из Афганистана, а вы удивились.

— Благодаря вашим объяснениям, теперь это мне кажется очень естественным, — улыбаясь, сказал я: — вы напоминаете мне Дюпэна у Эдгарда По. Но я думал, что подобные люди существуют только в романах.

Шерлок встал и закурил трубку.

— Сравнивая меня с Дюпэном, вы, вероятно, хотели сделать мне комплимент, —

сказал он. — А по-моему Дюпэн был очень обыкновенный человек. Все его искусство заключалось в том, что он задавал неожиданные вопросы после нескольких минут молчания и таким образом улавливал мысли собеседника, затем он умел вставлять замечания очень кстати и вызывать реплики. Но этот метод допроса уже очень бесхитростен, и против него всегда можно быть настороже. Дюпэн, действительно, обладал некоторым даром наблюдения и анализа, но он далек от типа выдающегося феномена, каким его хотел изобразить Эдгар По.

— Читали ли вы сочинения Габорио? — спросил я. — Если да, то считаете ли вы его Лекока совершенным сыщиком?

Шерлок иронически засмеялся.

— Лекок был просто грязный сплетник! — с досадою воскликнул он. — У него только и было, что необыкновенная энергия. Знаете ли, я прямо был болен после чтения этой книги. Для того, чтобы установить личность какого-нибудь неизвестного преступника, я обыкновенно употребляю двадцать четыре часа, а Лекоку понадобилось бы не менее шести месяцев. Я придерживаюсь того мнения, что эту книжку надо обязательно вручать для прочтения каждому

полицейскому для того, чтобы они могли научиться, чего не надо делать в их профессии.

Мне было очень досадно слушать его. Я видел, что оба мои излюбленные типа, которым я удивлялся, низвержены с их пьедесталов. Я встал и, подойдя к окну, стал бесцельно смотреть в него, желая скрыть свое неудовольствие и волнение. «Может-быть,— думал я, — этот молодой человек очень ловок и искусен, но он слишком уж много думает о себе».

— Увы, — сказал Шерлок Холмс, как бы говоря сам с собою, — в наше время нет больше преступлений, нет больше преступников! Зачем теперь иметь хорошо устроенную голову? Я, например, сознаю, что я способен был бы прославить и обессмертить свое имя. До сих пор еще не было, да и никогда не будет человека, который бы подобно мне изучил так много различных специальных отраслей знания только для того, чтобы раскрывать преступления. А зачем все это? Нет более преступлений, а если есть, то они так мизерны и так неискусно совершаются, что самый последний из Скотланд-Ярдовских полицейских в состоянии распутать их сразу.

Окончательно шокированный его словами, я постарался переменить разговор.

— Хотел бы я знать, чего надобно этому субъекту? — сказал я, указывая в окно на человека, который медленно шел по противоположной стороне улицы и внимательно прочитывал номера домов. Он был высок ростом, широк в плечах и одет самым обыкновенным образом. Очевидно, он был послан с каким-нибудь поручением, потому что держал в руке большой синий конверт.

— Вы говорите об этом морском унтер-офицере в отставке? — спросил Холмс.

«Чорт бы побрал это хвастливое животное! — подумал я. — Он отлично знает, что что я не могу проверить точности его заключений».

Едва успела эта мысль промелькнуть в моей голове, как человек, о котором шла речь, прочтя номер нашего дома, быстро перешел улицу. Послышался сильный стук молотка в дверь, затем низкий голос, говоривший что-то, и вслед за этим по лестнице раздались тяжелые шаги.

— Мистеру Шерлоку Холмсу, — произнес человек, входя в комнату и протягивая конверт моему другу.

Для меня представлялся очень удобный случай зажать рот моему хвастливому сожителю. Вероятно, он ни одной минуты не подозревал, что я могу проверить его утверждение.

— Скажите мне, мой друг, — сказал я самым любезным тоном, обращаясь к вошедшему незнакомцу, — чем вы занимаетесь?

— Я комиссионер, — резко ответил он; — одет я так потому, что мой костюм в починке.

— А раньше этого, — продолжал я, бросая на Холмса лукавый взгляд, — где вы служили?

— Я был унтер-офицером в королевской морской инфантерии. Ответа не будет? Честь имею кланяться.

Он стукнул каблуками, приложил руки к козырьку, повернулся и вышел вон.

III. Тайна Лористонского Сада

Я должен сознаться, что такое неопровержимое подтверждение выводов моего друга глубоко взволновало меня. И раньше я был очень высокого мнения о его таланте, а теперь мое уважение к нему возросло еще более. Но случай с комиссионером не был ли подстроен заранее, чтобы одурачить и ослепить меня? Эта мысль невольно пришла мне в голову, и я спрашивал себя, что за цель была у него поступать таким образом со мною. Я оглянулся и начал внимательно рассматривать Шерлока Холмса. Он только что окончил чтение письма, и его глаза приняли тусклое выражение, доказывавшее, что его мысли блуждали далеко.

— Каким образом вы угадали так безошибочно? — спросил я.

— Что угадал? — быстро ответил он.

— Да что этот человек был некогда морским унтер-офицером?

— Мне некогда заниматься пустяками! — с гневом воскликнул он, затем улыбнулся и продолжал: — Простите меня за грубый ответ, но разве вы сами не видели, что это отставной моряк и унтер-офицер?

— Конечно нет.

— А между тем угадать это несравненно легче и скорее, нежели объяснять, как сделал это я. Если вас заставят доказать, что дважды-два — четыре, вы думаете, это будет легко? А между тем вы совершенно убеждены в том, что дважды-два четыре. Но возвращаюсь к нашему субъекту. Когда он находился еще на той стороне улицы, я заметил большой голубой якорь, выжженный на верхней части его руки. Это пахнет морем. Затем у него фигура военного человека, и его баки подстрижены так же, как у военного. В его манерах, наконец, было нечто, что указывало на привычку командовать, и он держал себя с сознанием собственного достоинства. Разве вы не заметили, как он держал голову и как постукивал своей тросточкой? И так как он был не особенно молод и имел в своей фигуре нечто «респектабельное», то я заключил, что он был унтер-офицером.

— Великолепно! — воскликнул я.

— Все это очень просто, — ответил Холмс, но по его лицу я прекрасно видел, что он был очень доволен моим восторженным восклицанием.

— Только сейчас я говорил вам, что нет более преступников, — продолжал он. — Я ошибся: прочтите это.

И он протянул мне письмо, которое принес комиссионер.

— Но это ужасно! — воскликнул я, пробежав быстро письмо.

— Да, это как будто выходит из обычного шаблона, — спокойно заметил он. — Не будете ли вы так любезны прочесть мне это письмо еще раз вслух.

Вот что заключалось в письме:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс! Нынешней ночью, в доме номер 3-й в Лористонском Саду, возле Брикстонской дороги, произошел несчастный случай. Полицейский агент, проходя около двух часов ночи мимо этого дома, заметил в нем свет. Так как в доме никто не жил, то присутствие огня показалось ему очень подозрительным, и он подошел к дому поближе. Дверь оказалась открытой настежь; в первой комнате, совершенно пустой, лежал на полу труп человека,

одетого в платье, показывающее, что покойный принадлежал к высшему обществу. В карманах платья убитого оказались карточки с именем Эноха И. Дреббер, Клевеленд, Огио, С. Ш. А. Очевидно, он был убит не с целью грабежа, и совершенно невозможно даже предположить, что было причиной его смерти. По всей комнате заметны явные следы крови, но на теле покойного нет ни малейшей царапины. Каким образом проник этот человек в необитаемый дом? Здесь начало тайны, да и все это дело с начала до конца таинственно и загадочно.

«Если вы пожелаете побывать на месте преступления еще до полудня, то вы найдете меня там. Я оставил все так, как нашел, до тех пор, пока вы не скажете мне, что думаете обо всем этом и что рассчитываете делать дальше. В случае если вы не можете побывать там лично, я постараюсь дать вам более точный и подробный отчет и буду чрезвычайно счастлив услышать ваше мнение.

Преданный вам Товий Грегсон».

— Грегсон — самый тонкий и искусный сыщик Скотланд-Ярда,—заметил мой друг:— он да Лестрад — вот и все избранные из этого мало замечательного учреждения. Оба

они горячи, полны энергии и усердия, но всегда действуют по предубеждению. А еще хуже то, что они между собою на ножах. И тот и другой ревнуют к славе друг друга, точно известные красавицы. И если они оба занимаются этим делом, то мы будем присутствовать при забавных сценах.

Я был поражен спокойствием, с которым он говорил все это.

— Но вы не должны терять ни одной минуты! — воскликнул я. — Хотите, я сбегаю за фиакром?

— Я еще не решил, пойду ли туда: я принадлежу к разряду самых неисправимых лентяев, какие когда-либо существовали. Но бывает это не всегда, а только приступами. По временам, напротив, я умею быть очень деятельным.

— Но ведь вам представляется случай, о котором вы так вздыхали.

— Но, мой друг, рассудите, мне-то что будет изо всего этого дела? Предположим, что я распутаю дело; вы можете быть уверены, что всю прибыль от этого получат Грегсон, Лестрад и К°. Вот что значит быть вне всякого официального положения, в каком нахожусь я.

— Но ведь вас просят помочь!

— Да. Грегсон знает отлично, что я хитрее его и со мною вместе он легче сделает дело. Но он ни за что не сознается в этом перед другими, скорее он позволит себе отрезать язык. Во всяком случае мы можем пойти посмотреть, что там такое происходит. Я буду действовать по своему усмотрению и если не получу ничего другого, то по крайней мере посмеюсь над всеми этими куклами. Итак — в путь.

Говоря это, он торопливо одевался. Ни малейшего признака лени не было в его движениях. Начинался период деятельности.

— Живо берите вашу шляпу, — сказал он.

— Вы хотите, чтобы я сопровождал вас?

— Да, если у вас нет ничего более интересного в виду.

Минуту спустя мы уже сидели в фиакре и во весь дух мчались по направлению к Брикстон-Рэду. Утро было туманное, мрачное. Небо сплошь облегали серые облака. Вся неприглядная серая грязь улиц, казалось, отражалась в них и нависла над домами.

Холмс находился в восхитительном настроении духа и всю дорогу с большим оживлением болтал, сравнивая достоинства знаменитых скрипок Страдивариуса и Амати.

Что касается до меня, то я хранил упорное молчание. Пасмурное утро и это ужасное убийство, в которое, как мне казалось, я был впутан, тяжело действовали на мои нервы.

— Вы, кажется, не очень-то серьезно обдумываете, как приняться за дело, — сказал я наконец, прерывая поток музыкального красноречия моего спутника.

— У меня еще нет никаких точных данных, — ответил он. — Большая ошибка — строить какую-нибудь теорию прежде, нежели собран весь необходимый материал. Это только сбивает с надлежащего пути.

— Вам недолго осталось ждать, — ответил я, выглядывая чрез окно. — Мы приехали в Брикстон-Рэд, и, если не ошибаюсь, вон и дом, о котором шла речь в письме.

— Вы правы. Стой! — воскликнул он.

У дверей дома мы увидели высокого человека с бледным лицом.

Несмотря на то, что мы находились еще по меньшей мере в сотне метров от дома, Холмс приказал кучеру остановиться, и мы вышли из экипажа. Дом под № 3 производил внушительное и мрачное впечатление. Это был собственно не один, а четыре соединенных дома, построенные несколько вглубь от улицы.

Два корпуса занимались жильцами, два других пустовали. Эти последние были в три этажа. Три ряда темных окон, мрачных и запущенных, глядели на улицу. Там и сям налепленные на стекла билетики о сдаче квартир производили впечатление бельма на глазу. Маленькие палисадники отделяли каждый дом от улицы. В данный момент вследствие дождя, непрерывно шедшего всю ночь, палисадники эти представляли одно сплошное болото грязи. Между палисадниками шла узкая аллейка, по бокам которой чахли жиденькие и редкие деревца. Желтоватая глина проглядывала там и сям сквозь жидкий слой песку и гравия. Вокруг всех домов тянулась деревянная решетка на каменном, низком, всего в один метр вышины, фундаменте.

В тот момент, когда мы подходили, возле этой решетки стоял, опершись на нее, полицейский агент. Довольно многочисленная толпа прохожих зевак стояла тут же, вытягивая шеи и тараща глаза, в тщетной надежде проникнуть в таинственную драму, разыгравшуюся за этими стенами. Я думал, что Шерлок Холмс, не теряя ни одной минуты, бросится в дом и с плеча начнет действовать над разгадкой печальной истории, но я

ошибся. К моему величайшему удивлению, его манера действовать была совершенно иная. С видом полнейшего равнодушия, которое, в силу случившегося, я принял за аффектацию, он начал прогуливаться взад и вперед по тротуару. Он шел маленькими шагами, бросая по временам рассеянные взгляды то на землю, то на дома на противоположной стороне улицы, то на решетку, окружающую дом № 3. Окончивши этот странный осмотр, он медленно направился в аллею между палисадниками, стараясь ступать по траве, окаймлявшей дорожку, и внимательно устремив глаза вниз. Два раза он останавливался, и я видел улыбку, мелькавшую на его губах, в то время как с его губ срывались легкие восклицания удовольствия. На влажной, мягкой земле дорожки виднелись многочисленные следы; но принимая во внимание, что множество полицейских проходило взад и вперед здесь, я не мог постигнуть, какой толк мог выйти из такого внимательного разглядывания следов. Но, зная его способность замечать малейшие подробности, я был уверен, что он откроет массу интересных и веских вещей там, где нам будто бы нечего было и открывать. У дверей дома мы увидели высокого человека с бледным лицом и

с светлыми, как кудель, волосами; он сразу же поспешил к нам навстречу. В руках он держал большую записную книжку.

— Как это мило с вашей стороны, что вы пришли, — сказал он, горячо пожимая руку моего товарища. — Я велел все оставить неприкосновенным и в таком виде, как сам застал.

— За исключением этого, — сказал Холмс, указывая пальцем на аллею: — если бы целое стадо буйволов прошло здесь, то наверное не произвело бы бо̀льшего беспорядка. Но я надеюсь, Грегсон, что вы все хорошенько осмотрели еще прежде.

— У меня было слишком много дела внутри дома, — ответил он уклончиво: — но мой коллега, мистер Лестрад, находится здесь. Именно ему-то я и поручил наблюдение надо всем, что происходит вокруг дома и в саду.

Холмс бросил на меня украдкой насмешливый взгляд.

— С такими товарищами, как вы и Лестрад, не думаю, чтобы мне много осталось дела во всем этом происшествии, — сказал он любезно.

Грегсон от удовольствия начал потирать руки.

— Я думаю, — сказал он: — что мы сделали решительно все, что только было возможно. Но это очень любопытное дело; тем не менее, и зная ваше пристрастие ко всему, что выходит за пределы обыкновенного, я...

— Вы, конечно, прибыли сюда не в экипаже? — перебил его Шерлок Холмс.

— Нет, сэр.

— А Лестрад?

— И Лестрад также нет.

— В таком случае пойдем осмотрим комнату.

После этого замечания, казавшегося совершенно неуместным, он вошел в дом. Грегсон следовал за ним с лицом, выражавшим полнейшее недоумение. Маленький коридорчик, пол которого был покрыт густым слоем пыли, вел в кухню и комнаты для прислуги. Налево и направо были две двери; одна из них, повидимому, уже давным давно не отворялась, другая вела в столовую, где и разыгралась кровавая драма. Холмс вошел в столовую; я последовал за ним, охваченный тяжелым чувством, которое мы всегда испытываем в присутствии смерти.

Это была большая четыреугольная комната, казавшаяся еще больше вследствие совершенного отсутствия мебели. Стены были

обиты гладкими, очень обыкновенными обоями. На стенах там и сям виднелись пятна от сырости. Местами обои совершенно отстали и висели большими полосами вниз, открывая старые стены, плачевно выглядывавшие на свет. Против двери, на камине, сделанном под белый мрамор, виднелся огарок восковой красной свечи. Стекла в окнах были до такой степени грязны, что, казалось, с сожалением только пропускали немного сомнительного света в комнату. Вследствие этого в комнате стоял неприятный, серый полумрак, еще более увеличивающийся от толстого слоя пыли, лежавшей на всем.

Все это я вспомнил только уже долгое время спустя. Тогда же все мое внимание целиком привлекло ужасное зрелище трупа. Он лежал перед нами вытянувшийся, застывший, с широко открытыми глазами, безжизненный взгляд которых был устремлен в потолок.

Убитому казалось не более сорока лет на вид. Он был среднего роста и сложения и широк в плечах. Волосы у него были черные и курчавые, а борода редкая и коротко подстриженная. Одет он был в сюртук из толстого сукна и светлые брюки. Воротничок и манжеты блестели свежей белизной. Высокая, блестящая, как зеркало, совершенно новая шляпа валялась на полу рядом. Руки мертвеца были широко раскинуты в обе стороны и пальцы скорчены, как будто мучения, перенесенные в момент смерти, были невыносимы. Я читал на его неподвижном лице выражение такого ужаса и ненависти, каких мне еще никогда в жизни не приходилось замечать в человеческом лице.

Весь вид несчастного, его низкий лоб, слегка сплюснутый нос, его выдающиеся широкие челюсти и более всего его скрюченные пальцы и ступни ног делали его ужасно похожим на гориллу.

Мне случалось видеть смерть в различных видах и формах, но никогда в таком ужасном виде, как здесь, в этой мрачной комнате, в двух шагах от главнейшей артерии окраинного Лондона.

Лестрад со свойственным ему видом ищейки стоял возле двери и поклонился нам.

— Это дело подымет шум, сэр, — сказал он. — Я занимаюсь своим ремеслом не со вчерашнего дня и видал виды, но это дело превосходит все, что я видел до сих пор.

— Ни малейших указаний и следов! — сказал Грегсон.

— Ни малейших! — подтвердил Лестрад.

Шерлок Холмс подошел к трупу, и, став перед ним на колени, с величайшим вниманием принялся рассматривать его.

— Вы уверены, что на теле нет никаких ран? — спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови, видневшиеся вокруг тела на полу.

— Совершенно уверены! — в один голос воскликнули оба агента.

— В таком случае эта кровь принадлежит кому-то другому, по всей вероятности, убийце, если только мы имеем перед собой убийство. Это мне ужасно напоминает обстоятельства, сопровождавшие смерть Ван Жансена из Утрехта в 1834 году. Помните это дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Вы сделали бы прекрасно, если бы прочли его, уверяю вас: ничего нет нового под луной. Все, что случается, уже было раньше.

Пока он говорил, его ловкие пальцы скользили по всем направлениям, ощупывая, пожимая, расстегивая, исследуя все, до мельчайших подробностей. Но его глаза снова приняли неопределенное и рассеянное выражение, о котором я уже упоминал раньше. Осмотр трупа длился такое короткое время,

что никто не поверил бы, что он мог быть до такой степени тщательным.

Затем Шерлок Холмс наклонился к губам мертвого и начал нюхать, вдыхать, и в конце концов подробнейшим образом осмотрел каблуки у башмаков убитого, повидимому купленных в очень хорошем магазине.

— Никто не трогал труп? — спросил он.

— Никто, если не считать, что трогали мы, поскольку это было необходимо для сделанного нами осмотра.

— Можете отослать его теперь в морг. Он ничего более не скажет нам.

Грегсон еще заранее озаботился привести с собой четырех рабочих с носилками.

На его зов они явились в комнату и подняли мертвое тело. В момент, когда они клали его на носилки, откуда-то выпало кольцо и покатилось по полу. Грегсон схватил его и начал рассматривать с величайшим изумлением.

— Здесь была женщина! — воскликнул он, показывая находку. — Это обручальное кольцо.

Мы окружили Грегсона и принялись разглядывать кольцо. Сомнений не было: оно когда-то было надето на палец новобрачной.

— Это еще более осложняет дело, — пробормотал Грегсон: — и одному только богу известно, насколько оно уже было запутано до этого.

— Вы не уверены в том, что это обстоятельство упрощает, напротив, дело? — заметил Холмс. — Но мы ничего не узнаем более, созерцая это колечко. Что вы нашли в карманах убитого.

— Здесь находится все, — указал Грегсон на кучку различных предметов, сложенную на одной из ступеней лестницы.—Золотые часы № 97 163, купленные у Баро в Лондоне; золотая цепь, известная под названием «Альберт», очень крепкая и тяжелая; золотое кольцо с выгравированным на нем масонским девизом; булавка в виде головы бульдога, с рубиновыми глазами; портфель из русской кожи, в котором лежат визитные карточки с именем Эноха И. Дреббер, Клевеленд. На белье имеются такие же инициалы Э. И. Д. Портмонэ не оказалось, деньги лежали прямо в кармане; их было 75 рублей; маленькое карманное издание Боккачио «Декамерона», на первой странице которого стоит имя Джозефа Стангерсона; два письма, одно на имя Э. И. Дреббера, другое — Д. Стангерсона.

— Адрес этих писем?

— Американский Банк, Странд, до востребования. Оба письма имеют отношение к отплытию пароходов компании Гион из Ливерпуля. Очевидно, этот несчастный был накануне отъезда в Америку, в Нью-Йорк.

— Вы навели справки о Стангерсоне?

— Я с этого и начал, — ответил Грегсон: — я напечатал объявления во всех журналах и отправил одного из моих помощников в Американский банк. Но Стангерсон еще не вернулся.

— Телеграфировали вы в Клевеленд?

— Еще утром.

— Как вы составили телеграмму?

— Я попросту изложил все обстоятельства дела и просил дать мне необходимые сведения для его выяснения.

— Потребовали ли вы сведений относительно одного пункта, который мог показаться вам чрезвычайно важным?

— Я только наводил справки о Стангерсоне.

— И все тут? Не кажется ли вам, что в этом деле существует один стержень, на котором оно все держится? Может быть, вы найдете нужным послать другую телеграмму?

— Я сделал все, что было нужно, — ответил Грегсон обиженным тоном.

Шерлок Холмс пробормотал что-то сквозь зубы и уже готов был сделать какое-то замечание Грегсону, когда Лестрад, все время, пока мы разговаривали в прихожей, находившийся в первой комнате, вдруг появился перед нами, потирая с торжествующим видом руки.

— Мистер Грегсон,—сказал он,—я только что сделал открытие чрезвычайной важности. Открытие это могло легко ускользнуть от внимания всех, если бы мне не пришла счастливая идея осмотреть хорошенько стены.

Глаза маленького сыщика блистали, и он не мог скрыть удовольствия, что ему удалось сделать «подножку» своему товарищу.

— Идите сюда, — сказал он озабоченно, проходя обратно в большую комнату.

Мы последовали за ним, и эта большая комната теперь показалась мне уже не такой мрачной, потому что в ней не было ужасного, скорченного трупа.

— Теперь смотрите хорошенько, — сказал Лестрад.

Он чиркнул о свою подошву спичкой и поднял ее кверху, освещая стену.

— Глядите, — торжествующе сказал он.

Я уже говорил выше, что обои отстали в некоторых местах. В одном из самых темных углов большая полоса бумаги оторвалась совсем и висела, открывая пожелтевшую штукатуренную стену. И на этой-то обнаженной части стены грубыми каракулями было написано чем-то красным одно только слово «Rache».

— Ну, дорогие сэры, что вы думаете об этом? — спросил Лестрад, становясь в позу, делающую его похожим на топорщащегося индюка. — Никто не заметил этой надписи, потому что она находилась в темном углу, в который никому в голову не пришло посмотреть. Убийца, женщина или мужчина, сделал эту надпись своей собственной кровью. Смотрите, кровь текла здесь, вдоль стены. Значит, нет более места предположению, что мы имеем перед собой самоубийство. Но почему убийца избрал именно это место для надписи? Я сейчас вам объясню, это. Видите ли вы свечку, поставленную на камине? В момент убийства она, конечно, была зажжена, и этот угол был освещен в то время полосой света, тогда как теперь он остается более всего в тени.

— Ну, хорошо. Сделавши такое важное открытие, не будете ли вы так любезны

объяснить нам, какое заключение выводите вы из этой надписи? — иронически спросил Грегсон.

— Какое заключение? Да очень простое кто-то хотел написать имя Рашель, но ему помешали, и слово осталось не оконченным. Запомните хорошенько то, что я вам говорю, и увидите, что, когда дело это будет распутано, окажется, что в нем участвовала женщина, которую зовут Рашель. Смеяться очень легко, мистер Холмс, — обратился он к моему другу: — смейтесь. Вы, спора нет, очень ловки и хитры, но увидите, что последнее слово будет принадлежать мне, старой охотничьей ищейке!

— Прошу вас извинить меня, сказал мой товарищ, не удержавшийся от взрыва невольного смеха, раздражавшего маленького полицейского. — Вам бесспорно принадлежит честь открытия на стене этой надписи, которая, как вы совершенно справедливо заметили, сделана вторым действующим лицом вчерашней кровавой драмы. Я не успел еще хорошенько осмотреть эту комнату, но, если позволите, я сделаю это сейчас.

Говоря это, Шерлок Холмс вытащил из кармана сантиметр и большую круглую лупу. Вооруженный таким образом, он принялся

бесшумно бродить по комнате во все стороны, то останавливаясь, то опускаясь на колени и по временам даже растягиваясь на полу на животе. Это занятия, очевидно, до такой степени поглотили его внимание, что он, казалось, совершенно позабыл о нашем присутствии. Непрерывно слышалось то его бормотанье сквозь зубы, то вздохи или посвистывание, перемежающиеся время от времени восклицаниями, в которых сквозило торжество и надежда. Глядя на него, я находил в нем поразительное сходство с хорошей охотничьей собакой, ищущей след. Она бросается то направо, то налево, издавая по временам громкий нетерпеливый лай, пока, наконец, не нападет на настоящий путь.

Манипуляция Шерлока Холмса продолжалась около получаса. Мы глядели, как он с необыкновенной тщательностью измерял сантиметром расстояние между двумя невидимыми нам следами на полу. Точно таким же образом он измерял что-то на стене. Все эти измерения казались мне крайне непонятными. Затем он старательно собрал с полу небольшое количество сероватой пыли и положил ее в конверт; в конце концов он с помощью лупы приступил к исследованию надписи на стене. Он долго и внимательно

водил лупой по контурам каждой буквы и затем, считая, вероятно, свое дело оконченным, положил сантиметр и лупу обратно в карман.

— Недаром говорится, что гений должен бесконечно страдать, — заметил Холмс с улыбкой: — это совсем неверно, но иногда это можно сказать по отношению к хорошему полицейскому.

Грегсон и Лестрад наблюдали за всеми действиями коллеги-любителя не только с величайшим любопытством, но также и с оттенком некоторого презрения. Они не видели того, что я начинал уже подозревать понемножку, а именно, что все малейшие поступки и вопросы Холмса неминуемо вели к одной практической цели, намеченной уже им окончательно и бесповоротно.

— Каково ваше мнение, сэр? — спросили в один голос оба полицейских агента.

— Я с удовольствием стибрил бы у вас честь распутывания этого дела, если бы имел столько наглости думать, что могу помочь вам, — ответил Холмс: — но вы так прекрасно ведете сами все это дело, что было бы крайне неприятно видеть третье лицо, вмешивающееся в ваши действия.

Я уловил в этих словах целый мир тонкой и ядовитой иронии.

— Но если вы будете так любезны и дадите мне возможность также участвовать в ваших расследованиях, то я буду счастлив помочь вам по мере моих сил и возможности. В ожидании вашего решения я хотел бы поговорить с тем полицейским, который первый открыл труп. У вас записаны его имя и адрес?

Лестрад заглянул в свою записную книжку.

— Джон Ранс, — сказал он: — в настоящее время его дежурство кончилось. Вы можете найти его в Одлей-Курте, Кенингтон-Парк-Гат, № 46.

Холмс записал адрес.

— Идемте, доктор, — сказал он, — отправимся на поиски этого человека.

Затем, обернувшись к Грегсону и Лестраду, прибавил:

— Позвольте мне сказать вам несколько слов, которые могут пригодиться вам. Перед нами действительно убийство, и совершил его мужчина. Рост этого человека достигает по меньшей мере 1 метра 80 сантиметров, и сам он в полном расцвете сил. Ноги его малы, принимая во внимание его рост; обувь его обыкновенного фасона, с четыреугольными носками; он курит

трихинопольские сигары; он прибыл сюда со своей жертвой в фиакре о четырех колесах, запряженном в одну лошадь. Три подковы у последней порядочно потерты, между тем как одна передняя совершенно новая. Думаю что не ошибусь, сказав, что лицо убийцы очень красно. Наконец, ногти на правой его руке необыкновенно длинны. Я даю вам несколько только очень небольших указаний, но они могут быть вам полезны.

Полицейские переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

— От какой причины последовала смерть этого человека? — спросил Лестрад.

— Яд, — сухо и коротко ответил Шерлок, поворачиваясь, чтобы уходить.

На пороге двери он остановился и прибавил:

— Еще одно только слово, Лестрад: «Rache» — немецкое слово, означающее месть. Поэтому советую вам не терять понапрасну времени в поисках мистрисс Рашель.

И, бросивши эту поистине парфянскую стрелу, он, наконец, вышел, в то время как два соперничающих друг с другом полицейских остались стоять с разинутыми от изумления ртами, провожая его взглядом.

IV. *Сведения, добытые через Джона Ранса*

Был первый час пополудни, когда мы вышли из дома № 3 в Лористонском саду. Шерлок Холмс направился на ближайший телеграф и составил длинную телеграмму. Затем, кликнув экипаж, приказал кучеру везти нас по адресу, указанному Лестрадом.

— Сведения, добытые на месте, не стоят ровно ничего, — заметил Шерлок. — Судя по фактам, я составил себе уже окончательное решение и сделал вывод из этого дела, но все-таки мы сделаем хорошо, если постараемся не упустить из виду ни одной самой мельчайшей подробности.

— Вы удивительный человек, Холмс, — сказал я ему: — неужели вы надеетесь, что я поверю, что все сказанное вами им — правда в самом деле и что вы сами в этом убеждены?

— Для меня тут нет ни малейшего сомнения, и я не ошибаюсь, — ответил он. — Первое, что я заметил, когда мы прибыли на

место преступления, были двойные следы от колес фиакра, ведущие к аллее. Против решетки палисадника экипаж, повидимому, остановился. Колеи очень глубоки и ясны, потому что всю прошлую ночь шел дождь, а так как до этого уже давно стояла сухая погода, то я вывожу заключение, что эти следы сделаны именно прошедшей ночью, т. е. в ночь убийства. Я заметил также ясные отпечатки лошадиных подков; один из этих отпечатков несравненно яснее и глубже остальных трех: следовательно, одна из четырех подков новая. Сообразите-ка: я видел, что в то время, когда шел дождь, т. е. прошлой ночью, какой-то экипаж останавливался у решетки дома. Но это не был экипаж ни Грегсона ни Лестрада. Вы слышали, как я спрашивал их об этом. Из этого я и заключаю, что экипаж, подъезжавший к дому № 3 прошлою ночью, привозил убийцу и его жертву.

— Все это кажется довольно логичным, но каким образом могли вы измерить рост убийцы?

— А вот каким образом: в девяти случаях из десяти можно угадать рост всякого человека, измеривши ширину его шагов. Это делается путем математических вычислений, — по формуле, — но я не хочу утомлять вас ими. Удовольствуйтесь тем, что я дважды измерил ширину шагов убийцы, один раз на глиняном грунте аллеи, а другой — на пыльном полу комнаты. Но у меня был еще один способ проверить эти вычисления. Когда кто-нибудь пишет на стене, то инстинктивно он делает это на уровне своих глаз. А надпись, которую мы видели на стене, находится от полу на высоте 1 метра 82 сантиметров. Теперь вы сами видите, что это детская игра, а не серьезная задача.

— А как вы узнали его лета? — спросил я.

— Если человек делает прыжок шириною в 1 метр 20 сантиметров, то отсюда можно легко вывести заключение, что он не стар и не хил. А именно такой ширины была лужа воды, которую он перепрыгнул при входе в садик. Я заметил следы легкой обуви, окружающие лужу в обход, в то время как сапоги более грубые, имеющие четыреугольные носки, легко перепрыгнули ее. Право, тут нет ничего таинственного. Я только применяю к самым обыкновенным фактам тот дедуктивный метод исследования, о котором я трактовал в моей статье. Нет ли еще чего-нибудь, что кажется вам непонятным?

— Да! Длина ногтей на руке убийцы и трихинопольские сигары, — ответил я.

— Надпись на стене была сделана указательным пальцем, обмокнутым в кровь. Моя лупа открыла мне, что штукатурка вдоль букв была слегка оцарапана. А этого не случилось бы, будь у нашего незнакомца короткие ногти. Что касается сигар, то я собрал щепотку пепла с полу. Зола была черна и компактна, что бывает только у трихинопольских сигар. Надо вам знать, что я специально изучал пепел различных сортов сигар и даже издал об этом предмете небольшую брошюрку Льщу себя надеждой, что могу безошибочно с первого же взгляда различить по остатку пепла, происходит ли он от сигары, или от какого другого табака. Вот в таких-то именно мелочах хороший полицейский и отличается от Грегсонов и Лестрадов.

— Вы сказали также, что лицо убийцы должно быть очень красно, — заметил я.

— А! это предположение несколько смелое, хотя я убежден, что верное. Но относительно этого пункта пока не спрашивайте меня ничего.

Я провел рукой по лбу.

— У меня все спуталось в голове, — заметил я: — и чем более я думаю обо всем

этом, тем более оно кажется мне таинственным и непроницаемым. Каким образом двое людей, если только их было действительно двое, могли проникнуть в этот необитаемый дом? Куда девался кучер, привезший их туда? Каким образом один человек может заставить другого отравиться? Откуда кровь, которую мы видели? Какая могла быть цель убийства, раз оно совершено не ради грабежа? Откуда взялось возле трупа женское кольцо? И потом зачем понадобилось убийце вместо того, чтобы поспешно скрыться, написать на стене слово «Rache»? Признаюсь, что мне чрезвычайно трудно сообразить все это.

Мой товарищ одобрительно кивнул головой.

— Вы с необыкновенной ясностью и точностью перечисляете все затруднительные пункты в этом деле, — сказал он. — Да, действительно множество мелких подробностей остаются еще не выясненными, хотя главный пункт я уже решил окончательно. Что касается открытия бедного Лестрада, то это обыкновенная хитрая уловка, чтобы сбить с толку полицию, направив ее на ложный путь, заставив ее поверить, что тут замешано немецкое тайное социалистическое общество.

Но слово «Rache» написано не немцем. Вы, может быть, заметили, что буква «а» написана так, как пишется в немецкой азбуке, между тем как настоящий немец всегда употребляет латинское «а». Отсюда мы легко можем заключить, что надпись сделана не немцем, а каким-то разиней, который перемудрил, желая скрыть концы в воду. Итак, повторяю, что это обыкновенная хитрость в целях сбить с толку следствие. Но не буду более подробно объяснять вам все это, доктор. Вы хорошо знаете, что всякий фокусник теряет обаяние с того момента, когда раскрывает свои фокусы. Так и я; если я вам открою совершенно тот способ, которым я достигаю цели, вы будете считать меня за самого обыкновенного человека.

— Никогда я не подумаю ничего подобного! — горячо воскликнул я. — Вы в пределах возможного подняли ремесло сыщика до степени точной науки.

Эти слова и еще более искренний тон, которым они были произнесены, заставили моего спутника покраснеть от удовольствия. Я еще раньше замечал, что он так же чувствителен ко всякой похвале, касающейся его таланта, как хорошенькая женщина, когда хвалят ее красоту.

— Я должен сказать вам еще одну вещь,— продолжал он. — Человек, обутый в тонкие башмаки, и другой, на котором были надеты сапоги с четыреугольными носками, приехали в одном экипаже, вместе. В то время, пока они шли по аллее, они повидимому, были в прекраснейших, почти дружеских отношениях. Возможно, что они даже шли под руку. Войдя в комнату, они принялись ходить по ней взад и вперед, или, вернее сказать, человек с тонкими башмаками остался стоять на месте, в то время как другой шагал вдоль и поперек. Все это я прочел на пыльном полу комнаты. Даже более: я узнал, что чем дольше тот человек ходил по комнате, тем становился все более и более взволнованным. Это я узнал по его все увеличивающимся шагам. Он говорил на ходу, и, повидимому, его гнев достиг апогея. Это был момент, когда наступила развязка трагедии. Теперь я сказал вам все, что знаю сам, а остальное уже суть только предположения и вероятности. Во всяком случае мы имеем великолепную точку, на которой утвержден весь фундамент. Но я должен поторопиться, потому что хотел бы после обеда пойти в концерт послушать Нормана Неруду.

Пока мы беседовали таким образом, наш экипаж катился по длинным, грязным улицам и кривым переулкам. В одном из самых грязных и темных переулков кучер остановился.

— Одлей-Курт здесь, — сказал он, указывая рукояткой кнута на узкий проход между двумя стенами из кирпича: — я подожду здесь.

Одлей-Курт не представлял из себя ровно ничего привлекательного. Пройдя узкий проход, мы очутились перед целым рядом мрачных конур, стоящих четыреугольником и образующих собою большой, грубо вымощенный двор. Мы шли по двору, где кишели в большом количестве плохо вымытые дети и висело сомнительной чистоты белье. На одной из дверей, под № 46, была прибита медная дощечка, на которой мы прочли «Ранс». На наш вопрос нам ответили, что он лежит в постели, и пригласили войти в маленькую приемную и подождать. Вскоре к нам вышел сам хозяин, видимо недовольный тем, что его сон был прерван.

— Я уже дал показание в участке, — сказал он хмуро.

Холмс вынул из кармана золотую монету и начал небрежно играть ею.

— Я буду очень счастлив сказать вам все, что сам знаю, — ответил полицейский, не спуская глаз с золотой монеты.

— Так расскажите же нам, как все это произошло.

Ранс сел на диванчик и, нахмурив брови от усилий не пропустить ничего в своем рассказе, начал так:

— Я вам расскажу все, с начала и до конца. Мое дежурство обыкновенно начинается с десяти часов вечера и кончается в семь часов утра. В этот день в моем участке все было спокойно, если не считать небольшой драки, имевшей место в «Золотом Сердце». В час ночи пошел дождь. Я встретил своего товарища Гари Мюршера, полицейского из Голландского участка, и мы постояли, беседуя минут с пять на углу Генриетской улицы. Затем мне пришло в голову, что хорошо бы пройти по Брикстон-Рэду и посмотреть, нет ли там чего нового. Было около двух часов утра, или, может быть, было ровно два. Брикстон-Рэд — самый пустынный и самый грязный угол в моем участке. Пока я шел вдоль улицы, мне не встретилось ни одной живой человеческой души, хотя один или два фиакра проехали мимо меня. Я тихонько подвигался вперед, раздумывая

о том, как было бы хорошо выпить немного горячего джина, как вдруг заметил свет, выходивший из окон дома № 3. Я знал, что в двух домах в Лористонском Саду никто не жил, потому что домовладелец не хотел починить водопроводных труб и даже один из последних жильцов умер, заразившись, вследствие неисправности труб, тифозной горячкой. Поэтому я остановился, крайне изумленный, и, глядя на свет, выходивший из окна, тотчас же подумал, что тут происходит нечто неладное. Я подошел к двери...

— И остановились; затем вы вернулись опять к решетке, — перебил его мой друг: — зачем вы это делали?

Ранс вскочил и глядел в совершенном остолбенении на Шерлока Холмса.

— Но вы рассказываете именно то, что было на самом деле, сэр! — воскликнул он.— Разве только один дьявол мог сказать вам это. Дело в том, что, подойдя к этому мрачному и молчаливому дому, я подумал: не лучше ли мне пригласить с собою товарища? Знаете, я не боюсь людей и вообще не боюсь ничего того, что они могут со мною сделать, но тут я невольно подумал, не умерший ли это от тифа бедняк пришел снова в свою квартиру, чтобы осмотреть проклятые трубы?

Эта мысль до того испугала меня, что я почувствовал, как холодная дрожь пробежала по всему моему телу, и я вернулся к решетке в надежде увидеть хоть издали огонек от фонаря Мюршера. Но на улице не было живой души.

— На улице не было никого?

— Решительно никого, не было даже собаки, сэр... Я пересилил свой страх, подошел снова к двери, отворил ее и вошел. Все было тихо вокруг. Тогда я проник в комнату, откуда шел свет. На камине стояла зажженная свечка из красного воска, и при ее свете я увидел...

— Да, я знаю, что увидели... Вы несколько раз обошли комнату, потом вы стали на колени перед трупом, потом вы прошли через комнату и попытались отпереть кухонную дверь; потом...

Джон Ранс вскочил одним прыжком с места. На его лице были написаны ужас и недоверчивость.

— Где вы были спрятаны, чтобы все это видеть? — спросил он: — вы знаете не меньше моего!..

Холмс разразился хохотом и бросил на стол перед полицейским свою визитную карточку.

— Не вздумайте меня арестовать по подозрению, — сказал он: — я принадлежу к вашей своре, а не зверь, которого преследуют. Мистеры Грегсон и Лестрад могут вам подтвердить это. Но продолжайте ваш рассказ. Что вы сделали затем?

Ранс сел на прежнее место, продолжая сохранять некоторое беспокойство на лице.

— Я вышел на улицу и принялся свистеть. На этот призыв прибежал Мюршер и два других полицейских агента.

— Улица была попрежнему пуста? — осведомился Шерлок.

— Да, или, вернее сказать, была почти пуста.

— Что вы хотите этим сказать?

Полицейский сделал гримасу.

— На своем веку я видел много пьяниц, но никогда решительно никогда не встречал пьяного до такой степени, такого пьяного, каким был неизвестный прохожий, стоявший на улице в тот момент, когда я вышел из дома. Он стоял, ухватившись обеими руками за решетку палисадника, и во все горло орал песни. Кажется, он пел Коломбину или что-то в этом роде. Он не мог быть нам ни в чем полезным, так как с трудом держался на ногах.

— Каков он был на вид? — спросил Шерлок Холмс.

Джон Ранс казался обиженным той настойчивостью, с которой мой друг расспрашивал его о таких не идущих к делу вещах.

— Это был человек отвратительно пьяный, во-первых. И вернее верного, что он проснулся бы сегодня утром в участке, если бы мы не были заняты более серьезным делом тогда.

— Его лицо, платье? Разве вы не разглядели ничего? — с нетерпением воскликнул Холмс.

— Полагаю, что отлично рассмотрел, потому что должен был поддержать его одно время. Я и Мюршер: он с одной, я с другой стороны. Это был высокий парень с красным лицом и...

— Достаточно, — перебил Холмс: — что с ним было далее?

— У нас было слишком много забот и без него, — ответил полицейский уже ворчливо: — но побьюсь об заклад, что он все-таки смог сам отыскать дорогу к дому.

— Как он был одет?

— В коричневое пальто.

— Не было ли у него кнута в руке?

— Кнута? Нет, не было.

— Значит, он его оставил в экипаже, — пробормотал мой друг. — Не слышали вы немного спустя после этого стука отъезжающего экипажа?

— Нет, не слыхал.

— Вот, возьмите себе, — сказал Холмс, опуская монету в руку полицейского. Затем он взял шляпу и встал. — Боюсь, Ранс, что вы никогда не достигнете высоких степеней в вашей профессии. Нельзя смотреть на свою голову, как на придаток к телу, а нужно сделать из нее полезную машину. Вы могли бы прошлой ночью сразу заслужить погоны бригадира. Человек, которого вы держали в руках ночью, есть именно тот, который обладает ключом к разгадке. Одним словом, это человек, которого мы отыскиваем. Не возражайте, это бесполезно. Я говорю вам, что это так. Идем, доктор.

И мы вышли, оставив полицейского видимо обеспокоенного, но недоверчивого.

— Четырежды идиот! — с горечью вырвалось из уст Холмса, пока мы катили по направлению к нашему дому. — Подумать только, что он имел в руках такую выгодную находку и не воспользовался ею!

— Я еще не совсем ясно понимаю все это, — сказал я. — Правда, описание наружности этого человека как раз подходит к тому, какое вы нам дали о втором действующем лице драмы. Но почему ему понадобилось вернуться на место преступления? Преступники, сколько я знаю, не делают ничего подобного.

— А кольцо, мой друг, кольцо? Вот почему он вернулся. Если у нас не будет другого способа поймать его, у нас остается это кольцо, которым мы всегда приманим его. Но я найду способ, доктор, держу какое угодно пари, что я его найду. И я буду обязан этим вам, потому что, не будь вас, я вероятно не поднялся бы с места и лишился бы таким образом возможности сделать лично интереснейшие наблюдения. Я потерял бы возможность изучить дело, какого я еще не встречал, изучить красное, как выразились бы художники. Какой прекрасный цвет, на самом деле, имеет эта нить, окрашенная человеческой кровью и теряющаяся в мотке человеческих жизней! Нашей задачей будет проследить эту красную нить, отделить от других, изучить волокно за волокном. А пока позавтракаем, и я отправлюсь слушать Нормана Неруду. Его манера извлекать тоны и удар его смычка поистине замечательны. Как это, я забыл, начинается та небольшая

пьеска Шопена, которую он исполняет так превосходно? Вы не припомните ли, дорогой Ватсон? Тра-ла-ла-ли-ла-ли!

И, откинувшись в глубь экипажа, этот любитель-сыщик запел, как птица, а я принялся размышлять о странностях, которые представляет ум человеческий.

V. *Объявление привлекает посетителя*

Волнения этого утра оказались слишком сильными для моих нервов, еще не успевших окрепнуть, и я почувствовал себя теперь страшно утомленным. После того, как Холмс уехал в концерт, я растянулся на диване в надежде поспать часок или два. Но надежда моя оказалась тщетной. Я был слишком взволнован всем виденным и слышанным, и самые фантастические идеи, самые невероятные предположения вихрем кружились в моей голове. Как только я закрывал глаза, мне тотчас же представлялся этот ужасный труп с лицом гориллы и скорченными членами. Его лицо до того было ужасно, что я почти был даже благодарен убийце, потому что если когда-либо на лице смертного живописались до такой степени отталкивающе ярко пороки и дурные наклонности, то это было именно на лице Эноха Дреббера. Но я должен был сознаться, да и трудно был сделать иначе, что, как бы мало

привлекательна ни была жертва, правосудие должно итти своим путем, и закон не в силах найти смягчающих вину обстоятельств, находясь перед таким зверским злодеянием.

Чем более я размышлял над этим делом, тем более удивлялся той уверенности, с которой мой товарищ утверждал, что Энох Дреббер был отравлен. Я видел, как Холмс наклонялся надо ртом мертвого и нюхал, и решил, что именно в это-то время он и напал на какие-нибудь признаки яда. И если не яд причинил смерть, то что же именно, — потому что на теле покойного не было найдено ни малейшей раны ни малейшего следа удушения? А в то же время откуда взялась кровь, пролитая на полу в таком большом количестве? Вокруг не было заметно никаких признаков борьбы, ничто не наводило на мысль, что в руках жертвы было какое-нибудь оружие защиты. Все это было крайне загадочно и таинственно, и я чувствовал, что до тех пор, пока все дело не будет выведено на свежую воду, ни я ни Холмс не заснет спокойно. Что касается Холмса, то он был так спокоен и так уверен в правильности своих действий, что уже составил себе совершенно определенную теорию, объясняющую

все факты. Но какую именно? Этого я еще не мог угадать.

Холмс вернулся очень поздно, так поздно, что мне стало очевидным, что он побывал не в одном только концерте. Наш обед был уже подан, когда он вошел в комнату.

— Концерт был великолепен, — сказал он, усаживаясь за стол. — Помните ли вы, что сказал о музыке Дарвин? Он утверждает, что человек создал гармонические тоны еще прежде, чем научился говорить. И может быть, вследствие этого музыка так сильно действует на нас. Мы продолжаем сохранять в себе неясное воспоминание этого прошлого времени, когда мир переживал еще период детства.

— Эта концепция слишком широка, — заметил я.

— Концепции и должны быть широки, как мир, когда они призваны к истолкованию чего-либо, — ответил он. — Но что с вами, доктор? Вы что-то очень не в своей тарелке. Не происшествие ли в Брикстон-Рэде так расстроило вас?

— Да, сознаюсь, хотя я должен бы быть более закаленным после моей Афганской экспедиции. В Майванде я видел моих несчастных товарищей, рассеченных на части,

и это ужасное зрелище никогда не волновало меня до такой степени.

— Я вас очень хорошо понимаю. В нашем деле много таинственного, а это заставляет разыгрываться вашу фантазию. А если бы фантазии не от чего было разыгрываться, вы не чувствовали бы ужаса. Читали ли вы сегодняшние газеты?

— Нет.

— Они дают довольно точный отчет убийства, но не упоминают о кольце, найденном в то время, когда поднимали труп. И лучше, что не упоминают.

— Почему?

— Прочтите это объявление, — сказал он: — когда мы вернулись сегодня домой, я отправил такое объявление во все газеты.

Он подал мне газету и указал место. Объявление было помещено первым в столбце, где печатаются пропавшие вещи. Оно было составлено следующим образом:

«Найдено сегодня утром в Брикстон-Рэде, на половине дороги между „Золотым Сердцем“ и Голланд-Грувом, обручальное кольцо червонного золота. Обращаться в Бэкер-Стрит, № 221, от восьми до девяти вечера, к доктору Ватсону».

— Простите, что я воспользовался вашим именем, — сказал он: — но если бы я поместил свое имя, то кто-нибудь из этих идиотов заметил бы это и впутался в дело.

— Вы правы, — ответил я. — Но, предположим, что кто-нибудь явится за кольцом, которого у меня нет.

— Вот оно, — сказал Холмс, протягивая мне золотое кольцо: — оно прекрасно исполнит свою роль. Это почти тождественный двойник того, другого кольца.

— Кто, по вашему мнению, откликнется на объявление?

— Человек в коричневом пальто, наш друг с красным лицом и четыреугольными носками у сапог. А если он не пожалеет явиться лично, то пришлет сообщника.

— Не сочтет ли он такой поступок слишком опасным?

— Нисколько, если, разумеется, мои предположения правильны, а я имею основания думать, что это так. Этот человек способен пренебречь всякой опасностью, лишь бы только вернуть кольцо обратно. По моему мнению, он уронил его, наклоняясь над трупом Дреббера, и в ту минуту не обратил на это внимания. Отойдя от дома, он заметил потерю и поспешил вернуться. Но он уже

совершил ошибку раньше, оставив на месте преступления горящую свечу, вследствие чего, вернувшись, застал уже полицию на месте преступления. И чтобы отвратить от себя всякое могущее пасть на него подозрение, он принужден был прикинуться пьяным. А теперь войдите на минуту в его положение: раздумывая о своей потере, он мог прийти к заключению, что, может быть, обронил кольцо уже выйдя на улицу. Как он должен поступить в этом случае? Конечно, он прочтет внимательнейшим образом объявления о найденных вещах во всех вечерних газетах. Наше объявление бросится ему в глаза, и он будет в восторге. Почему он может заподозреть ловушку? У него нет ни малейшего основания думать, что находка кольца связана с убийством. И он придет, должен прийти. Не более, как через час вы его увидите здесь.

— И тогда?

— О, тогда предоставьте действовать мне. У вас есть оружие?

— У меня есть мой походный револьвер и несколько патронов.

— Вы сделали бы хорошо, приведя его в порядок и зарядивши. Мы будем иметь дело с человеком, который будет бороться с от-

чаянием. И поэтому, несмотря на то, что я надеюсь схватить его в то время, когда он этого будет менее всего ожидать, лучше принять все меры и быть настороже.

Я отправился в свою комнату, чтобы последовать совету Холмса. Когда я вернулся обратно, держа револьвер в руках, со стола было уже все убрано, а Холмс, погрузившись в глубокое кресло, предавался излюбленному занятию, т. е. легонько потрогивал смычком струны своей скрипки

— Круг суживается, — произнес он при виде меня: — я только что получил телеграмму из Америки, в ответ на мою. Все мои предположения оправдываются как нельзя больше.

— Какие предположения? — спросил я.

— Моя скрипка нуждается в новых струнах, — просто заметил он. — Спрячьте револьвер в карман. Когда субъект будет здесь, говорите с ним самым естественным тоном, а все остальное предоставьте мне. В особенности постарайтесь не слишком пристально глядеть на него, чтобы не испугать.

— Теперь ровно восемь часов, — сказал я, вынув часы.

— Да. Он будет здесь, по всей вероятности, через несколько минут. Приотворите

немного дверь, вот так. А теперь переложите ключ внутрь... Спасибо. Посмотрите, какую интересную книжицу я выудил вчера в одной книжной лавчонке: De jure inter gentes. Книжка издана по-латыни в Льеже в 1642 г. Голова Карла I еще крепко сидела на его плечах, когда эта книжонка в коричневом переплете вышла в свет.

— Кто издал ее?

— Некий Филипп Декруа. На первой странице написано пожелтевшими чернилами: Из книг Вильгельма Вита. Я спрашиваю себя, кто мог быть этот Вильгельм Вит? Какой-нибудь усердный судейский сановник XVII века, без сомнения. По его почерку видно, что он принадлежит к законникам... Но вот, кажется, и наш субъект, если не ошибаюсь.

В ту же минуту мы услышали порывистый звук колокольчика. Шерлок Холмс тихонько поднялся с места и повернул свое кресло к двери. Мы слышали, как в переднюю прошла служанка и отодвинула засов.

— Здесь живет доктор Ватсон? — спросил звонкий, хотя несколько грубоватый голос.

Мы не расслышали ответа служанки, но дверь захлопнулась, и кто-то начал подниматься по лестнице неверными и нерешительными шагами. Мой товарищ прислушивался

к звуку этих шагов, и величайшее изумление изобразилось на его лице.

Шаги приблизились, и раздался робкий стук в дверь.

— Войдите! — закричал я.

Вместо человека с грубым видом, которого мы поджидали, в комнату на мое приглашение вошла, прихрамывая и ковыляя, совсем сморщенная и очень старая женщина. Выйдя из темноты на яркий свет, она казалась ошеломленной и, сделавши нечто в роде реверанса, остановилась у двери, застенчиво шаря правой рукой в своем кармане.

Я взглянул на Холмса и прочел на его лице такое обескураженное выражение, что должен был употребить все усилия, чтобы не расхохотаться.

Старая колдунья вытащила, наконец, из кармана газету и указала нам на объявление.

— Вот зачем я пришла, мои добрые господа,—сказала она, снова делая реверанс:— золотое обручальное кольцо, найденное в Брикстон-Рэде. Это, наверное, кольцо моей дочери Салли, которая вышла замуж как раз год тому назад и муж которой служит буфетчиком на одном из пароходов Компании. Я не могу без страха подумать, что он способен сделать, вернувшись домой и узнавши

о потере кольца. Он, видите ли, очень прыток на руку, но бывает еще хуже, когда он выпьет! Итак, мои добрые господа, с вашего позволения, Салли вчера вечером отправилась в цирк с . . .

— Это ваше кольцо? — спросил я.

— Слава богу! — воскликнула она, — вот Салли-то обрадуется сегодня вечером! Это именно ее кольцо.

— Скажите мне ваш адрес, — спросил я, взявши в руки карандаш.

— Дункан-Стрит, № 13, Ундсдич. Как видите, это очень далеко отсюда.

— Мне кажется, что Брикстон-Рэд вовсе не находится по пути между Ундсдичем и цирком? — сухо заметил Холмс.

Старуха быстро оглянулась и бросила на моего друга проницательный взгляд из-под своих покрасневших век.

— Господин доктор спрашивал у меня мой адрес, — ответила она: — Салли живет на Майфельдовской площади, № 3, в Пекгаме.

— Ваше имя? — спросил я.

— Меня зовут Савьер, а Салли — Денисс. Муж ее очень красивый малый, Том Денисс. Когда он находится на море, то нельзя найти ему подобного в ловкости и умении отправлять обязанности буфетчика. Его за это

очень высоко ценит Компания и дорожит им. Но когда он сойдет на берег, среди женщин и виноторговцев . . .

— Вот ваше кольцо, мистрис Савьер, — сказал я, перебивая по знаку Холмса старуху: — вероятно, оно принадлежит вашей дочери, и я очень счастлив, что мог услужить вам.

Старая мегера сунула кольцо в карман, бормоча сквозь зубы слова благодарности и признательности. Затем она вышла, и мы слышали, как она спускалась с лестницы своими неверными и ковыляющими шагами.

Едва она вышла, Шерлок Холмс вскочил, как ошпаренный, со своего места и бросился в спальню. Через несколько секунд он появился снова, одетый в пальто с воротником, закрывавшим его лицо вплоть до самых глаз.

— Я прослежу ее, — быстро сказал он: — она должна быть сообщницей и приведет меня к нашему субъекту. До свидания, подождите меня.

И Холмс выскочил на лестницу как раз в тот момент, когда дверь внизу захлопнулась за нашей посетительницей.

Подойдя к окну, я увидел старуху, с трудом волочившую ноги по противоположному

тротуару, в то время как ее преследователь шел за нею в нескольких шагах.

«Или вся его история оказалась неверной, или он проникнет таким образом в самое сердце тайны», — подумал я.

Холмс не имел нужды просить меня подождать его возвращения, потому что я чувствовал, что ни за что не засну, пока не узнаю, чем кончится его новое похождение.

Было почти десять часов, когда Холмс ушел. Не зная, как долго может продлиться его отсутствие, я растянулся с комфортом в кресле и принялся курить трубку, перелистывая книжку Генри Мюрже «Сцены из жизни богемы».

Пробило десять часов, и я услышал за дверью шаги служанки, которая прошла к себе в комнату спать. В одиннадцать часов снова раздались шаги, на этот раз более тяжелые. Это сама хозяйка проплыла также на покой. Наконец, около 12 часов ночи я услышал звук ключа, которым Холмс отпирал входную дверь. Как только он вошел, я тотчас же по выражению его лица догадался, что его постигла неудача. Он был в одно и то же время и весел и раздосадован. В конце концов он не вытерпел и разразился

неистовым хохотом, опрокинувшись на спинку своего кресла.

— Ни за что в мире не пожелал бы я, чтобы эти господа из Скотланд-Ярда видели то, что произошло. Я столько раз просмеивал их, что они в свою очередь не преминули бы и меня поднять на смех и дразнить до конца моих дней. Но я могу хохотать над собою, потому что все-таки уверен в успехе.

— Что же случилось? — спросил я.

— О, я расскажу вам, как меня одурачили, провели! Эта старая, почтенная женщина шла несколько времени впереди меня и вдруг начала хромать так сильно, как будто у нее заболела нога. Она остановилась и кликнула фиакр. Я подошел поближе, чтобы не пропустить как она скажет свой адрес. Но это была напрасная предосторожность, потому что она прокричала свой адрес так громко, что его услышали бы на другом конце улицы:

«— Дункан-Стрит-Унддич, № 13!

«И я поверил, слыша это, что она сказала нам правду. Как только она уселась в экипаж, я немедленно прицепился сзади. Я обладаю и этим маленьким талантом, который должен бы был иметь всякий полицейский. Мы тронулись в путь и покатили по данному адресу. Немного не доезжая до места,

я спрыгнул наземь и с самым равнодушным видом принялся прохаживаться по тротуару. Фиакр остановился. Кучер слез, открыл дверцу и ждет. Никто не выходит из экипажа. Я искоса глядел на все происходившее. Не вытерпевши, я подошел ближе и увидел, что кучер влез внутрь фиакра и шарил в нем, заглядывая даже под сиденье и откидывая подушки. Вид его был совершенно взбешенный, и он сыпал отборнейшими ругательствами, каких я и в жизнь не слыхивал. Седока и след простыл, и я имею основание думать, что он долго не заплатит кучеру за проезд. В доме № 13 нам сказали, что дом принадлежит почтенному и уважаемому торговцу обоями, которого зовут Кесвик, и что имена Савьер и Денисс им совершенно неизвестны».

— Ну! — воскликнул я в крайнем изумлении, — вы не заставите меня поверить, что эта добрая старушка, едва передвигавшая ноги, была способна выскочить из экипажа на ходу таким образом, что ни вы ни кучер не заметили этого!

— К чорту добрую старушук! — с горечью ответил Холмс. — Это мы с вами «добрые старушки» за то, что так глупо попались впросак. Это был молодой человек и даже

очень сильный и ловкий, не считая того, что он несравненный актер. Его гримировка прямо бесподобна. Вероятно, он заметил, что за ним следят, и употребил хитрость, чтобы выскользнуть у меня из рук. Все это доказывает, что тот человек, которого мы разыскиваем, не один, а имеет друзей, готовых итти ради него на серьезный риск. Но у вас измученный вид, доктор, идите-ка спать.

Я последовал его совету, так как действительно чувствовал себя страшно утомленным. Холмс остался сидеть перед камином, и долго еще в ночной темноте я слышал тихие звуки его скрипки, служившие доказательством того, что он продолжает размышлять над необычайной проблемой, которую он поклялся разгадать.

VI. *Товий Грегсон показывает, на что он способен*

На другой день во всех газетах только и было речи, что об убийстве в Брикстон-Рэде. Каждая газета высказывала свое мнение о «Брикстонской тайне», как они назвали эту печальную драму и посвящали ей целые статьи. Я узнал из этих статей несколько новых подробностей, доселе мне неизвестных. Так как я записывал в свою записную книжку все, что касалось этого дела, то и из газетных статей я занес туда же нечто в роде конспекта. Вот он:

«Daily Telegraph» замечает, что ему еще не приходилось встречать в истории преступлений ничего подобного Брикстонской тайне. Немецкое имя жертвы, видимое отсутствие мотивов преступления, мрачная надпись кровью на стене — все это невольно заставляло думать, что тут замешаны политические партии и революционеры. Общество социалистов широко разветвилось и по Америке, и возможно, что они-то и преследовали

свою жертву, преступившую какой-нибудь их тайный закон, и настигли ее в Лондоне. Коснувшись слегка дарвинизма, теории Мальтуса, преступлений, совершенных на большой дороге грабителями, описанными у Ратклифа, автор оканчивал свою статью обращением к правительству, которое он умолял приложить все старания к ограждению личной безопасности иностранцев, проживающих в Лондоне.

«Standard» объяснил все таким образом: дескать, чаще всего происходят подобные, выходящие из ряда вон преступления тогда, когда либеральная партия берет перевес и занимает видные государственные должности. Вот к чему приводят либеральные идеи, насаждающие в народной массе смятение и стремление попирать все нравственные принципы и уважение к авторитету! Жертвой пал американец, только несколько недель как прибывший в Англию. Он нанял себе помещение в Торквай-Терассе, в меблированных комнатах мистрис Шарпантье в квартале Камбервель. При нем находился его личный секретарь — некто Стангерсон.

«В четверг 4-го числа текущего месяца оба джентльмена распростились с хозяйкой, объяснивши ей, что они уезжают в этот же

день в Ливерпуль, и направились на Эустонскую станцию. Действительно, их видели в пассажирском зале названной станции. Но с этого момента никто ничего не знал о них до тех пор, пока мертвое тело Эноха Дреббера не было найдено в пустом доме в Брикстон-Рэде. Кто привел его туда? Кто был его убийцей? Все это покрыто мраком неизвестности. Неизвестно также, куда девался секретарь Стангерсон.

«К счастью, мы узнали, что дело поручено Грегсону и Лестраду из Скотланд-Ярда. Они-то призваны направить розыски и делать расследование, и мы можем с уверенностью сказать, что эти два агента, известные своим усердием и ловкостью, не замедлят пролить яркий свет на это темное и мрачное злодеяние».

«Daily News» не сомневался ни одной минуты, что имеет дело с политическим убийством. Деспотизм континентального правительства заставляет многих и многих эмигрировать в Англию. Эти эмигранты могли бы быть прекраснейшими гражданами, если бы они не были так истерзаны различными гонениями, которые им пришлось претерпеть на родине. Людей этих связывают суровые законы чести, карающие смертью всякое нарушение их.

«Все старания должны быть направлены на розыски Стангерсона, чтобы расспросить его до малейших подробностей о привычках и характере убитого. Кстати сказать, следствие сделало уже крупный шаг вперед, открыв квартиру последнего, чем оно обязано единственно лишь усердию и расторопности мистера Грегсона из Скотланд-Ярда».

Мы с Шерлоком читали эти статьи за завтраком, и моего друга они очень позабавили.

— Я же вам говорил, — что бы ни случилось, Лестрад и Грегсон пожнут лавры успеха.

— Все будет зависеть от оборота, какой примет дело, — ответил я.

— О, оставьте пожалуйста! Для них это совершенно безразлично. Если субъекта поймают, то это будет якобы результатом их усилий; если он ускользнет из их рук, то это случится несмотря на их усилия... Они играют наверняка. Что бы они ни сделали, все в их пользу. Глупец всегда найдет другого глупца, который его похвалит.

— Господи! Кто это такой идет к нам? — воскликнул я вдруг, прислушавшись.

В самом деле, на лестнице слышались многочисленные шаги ног, обутых

в деревянные башмаки, и крики неудовольствия, испускаемые нашей хозяйкой.

— Это маленький отряд Бэкер-Стритской полиции, — серьезно ответил мой товарищ.

В ту минуту в комнату ввалились с полдюжины уличных мальчишек, до того оборванных и грязных, что я почувствовал к ним прямое отвращение.

— Смирно! — сурово воскликнул Холмс, и тотчас же все шестеро оборванцев выстроились в ряд, и стали, как вкопанные, у двери, наподобие шести статуй.

— На будущее время, Вижинс, вы одни только будете входить сюда для доклада, а остальные пусть подождут на улице. Что нового?

— Ничего нет, сэр, — ответил мальчишка.

— Я так и думал. Но вы должны продолжать ваши розыски до тех пор, пока не нападете на след. Вот ваше жалованье. А теперь уходите и постарайтесь в следующий раз принести более приятные известия.

Говоря это, Шерлок сунул каждому из оборванцев по шиллингу, после чего махнул рукой, и все оборванцы мгновенно исчезли за дверью, подобно стае крыс. Через минуту

мы услышали их пронзительные голоса уже на улице.

— Иногда один из этих маленьких человечков бывает более осведомлен и приносит лучшие известия, чем целый десяток полицейских, — заметил Холмс. — Один вид официального лица способен сделать людей немыми и глухими, в то время как эти маленькие пролазы все высмотрят и всюду проникнут. Кроме того они очень хитры и догадливы, и им только недостает хорошей организации.

— Вы ими пользуетесь для раскрытия Брикстонской тайны? — спросил я.

— Да; там есть один пункт, который я бы хотел осветить. Впрочем, это дело только времени. Ага! мы сейчас узнаем, как Грегсон восторжествовал над соперником. Вот он идет по улице с лицом, на котором написано блаженство. Вероятно, он направляется к нам. Да, вот он и остановился.

Грегсон сильно дернул звонок, затем взбежал по лестнице в три прыжка и ворвался в комнату.

— Дорогой сэр! — воскликнул он, схватывая руку Холмса, которую тот и не думал протягивать ему. — Поздравьте меня! Я вывел все дело на чистую воду.

Мне показалось, что легкая тень беспокойства промелькнула по выразительному лицу Шерлока Холмса.

— Вы пришли нам сказать, что напали на верный след? — спросил он.

— Верный след! Но, дорогой друг, мы схватили злодея! Он находится уже в тюрьме.

— Его имя?

— Мистер Артур Шарпантье, лейтенант королевского морского училища, — патетически произнес Грегсон, потирая руки и надувши от удовольствия щеки.

Шерлок Холмс вздохнул с облегчением, и лицо его тотчас же сделалось веселым и улыбающимся.

— Сядьте и попробуйте вот эту сигару,— сказал он. — Мы горим от нетерпения узнать, как вы все это устроили. Хотите виски с водой?

— Не откажусь, — ответил полицейский агент. — Невозможная работа, которую я навалил на себя в течение этих двух последних дней, измучила меня совершенно. И это не столько был физический труд, сколько труд мозговой. Страшное напряжение ума! Вы, мистер Холмс, должны меня понять лучше, нежели кто другой, потому что мы с вами

принадлежим к числу людей, часто подвергающих свой мозг тяжелым испытаниям.

— Вы мне делаете слишком много чести,— ответил наисерьезнейшим образом Холмс. — Но расскажите же нам, каким образом вы добились таких блестящих результатов?

Грегсон развалился в кресле, принял самую удобную позу и начал не без удовольствия любоваться колечками дыма, которые выпускал изо рта. Вдруг он хлопнул себя по коленке с самым веселым видом.

— Забавнее всего то, что этот глупец Лестрад, мнящий себя таким проницательным, пустился во все лопатки по фальшивым следам. Он сейчас разыскивает Стангерсона, который так же непричастен к этому убийству, как новорожденный младенец. И может статься, что в настоящую минуту Лестрад уже арестовал его.

Эта мысль до такой степени развеселила Грегсона, что он чуть не задохнулся от приступа хохота.

— Что вас навело на след? — спросил Холмс.

— Ах! Я вам сейчас все расскажу. Но, доктор Ватсон, вы понимаете, все это должно остаться между нами. С самого начала в этом деле мое внимание было привлечено

тем, что я не знал никаких подробностей, ни обстоятельств, окружающих этого американца. Другие стали бы ждать ответа на объявления, помещенные в газетах, или на случайные известия со стороны, но Товий Грегсон так не работает никогда! Помните ли вы шляпку, которая валялась возле трупа?

— Да, — ответил Холмс: — шляпа была куплена у Джона Ундервуд в Камбервель-Рэде, № 129.

Грегсон выразил на лице досаду.

— Я бы не подумал, что вы заметили все это. Вы ходили туда?

— Нет.

— А!—произнес Грегсон с облегчением.— Видите ли, никогда не следует ничего упускать из виду, хотя бы вещь была самая пустяковая.

— Для великого ума нет пустяковых вещей, — сентенциозно произнес Холмс.

— Итак, я отправился лично к этому Ундервуду и спросил его, кому он продал шляпу такого-то сорта и такого-то размера. Он посмотрел свои запасные книги и отыскал то, что мне было нужно. Шляпу, о которой шла речь, он отправил некоему мистеру Дребберу, живущему в меблированных комнатах

Шарпантье на Торквай-Терассе. Итак у меня уже получился адрес.

— Сильно, очень сильно! — пробормотал Холмс.

— А затем, — продолжал рассказчик, — я отправился к Шарпантье и сразу же заметил, что она была очень бледна и расстроена. Здесь же находилась и ее дочь, очень хорошенькая, сказать кстати, девушка. Глаза девушки были красны, и губы дрожали. Конечно, все это не ускользнуло от моего глаза, и я подумал сейчас же, что тут что-то есть. Наверное, вы и на себе испытывали, мистер Холмс, ощущения как бы дрожи, когда вам случалось напасть на верный след? Тогда я спросил у них:

«— Известно ли вам, что ваш бывший жилец, м-р Энох Дреббер из Клевеленда убит?

«Мать кивнула головой, будучи не в состоянии произнести ни одного слова, — до того она была взволнована. Что касается дочери, то она разразилась рыданиями. И я еще более убедился в том, что эти люди замешаны в дело.

«— В котором часу м-р Дреббер ушел от вас, чтобы отправиться на поезд?

«— В восемь часов, — ответила мать, стараясь овладеть собою. — Его секретарь

Стангерсон говорил, что есть два поезда: в 9 и 11 часов. Они порешили ехать первым поездом.

«— И с тех пор вы его больше не видели?

«При этом вопросе лицо ее из бледного сделалось синеватым. Прошла целая минута, в течение которой она видимо боролась с волнением, и, наконец, сказала „нет“, но слабым и хриплым голосом. Наступило молчание, и вдруг дочь произнесла ясным и ровным голосом:

«— Мама, ложь никогда никому не принесла ничего доброго. Будем искренни с этим господином. Да, мы видели еще раз мистера Дреббера.

«— Господь да простит тебя! —воскликнула мать, поднимая руки к небу и падая на кресло. — Ты убила своего брата!

«— Артур первый стоял бы на том, чтобы говорить правду, — решительно ответила дочь.

«— Вы сделаете лучше, если расскажете мне все по порядку, — заметил я: — потому что эти полупризнания хуже всего. Тем более, что вы и понятия не имеете, до какой степени нам все известно.

«— Так пусть же все падет на тебя, Алиса, — воскликнула мать, и затем, повернувшись ко мне, продолжала: — я вам все расскажу, сэр. Но вы не приписывайте мое волнение страху, так как я не имею повода бояться чего-нибудь. Я слишком уверена, что мой сын не играл никакой роли в этой ужасной истории. Я только ужасно боюсь, что, несмотря на его полную невинность, он может оказаться скомпрометированным. Но, к счастью, за него говорят его безукоризненное поведение и положение в обществе.

«— Самое лучшее, если вы будете совершенно откровенны со мною, — настаивал я: — будьте покойны, если ваш сын невиновен, то с ним не случится ничего худого.

«— Алиса, оставь нас вдвоем с этим господином, — обратилась она к дочери.

«Та встала и вышла из комнаты.

«— Да, сэр, я не хотела говорить вам об этом, но так как моя дочь настаивает, то я буду откровенна с вами и все расскажу, не пропуская ни малейшей подробности.

«— И сделаете прекрасно, — заметил я.

«— Мистер Дреббер прожил у нас около трех недель. Он и его секретарь Стангерсон только что вернулись из путешествия на континент. Я заметила, что на каждом из их чемоданов была наклеена бумажка

с надписью „Копенгаген", значит это был последний город, где они были до этого. Мистер Стангерсон был смирный, сдержанный человек, но его патрон, я должна это сказать с крайним сожалением, был совершенно другого характера. Это был грубый, дерзкий человек. Даже в первый день своего пребывания у нас он напился, да и вообще каждый день после полудня он всегда был уже в ненормальном виде. Со служанками он обращался так свободно и распущенно, что возбудил мое отвращение. Но случилось нечто худшее: он очень скоро начал позволять себе различные вольности и по отношению к моей дочери. Несколько раз он заводил с нею разговор на тему, которой она по своей невинности не могла, к счастию, даже понять хорошенько. Однажды он схватил ее за талию и поцеловал! Даже его секретарь возмутился таким недостойным поступком своего патрона и уговаривал его опомниться и вести себя приличнее.

«— Но почему вы все это терпели?—спросил я: — полагаю, что вы совершенно свободно могли избавиться от неприятных жильцов?

«Мистрис Шарпантье даже покраснела, до того мое замечание было логично.

«— Бог мне свидетель, как я сожалею теперь, что не выставила его за дверь в первый же день, как он поселился у нас, — ответила она: — но соблазн был слишком велик. Они платили очень хорошо, а у нас, квартирохозяек, теперь мертвый сезон. Я — вдова; сын мой, который находится на морской службе, стоил мне очень дорого. И я не нашла в себе силы воли, чтобы отказаться от этих денег, и думала, что поступаю хорошо. Но последняя наглая выходка Дреббера перешла всякие границы, и я отказала ему от квартиры, объяснивши и причину отказа. Вот почему они и порешили уехать из Лондона.

«— Прекрасно. Продолжайте.

«— Я почувствовала большое облегчение, когда мои жильцы уехали. Я должна вам сказать, что мой сын в настоящее время в отпуске, и я побоялась рассказать ему все, опасаясь его вспыльчивого характера. Он так сильно любит свою сестру! Поэтому, когда дверь за этими господами затворилась, страшная тяжесть спала у меня с души. Увы! Менее чем через час раздался звонок. Это был мистер Дреббер, который казался чем-то взволнованным и очевидно сильно выпил. Он ворвался в комнату, что-то бормоча и объясняя, и я поняла, что он опоздал на поезд.

Затем он повернулся к Алисе и на моих глазах, в моем присутствии начал уговаривать ее бежать с ним вместе.

«— „Вы совершеннолетняя, — говорил он: — и никакой закон не может помешать вам сделать это. У меня денег больше, нежели я в состоянии израсходовать. Не слушайте старуху, идемте со мною сию минуту. Вы будете жить как царица“.

«„Бедная Алиса, сильно напуганная, отступила от него подальше, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и в тот же момент на пороге появился мой сын Артур. То, что произошло затем, не поддается описанию. Я слышала проклятия, шум борьбы, но от ужаса не смела даже поднять глаз. Когда я пришла несколько в себя, то увидела Артура, который стоял с тростью в руке возле двери и неистово хохотал.

«— „Не думаю, чтобы этому джентльмену снова пришло желание досаждать вам, — сказал он: — но я пойду за ним и посмотрю, что с ним будет“.

„Сказавши это, он взял шляпу и пошел вниз. А на другой день мы узнали, что Дреббер умер загадочной смертью“.

«Ее рассказ часто прерывался вздохами и слезами. По временам мистрис Шарпантье

говорила так тихо, что я едва улавливал ее слова. Я сделал несколько пометок в своей записной книжке».

— Это поразительно, — заметил Шерлок, зевая, — а затем?

— Когда она кончила свой рассказ, — продолжал Грегсон: — я понял, что все сосредоточилось на одном пункте. Поэтому, устремив на нее пронзительный взгляд, который, как я знаю по опыту, производит большое впечатление на женщин, я спросил, в котором часу вернулся ее сын домой.

«— Не знаю, — ответила она.

«— Вы не знаете, когда?

«— Нет, не знаю. У него был ключ с собою.

«— Вы уже легли, когда он вернулся?

«— Да.

«— В котором часу вы легли?

«— Около одиннадцати.

«— Значит, ваш сын находился в отлучке, по крайней мере, два часа?

«— Да.

«— Может быть, даже пять часов?

«— Может быть.

«— Что он делал в продолжение этого времени?

«— Не знаю.

«Конечно, я-то знал. Расспросивши, где находится лейтенант Шарпантье, я взял с собою двух агентов и арестовал его. Когда я коснулся его плеча и попросил его следовать за мною, он спросил меня с наглостью: „Вероятно по делу этого мерзавца Дреббера?». Так как я не объявлял ему причины его ареста, то это восклицание показалось мне в высшей степени подозрительным».

— В высшей степени,—подтвердил Холмс.

— В руках он еще держал толстую трость, которую взял, по словам его матери, когда отправлялся провожать мистера Дреббера. Толстущая палка из цельного дуба.

— Так какое же ваше мнение? — спросил Холмс.

— Такое, что он последовал за Дреббером до самого Брикстон-Рэда. Здесь между ними снова возгорелась ссора, и Дреббер получил удар палки, может быть, под ложечку, что и причинило моментальную смерть, не оставив ни малейшего знака насилия. Ночь была дождливая, на улице ни собаки, и Шарпантье преспокойно мог втащить труп своей жертвы в необитаемый дом. Что касается до свечки, крови и надписи на стене, то все это сделано с хитрой целью отвести глаза полиции.

— Сработано чисто, — произнес одобрительно Холмс: — действительно, Грегсон, вы идете вперед. Из вас выйдет толк.

— Льщу себя надеждой, что я действительно вел дело довольно чисто, — снисходительно ответил полицейский. — Молодой человек объяснил, что некоторое время он шел за Дреббером, когда последний, обернувшись, увидел его и поторопился удрать, севши в наемный фиакр. Затем он уверяет, что возвращаясь домой, встретил товарища, с которым и прогулял более часа по улицам. Когда у него спросили адрес этого товарища, он не был в состоянии дать удовлетворительного ответа. Итак, все идет отлично. Но что меня забавляет более всего, так это то, что Лестрад катит по ложному следу. Боюсь, что ничего путного из этого для него не выйдет. Но, чорт возьми, вот и он сам собственной персоной.

И действительно Лестрад быстро взбежал по лестнице и вошел в комнату. Он был непохож на самого себя. Лицо у него было расстроенное, платье в беспорядке. Повидимому, он пришел, чтобы посоветоваться с Шерлоком, потому что, увидав своего коллегу, он казался ужасно сконфуженным и, остановившись посреди комнаты,

безжалостно мял в руках свою фуражку, не зная, что сказать.

— Это выходящий из ряда вон случай, — сказал он, наконец, — совершенно непонятное дело...

— Вы так полагаете, мистер Лестрад? — торжествующе воскликнул Грегсон. — Я так и думал, что вы ничего не сделаете. Отыскали ли вы в конце концов этого секретаря, мистера Стангерсона?

— Этот секретарь, этот Джозеф Стангерсон убит нынче утром, около шести часов, в гостинице Галидай, — сурово произнес Лестрад.

VII. Свет во тьме

Известие, которое нам принес Лестрад, было так неожиданно и так важно, что все мы были прямо ошеломлены и молчали несколько минут. Грегсон в первую минуту порывисто вскочил с места, опрокинув стакан с виски. Я ограничился тем, что молча наблюдал за Шерлоком Холмсом, который стиснул губы и нахмурил брови.

— И Стангерсона также! — прошептал он. — Дело осложняется.

— Оно и без того было очень запутано, — заворчал Лестрад, опускаясь на стул. — Но я вижу, что попал в настоящий военный совет.

— Вы... вы уверены, что это правда? — пролепетал Грегсон.

— Я был в его комнате, — ответил Лестрад: — я первый открыл преступление.

— Мы только что выслушали мнение Грегсона об этом деле, — заметил Холмс: — не будете ли вы так добры рассказать нам теперь все то, что видели и слышали вы?

— Охотно, — ответил Лестрад. — Я должен сознаться вам, что был почти убежден в причастности Стангерсона к убийству Дреббера. Но последнее событие доказало мне мою ошибку. С этой идеей в голове я принялся разыскивать Стангерсона. Его видели в последний раз вместе с патроном на Эустонской станции вечером 3-го числа. В два часа ночи Дреббер был найден мертвым в Брикстон-Рэде. Следовательно, вещью первейшей важности было узнать, как провел время Стангерсон от восьми часов до момента, когда было совершено преступление, и куда он делся. Я телеграфировал в Ливерпуль, описав приметы Стангерсона и поручив внимательно следить за отъезжающими на американских пароходах. Со своей стороны я принялся обшаривать все гостиницы и меблированные комнаты поблизости Эустонской станции. Потому что я подумал, что если Стангерсон и Дреббер почему-либо расстались в роковой вечер, первый должен был переночевать где-нибудь поблизости, чтобы, на утро явившись на станцию, подождать своего компаньона.

— По всей вероятности они условились о месте свидания, расставаясь вечером, — заметил Холмс.

— Я также подумал это и провел весь вчерашний вечер в поисках, не увенчавшихся никаким успехом. Сегодня рано утром я продолжал свои поиски и к пяти часам очутился в гостинице Галидай в Литль-Жорж. На мой вопрос, не здесь ли остановился мистер Стангерсон, я получил утвердительный ответ:

«— Вы, вероятно, тот самый господин, которого он ждет вот уже второй день, — сказал мне слуга.

«— Где он в настоящее время? — спросил я.

«— У себя наверху. Он приказал не входить к нему раньше девяти часов.

«— Мне нужно повидать его сию минуту, — сказал я, подумав про себя, что при моем неожиданном появлении он растеряется и чем-нибудь выдаст себя.

«Привратник вызвался проводить меня наверх. Комната, которую занял Стангерсон, находилась во втором этаже, и в нее нужно было итти через небольшой коридорчик. Человек указал мне дверь и собирался уже спускаться вниз, как вдруг моим глазам представилось такое ужасное зрелище, что сердце мое дрогнуло, несмотря на мою многолетнюю полицейскую практику. Из-под двери

вытекала тоненькая струйка крови, образовавшая целую громадную лужу на противоположной стороне коридора. Я невольно вскрикнул, что заставило привратника вернуться назад. Ему сделалось почти дурно при виде такой массы крови. Дверь в комнату была заперта изнутри ключом, но мы соединенными усилиями вышибли ее плечами и кулаками. Возле открытого настежь окна, лицом вниз, валялся труп человека, одетого в одну ночную сорочку. Смерть наступила, повидимому, некоторое время тому назад, потому что тело уже окоченело и было совершенно застывшее. Привратник перевернул труп вверх лицом и узнал в нем жильца, который под именем Стангерсона снял комнату два дня тому назад. Смерть последовала от удара кинжалом в левую сторону груди. Удар был нанесен с такой силой, что проколол сердце насквозь. И странное дело, как вы думаете, что мы нашли возле трупа?

«Я почувствовал как дрожь пробежала по моему телу, как бы в предчувствии чего-то мрачного и дикого».

— Слово Rache, написанное кровью, — ответил Холмс.

— Именно, — произнес дрогнувшим голосом Лестрад.

Мы все переглянулись в молчании. Этот неизвестный убийца действовал так методически и непонятно, что его преступление вследствие этого делалось еще более ужасным. Мои нервы напряглись до крайности перед этой тайной.

— Убийцу видели, — продолжал Лестрад. — Мальчик молочник, отправляясь в свою молочную, проходил узким проходом, отделяющим гостиницу от конюшен. Он заметил, что деревянная лестница, обыкновенно валявшаяся на земле, была приставлена к широко открытому окну второго этажа. Пройдя мимо, мальчик оглянулся и увидел какого-то человека, который спускался по лестнице. Человек спускался так медленно и так естественно, что мальчик принял его за слесаря или за какого-нибудь другого ремесленника, работающего в гостинице. Поэтому он не обратил на все это внимания и только подумал, что этот субъект начинает работать что-то уж очень рано. Мальчик припоминает, что человек этот был высок, красен лицом и одет в длинное пальто. Он, вероятно, оставался некоторое время после совершения преступления в комнате, потому что я нашел кровь в рукомойнике, где он мыл руки, и кровь на углу простыни, о которую он обтер кинжал.

Я бросил быстрый взгляд на Холмса, слыша описание наружности убийцы, совершенно тождественное тому, какое он дал мне. Но на его лице я не заметил ни малейшего признака торжества, ни даже удовольствия.

— Не нашли ли вы в комнате какого-либо следа, могущего нам указать убийцу? — спросил он.

— Никакого. В кармане Стангерсона мы нашли кошелек Дреббера, что было, очевидно, привычной вещью, так как первый всегда заведывал расходами в пути. В кошелке было что-то около двухсот фунтов.

«Какие бы ни были мотивы этих преступлений, ясно до очевидности, что они совершены не ради грабежа. Кроме кошелька, в карманах убитого мы нашли телеграмму из Клевеленда, посланную уже с месяц тому назад. Вот что она заключала: „Д. Г. уехал в Европу“. Подписи не было».

— И больше ничего?

— Ничего особенного. Роман, который несчастный читал перед тем как заснуть, и трубка валялись на стуле возле постели. На столике стоял стакан с водой, а на подоконнике деревянная коробочка, в которой находились две пилюли.

Вдруг Шерлок Холмс вскочил, испустив крик восторга.

— Вот мое последнее звено! — воскликнул он. — Все теперь ясно.

Оба полицейские с удивлением поглядели на него.

— Видите ли, — продолжал мой друг конфиденциальным тоном: — теперь я держу в руках все нити этой запутанной истории. Конечно, мне недостает еще нескольких деталей. Но я так же уверен в истинности происшествий, случившихся с момента, когда Стангерсон и Дреббер расстались, и до момента, когда труп последнего был открыт, как если бы я лично присутствовал при этом. Вы взяли пилюли с собой?

— Вот они, — ответил Лестрад, показывая маленькую белую коробочку. — Я их взял вместе с кошельком и телеграммой, чтобы передать их суду в числе вещественных доказательств. Но я чуть не оставил пилюль на месте, потому что, признаюсь, придал им мало значения.

— Дайте их мне, — сказал Холмс. — А теперь, доктор, — продолжал он, обращаясь ко мне, — скажите нам, имеют ли эти пилюли обычный вид лекарственных?

Конечно, это не были лекарственные пилюли. Жемчужно-белого цвета, они были маленькие, круглые и почти совершенно прозрачные.

— Они так легки и прозрачны, — заметил я: — что должны растворяться в воде.

— Именно, — ответил Холмс, — а теперь подите, принесите сюда этого несчастного старого терьера, который болен уже давно и которого вчера хозяйка вас просила отравить, чтобы положить конец его мучениям.

Я вышел и вернулся с собачкой в руках. Ее тяжелое дыхание и стеклянные глаза показывали, что конец ее близок. И в самом деле, ее белая, как снег, мордочка доказывала, что он давно уже перешел предел, положенный природой долговечности собак. Я положил собачку на подушку возле камина.

— Теперь я разрежу надвое одну из этих пилюль, — сказал Холмс, взявши перочинный нож и сопровождая слова действием. — Одну половину я снова уберу в коробку, чтобы воспользоваться ею впоследствии, а другую опускаю в стакан, в котором находится немного воды. Вы видите, что наш друг доктор Ватсон прав и что пилюли растворяются в воде совершенно.

— Все, что вы делаете, может быть и очень интересно, но я не вижу связи между всем этим и смертью Джозефа Стангерсона,— сказал Лестрад обиженно, подозревая, не смеются ли над ним.

— Терпение, мой друг, терпение. Вы сами скоро убедитесь, насколько это касается нашего дела. Теперь я прибавлю в воду немного молока, чтобы сделать питье более вкусным.

Говоря это, Шерлок вылил содержимое стакана в полоскательную чашку и поставил ее перед собакой, которая проглотила питье в несколько глотков. Серьезный вид, с которым Шерлок проделывал все эти манипуляции, сильно подействовал на нас, и мы все стояли молча, ожидая каких-то удивительных результатов. Но ничего не произошло. Собачка лежала, растянувшись на подушке, попрежнему с усилием дыша, но, очевидно, не ощущая ни ухудшения ни улучшения, приняв небольшую дозу лекарства Шерлока. Последний вынул часы, но минуты проходили за минутами, не принося никакой перемены. Выражение скуки и жестокого разочарования изобразилось на подвижном лице Холмса. Он кусал губы, постукивал пальцами по столу и выражал всевозможные знаки

нервного нетерпения. Его волнение было так сильно, что я почувствовал себя обиженным за него, в то время как два полицейских агента, в восхищении от этой неудачи, иронически улыбались.

— Невозможно, чтобы это было простое совпадение, — воскликнул Холмс, порывисто вскакивая и бегая по комнате по всем направлениям: — это невозможно! Пилюли, которые я заподозрел в деле Дреббера, снова появляются на сцену в деле Стангерсона. И однако, они совершенно безвредны... Что все это значит? Нет, вся цепь моих подозрений и заключений не может быть ошибочной! Это немыслимо! И однако эта проклятая собака чувствует себя как ни в чем не бывало... Ах! нашел! нашел!

С криком радости Холмс бросился к коробочке с пилюлями, вынул вторую пилюльку, разрезал ее пополам, развел в воде с молоком и предложил выпить собачке. Едва только несчастное животное обмочило язык в питье, как конвульсивная дрожь пробежала по его телу, лапки свела сильная судорога, и оно упало на подушку мертвое, точно сраженное громом.

Холмс испустил глубокий вздох облегчения и отер пот, обильно выступивший на лбу.

— Мне нужно было быть более доверчивым к себе, — сказал он: — я должен был знать, что если один какой-нибудь факт идет вразрез целой серии фактов, добытых по методу дедукции, то это значит, что надо искать другого объяснения этому факту. Из двух пилюль, заключающихся в коробочке, одна заключала в себе смертельный яд, другая была совершенно безвредная. Я должен был знать это, даже не видя коробочки в глаза.

Это его утверждение показалось мне до такой степени удивительным и выходящим из ряду вон, что я подумал, не сошел ли мой друг с ума. Но как неопровержимое подтверждение его слов, перед нами лежала мертвая собака. Мне казалось, что туман, окутывавший мой ум, рассеивается понемногу, и я начинаю подозревать истину.

— Вам все это кажется странным, — продолжал Холмс: — потому что вы не обратили внимания на единственный верный факт с самого начала. Мне посчастливилось заметить его, а все последующее только подтверждало мои предположения, составляя длинную логическую цепь. То, что мешало вам и сбивало с толку, для меня было логическим следствием и светом впотьмах. Напрасно думают, что все странное и

непонятное — уже тайна. Иногда самое обыкновенное преступление бывает окружено непроницаемой тайной, потому что не обставлено подробностями, за которые могла бы уцепиться дедукция. Убийство, которым мы заняты в настоящее время, было бы несравненно труднее для расследования, если бы тело жертвы было найдено где-нибудь на большой дороге, где его не окружали бы никакие характерные подробности. Но мы нашли его в доме, в странной загадочной обстановке, которая, вместо того, чтобы запутать дело, облегчила нам задачу.

Грегсон, который слушал слова Шерлока с худо скрываемым нетерпением, воскликнул:

— Слушайте, Шерлок Холмс, мы все готовы признать вас за очень умного человека, готовы признать, что вы изобрели единственный надежный метод следствия. Но в настоящее время мы нуждаемся кое в чем большем, нежели теории и красивая речь. Надо арестовать перступника. Я действовал, как считал за самое лучшее, но мне кажется, что я шел по ложной дороге. Юный Шарпантье не может быть замешан в этой истории. С другой стороны и Лестрад, охотившийся за Стангерсоном, пришел в конце концов втупик. Вы то там, то сям роняли намеки.

из которых можно было понять, что вы знаете больше нас. И мы имеем теперь право спросить вас: известно ли вам имя убийцы?

— Я должен заметить, что Грегсон прав,— сказал Лестрад. — Мы оба делали все, что могли, и оба сели в лужу. С того момента, как я вошел сюда, я слышал несколько раз, как вы говорили, что имеете все улики в руках. Надеюсь, вы не станете хранить долее вашу тайну?

— Всякое замедление в аресте преступника может иметь печальные последствия, — добавил я: — можно ожидать новых убийств.

Понукаемый таким образом со всех сторон, Шерлок Холмс, казалось, колебался. Он продолжал шагать по комнате из угла в угол склонив голову на грудь и нахмурив брови, как он всегда делал, когда раздумывал.

— Больше не будет преступлений, — сказал он наконец, внезапно останавливаясь и глядя на нас: — можете в этом быть уверены. Вы спрашиваете меня, знаю ли я имя убийцы? Да, я его знаю. Узнать его имя было однако несравненно легче, чем задержать его. Но я надеюсь сделать это и очень скоро, благодаря некоторым совершенно особенным мерам, которые я принял. Эта вещь требует очень много такта, потому что мы имеем дело

с человеком хитрым и способным на все. К тому же, он не один и пользуется услугами друга, такого же ловкого, как и он сам. До тех пор, пока этот человек будет уверен, что никто не гонится по его следам, мы имеем некоторые шансы поймать его. Но при первом же подозрении он немедленно переменит имя и затеряется в четырехмиллионном населении Лондона. Не желая сделать вам неприятного, я все-таки принужден сказать, что в этом деле полиция очутилась лицом к лицу с людьми более сильными, чем она. И поэтому-то я и не просил вашей помощи при следствии. Если я провалюсь, — вся вина падет на меня одного, но я подготовился уже к этому. Обещаю вам: как только увижу, что могу открыться без вреда для дела, тотчас же сообщу вам все, что знаю сам.

Грегсон и Лестрад, казалось, не особенно были довольны его словами, особенно же обидным намеком на полицию. Грегсон покраснел до корней своих кудельных волос, в то время как выпученные глаза Лестрада заблестели гневом и любопытством. Но ни тот ни другой не успели еще и рта разинуть для ответа, как раздался стук в двери, и на пороге комнаты появился предводитель уличных мальчишек — юный Виджинс, все такой же грязный и отталкивающий.

— Извините, сэр, — произнес он, почесывая затылок; — я привел вам фиакр. Он ждет внизу.

— Ты молодец, мальчик, — просто ответил Холмс. — Смотрите, — продолжал он, показывая нам пару стальных ручных кандалов, которые он вынул из ящика комода: — вы должны завести такого же образца и у себя, в Скотланд-Ярде. Механизм устроен так ловко, что в одно мгновение опутывает преступника.

— И старые образцы хороши, — недовольно пробормотал Лестрад: — было бы только кого заковывать.

— Это правда, — ответил Холмс, улыбаясь. — Но я думаю, что кучер мог бы подняться сюда и помочь мне управиться с чемоданом. Позови его, Виджинс.

Я очень удивился, услышав, что мой друг говорит об отъезде о чем раньше не проронил мне ни полслова. В одном из углов комнаты лежал старый кожаный чемодан. Шерлок Холмс вытащил его и принялся укладывать. Он был весь углублен в это занятие, когда в комнату вошел кучер фиакра.

— Помогите же стянуть ремень, — произнес Холмс, не поворачивая головы.

Кучер с мрачным и недоверчивым видом подошел к нему и протянул руки к чемодану. В тот же момент послышался какой-то сухой металлический лязг, щелканье замка, и Шерлок Холмс быстро вскочил на ноги.

— Господа! — воскликнул он, блестя глазами, — позвольте мне представить вам мистера Джеферсона Гопа, убийцу Эноха Дреббера и Джозефа Стангерсона.

Все это произошло так быстро, что произвело впечатление сверкнувшей молнии. Но я никогда в жизни не забуду этого момента, не забуду торжествующего выражения лица Шерлока Холмса, вибрирующего звука его голоса и дикого отчаяния, изобразившегося на лице кучера, с каким он глядел на блестящие стальные браслеты, точно волшебством обвившиеся вокруг его кистей. В течение первых двух минут мы стояли молча, точно каменные статуи. Затем, испустив глухой крик ярости, кучер вырвался из рук Холмса и бросился к окну. Рама и стекла полетели вдребезги, но прежде чем он успел высунуться в окно, Грегсон, Лестрад и Холмс вцепились в него, точно охотничьи собаки в добычу. Им удалось опрокинуть его назад, повалить на пол, и тогда завязалась ужасная, отчаянная борьба. Этот человек был так силен и так дик, что стряхивал нас всех четырех, как только мы налегли на него, желая усмирить. Вид его был ужасен: он походил на эпилептика во время припадка. Его лицо и руки были сильно изранены стеклами, но лившаяся из ран ручьем кровь нисколько не ослабляла силы его сопротивления, и только когда Лестраду удалось просунуть руку за его воротник и наполовину удушить его за горло, он понял бесполезность своих усилий. Но мы не успокоились до тех пор, пока не скрутили ему ноги полотенцем. После этого мы встали с полу утомленные и тяжело дышавшие.

— Его фиакр внизу, — произнес Холмс:— мы можем его доставить в нем в Скотланд-Ярд. А теперь, господа, — сказал он, любезно улыбаясь, — вот мы и пришли к решению нашей маленькой проблемы. Вы можете теперь спрашивать меня о чем угодно, и я буду счастлив отвечать на ваши вопросы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В стране святых

I. В Соляной пустыне

В центральной части Северной Америки находится бесплодная, унылая пустыня. Она являлась границей, за которую не смела проникать цивилизация. Окаймленная с одной стороны горами Сьера-Невады, с другой — горами Небраско, с северной стороны — рекой Елевстон и с запада — рекою Колорадо, пустыня эта кажется местом уединения и молчания. Но она не имеет однообразного, ровного вида. Высокие темные горы, покрытые снегом, сменяются обширными мрачными равнинами. Местами извилистые, быстрые речки пробивают себе путь к бесплодной каменистой почве. Громадные равнины раскинулись в бесконечную даль, в зимнее время покрытые снегом, точно окутанные белым саваном, а летом — серые от пыли, толстым слоем покрывающей их. Но зимой и летом на горах и в равнинах повсюду царит одинаковый негостеприимный, заброшенный и бесплодный вид. Это — земля отчаяния,

в которой не живет никто. Время от времени по ней проносятся шайки павнов краснокожих, которые забредают сюда в поисках за дичью, но и самые храбрые из храбрых, только тогда чувствуют себя в безопасности, когда, поохотившись, покидают эти молчаливые равнины и возвращаются в свои жилища. Ящерица, скрывающаяся в низких кустарниках, ястреб, парящий в воздухе, медведь-гриззли, который ковыляет своей тяжелой походкой, пробираясь между скалами, отыскивая себе пищу, — вот постоянные и единственные гости этой пустыни.

Во всем мире нет более грустного места, чем южный склон Сьера-Бланки. Докуда хватает глаз, без малейших возвышений, тянется бесконечная равнина, усеянная местами сероватыми пятнами соляной пыли. А на горизонте равнина эта окаймляется, как бы кольцом, длинной цепью серых неприветливых гор, поднимающих белые от покрывающего их снега вершины к небу. Здесь незаметно никаких признаков живых существ. Никогда птица не прорежет быстрым полетом темную лазурь неба, никогда ни одно животное не пробежит по этой серой земле. Одна тишина царит здесь, тишина ненарушимая, абсолютная. Прислушайтесь: ни один

звук не прерывает тишины этой дикой пустыни, и такая тишина приведет вас в отчаяние, охватит холодом сердце.

И все-таки нельзя сказать положительно, чтобы здесь не было хоть каких-нибудь следов, напоминающих о живых существах. Если вы с вершины Сьера-Бланки хорошенько рассмотрите равнину, то заметите узенькую дорожку, извивающуюся по пустыне и теряющуюся вдали. Множество колес оставили на ней свои следы, множество бродяг рыскали по ней. Здесь и там виднеются белые пятна, резко выделяющиеся на серой почве. Подойдите ближе и разглядите их. Это — кости. Одни крупные и грубые, другие тонкие и маленькие. Это кости животных и людей. Эти кости наметили, таким образом, дорогу на всем ее протяжении, по которому проходили караваны.

4 мая 1847 года одинокий путешественник созерцал с вершины горы этот унылый пейзаж. Кто был он: добрый ли гений, или злой демон этих мест? Глядя на него, трудно было определить его возраст. Ему могло быть сорок, могло быть и шестьдесят лет. Лицо его было худо и вытянуто. Желтая кожа, наподобие старого пергамента, обтягивала вплотную его кости. Белые нити

проглядывали в его темных волосах и в густой всклоченной бороде; глубоко впавшие глаза сверкали странным огнем, а рука, сжимавшая дуло ружья, была совершенно лишена мягких частей и напоминала руку скелета. Он опирался на ружье, и, несмотря на страшную худобу, все в его фигуре высказывало силу и бодрость. Его лицо, его платье, свободно висевшее на нем, красноречиво объясняли причину его теперешнего тяжелого вида: человек этот умирал от жажды и голода.

Трудной поступью спустился он вниз, в равнину. Еще с большим трудом поднялся он снова на соседнюю скалу, в надежде — увы! тщетной — заметить хоть какой-нибудь признак воды, столь желанной! Но куда ни достигал его взгляд, нигде не было заметно ни одного деревца или какого-нибудь другого растения, свидетельствующего о присутствии источника или хотя бы болота. Всюду одна безбрежная соляная пустыня, окруженная цепью темных, неприветливых гор. В этой пустыне должна была погибнуть всякая надежда на спасение. И путешественник понял, что настал его конец, что путь его свершен и что здесь, на этом голом камне, ему остается только умереть...

— Почему же и не так? — прошептал он, опускаясь на землю в тени под гигантской скалой: — почему же не так? Здесь или дома на своей постели, — не все ли равно?

Он бросил ружье и тяжелую ношу, которую таскал с собой до сих пор. Ноша эта состояла из большого свертка, обернутого в серую ткань и слишком тяжелого для его слабых сил. При падении на землю сверток издал жалобный крик, и из серой ткани выглянуло детское личико с большими испуганными глазами. Две маленькие ручки конвульсивно сжимали одна другую.

— Вы мне сделали больно, — произнес детский голосок тоном упрека.

— Правда? — спросил сконфуженно незнакомец. — Я это сделал ненарочно.

Говоря это, он распутал серую шаль, в которую была закутана девочка, и откинул ее в сторону. Ребенку могло быть около пяти лет. Судя по изящным башмачкам, розовому нарядному платьицу и белому фартучку можно было заключить, что мать ребенка пользовалась благосостоянием. Девочка была очень бледна, но ее полные ручки и твердые еще ножки доказывали, что она страдала не так сильно, как ее товарищ.

— Все еще больно? — с беспокойством спросил он, видя, что девочка продолжает потирать головку, покрытую светлыми шелковистыми кудрями.

— Поцелуйте меня, и тогда все пройдет, — серьезно ответила она. — Мама всегда так делала. Где мама?

— Мама уехала, — ответил он: — но я думаю, что ты скоро последуешь за нею.

— Уехала? Вот странно! Она не попрощалась со мною. Она всегда прощалась со мною, когда шла к тете пить чай, а теперь вот уже прошло три дня — и ее нет! Но мне хочется пить. Скажите, разве нет здесь воды и чего-нибудь поесть?

— Увы, нет, моя дорогая! Еще немного терпения, и ты скоро не будешь нуждаться ни в чем. Положи головку ко мне сюда, вот так; тебе будет лучше. Хотя трудно разговаривать, когда губы пересохли и горло сжимается, но я думаю, что будет лучше, если я тебе скажу в чем дело. Но что это у тебя в руке?

— О, это прелестные вещички!—воскликнуло дитя, весело показывая две пластинки слюды, сверкавшей на солнце, как алмазы. — Когда мы вернемся домой, я их подарю маленькому брату Бобу. . .

— Подожди немного, и ты увидишь вещи гораздо лучше этого, — пробормотал человек: — но позволь мне говорить. Ты помнишь, когда мы покинули речку?

— О, да.

— Ну, вот мы надеялись найти другой источник, но мы сделали ошибку. Не знаю, что было этому виной: компас ли, карта ли, — уж я там не знаю, но я знаю наверное, что мы не нашли этого источника. Наша вода, которую мы несли с собой, вся вышла, если не считать остающихся еще нескольких капель, которые я берегу для тебя. А затем . . . затем . . .

— Затем, — перебила девочка, устремив серьезные глаза на запыленное лицо своего спутника, — вам нечем будет умыться.

— Да, но и нечего также пить. Первым умер от жажды Бендер, затем настала очередь индейца Тэта, потом — мистрис Мак-Грегор и Дженни Гоп и наконец твоей матери . . .

— Как! мама также умерла! — вскрикнула девочка и, закрыв личико передником, разразилась рыданиями.

— Да, все они умерли, кроме нас с тобой. Я подумал, что, может быть, найду воду здесь. Я взял тебя на руки и пустился

вперед наудачу. Но я убедился теперь, что это было бесполезно, и нам не остается никакой надежды.

— Вы хотите сказать, что и мы также умрем? — спросил ребенок, переставши плакать и поднимая на своего спутника лицо, залитое слезами.

— Я думаю, что только это и ожидает нас.

— Почему же вы мне не сказали этого раньше? — спросила она. — А мы долго будем еще ждать?..

— Не знаю наверное, но, вероятно, недолго.

Незнакомец устремил взор к горизонту, по направлению к северу. На ясной лазури неба он различил три темные точки, быстро росшие и приближавшиеся постепенно. То были три громадные птицы темного цвета, которые начали описывать круги над головами путешественников и, наконец, сели неподалеку на скалу. Это были коршуны, предвестники смерти.

— Ах! Петух и куры! — воскликнула девочка радостно, увидев птиц и хлопая руками, чтобы спугнуть их.

Прошло несколько времени. Ребенок притих, пока не уснул, прижавшись к широкой груди своего покровителя. Последний сидел

еще некоторое время, сторожа сон девочки, но вскоре заснул и сам. Уже три дня и три ночи он ни на одну минуту не давал себе покоя и отдыха, и поэтому теперь веки его невольно сомкнулись над уставшими глазами, голова опустилась на грудь, и темные пряди его седеющей бороды смешались с шелковистыми кудрями ребенка. Оба погрузились в одинаково тяжелый сон без сновидений.

Если бы наш путешественник бодрствовал еще несколько минут, то был бы свидетелем необыкновенного зрелища.

На горизонте соляной пустыни, далеко очень далеко, показалось небольшое облачко пыли. Легкое, едва заметное сначала, оно постепенно увеличивалось и наконец выросло в большое густое облако, медленно приближавшееся. Отчего произошло это облако? Если бы это было в более плодородной стране, то его могло образовать пробегавшее стадо диких бизонов, но в таком бесплодном и унылом месте, как эта пустыня, подобное предположение было лишено всякого основания. Когда облако приблизилось к скале, на которой отдыхали наши путешественники, можно было различить рядом с большими крытыми повозками силуэты вооруженных

всадников. Это был караван, направляющийся к востоку. Но какой это был громадный, многочисленный караван! Первые ряды его уже подошли к скале, в то время как последние еще не были даже заметны на горизонте. Вся эта толпа всадников и пешеходов, фургонов и повозок высыпала широкой лентой с одного конца пустыни до другого. Женщины пошатывались под непосильной ношей, дети шли неуверенными шагами или с любопытством выглядывали из-под полотна повозок. Было очевидно, что это не обыкновенный караван, а кочующий народ, которого какие-либо злоключения заставили бросить насиженные места и искать новых пастбищ для своего скота. Воздух наполнился смешанным гулом голосов, заглушаемых скрипением колес и ржанием лошадей. Но этот шум не достиг до ушей двух несчастных существ, спавших тяжелым сном на вершине скалы.

Во главе каравана ехали двадцать всадников, вооруженных ружьями. Их лица были суровы и цветом напоминали их темные платья. Подъехав к утесам, они остановились и начали совещаться о чем-то.

— Колодцы находятся вправо от нас, братья, — произнес один из них.

Это был человек с острым, стальным взглядом и тонкими губами. Его подбородок был гладко выбрит, а волосы пестрели сединой.

— Направо от Сьера-Бланки мы попадем на Рио-Гранде, — возразил другой.

— Не будем бояться того, что останемся без воды. Будем надеяться! — воскликнул третий.

— Пусть будет так, — ответили все.

Они уже хотели снова двинуться в путь, когда один из них, самый юный, обладающий острым зрением, вдруг издал удивленное восклицание, указывая на голый утес, возвышавшийся над их головами. Высоко над скалой маленький уголок розовой материи весело колыхался от ветра, производя странный контраст с общим серым тоном пустыни.

Караван мгновенно остановился, мужчины схватились за оружие, в то время как другие всадники быстро приблизились к передовому отряду, чтобы подкрепить его. Страшное слово «краснокожие» было у всех на устах.

— Их здесь не должно быть много, — сказал старик, который имел вид начальника: —

мы уже вышли из областей павнов и не можем встретить другие племена, пока не перевалим за эту горную цепь.

— Если вы позволите, брат Стангерсон, то я пойду на разведки? — спросил один из всадников.

— И я, и я, — воскликнуло с полдюжины голосов.

— Оставьте лошадей здесь, мы подождем вас, — сказал начальник.

В одно мгновение молодежь уже была на ногах, спутала ноги лошадей и начала проворно взбираться по отвесной скале, на вершине которой мотался по ветру кусочек розовой тряпки, так заинтриговавший всех. Они карабкались по голым камням с ловкостью и проворством людей, бывавших в опасных переделках. Оставшиеся внизу следили за тем, как разведчики отважно прыгали с камня на камень, взбираясь все выше и выше, пока не исчезли за последним выступом, ярко вырисовывавшимся на лазури неба. Молодой человек который первым вызвался итти на разведки, шел во главе других впереди. Шедшие за ним товарищи увидели, как он, достигнув вершины, вдруг остановился, в удивлении подняв руку кверху. Они поспешно подбежали к нему и в свою

очередь остановились, как вкопанные, при виде зрелища, представившегося их глазам.

На маленькой площадке, которой оканчивалась скала, находился громадный камень. Под защитой этого камня лежал, растянувшись, какой-то человек крепкого сложения, несмотря на ужасающую худобу, и с густой всклоченной бородой. Его спокойное лицо и ровное дыхание свидетельствовали о глубоком сне. Вокруг его морщинистой и мускулистой шеи обвились две полные беленькие ручки ребенка, который спал, плотно прижав свою золотистую головку к груди пожилого человека. Розовые губки ребенка, полуоткрывшись сонной улыбкой, выказывали ряд ровных молочно-белых зубов. Ножки, полные и маленькие, были обуты в короткие, белые чулочки и башмачки с блестящими пряжками. Нежное личико спящего ребенка представляло странный контраст с лицом незнакомца. Недалеко от них, на остром выступе соседней скалы, важно сидели три громадные птицы. Увидев приближающуюся группу людей, они начали испускать резкие крики досады и, наконец, тяжело поднявшись с места, улетели прочь. Крик этих птиц разбудил спящих. Они

быстро вскочили, бросая испуганные взгляды кругом, и в остолбенении глядели на окружавших их людей.

Незнакомец окинул быстрым взглядом равнину, такую тихую и пустынную несколько времени тому назад, а теперь наполненную шумом и громадной толпой людей и повозок. На лице его промелькнуло выражение недоверия, и он провел костистой рукой по своим глазам.

— Вот и галлюцинации уже начались, — прошептал он.

Маленькая девочка стояла возле него и, держась рукой за полу его платья, смотрела на все происходившее глазами, полными наивного любопытства.

Прибывшие люди, с которыми явилась помощь двум бедным странникам, вскоре убедили их, что — они вовсе не плод их воображения. Один из них взял девочку и посадил ее себе на плечо, в то время как двое других подхватили под руки ее спутника, чтобы помочь ему сойти к повозкам.

— Меня зовут Джон Ферье, — произнес последний; — нас было двадцать человек эмигрантов. Я и этот ребенок остались в живых, а остальные все погибли от голода и жажды там, на севере.

— Это ваша дочь? — спросил один из всадников.

— Я полагаю, что вполне приобрел право называть ее так, — тоном вызова ответил он. — Она моя, потому что я ее спас, и никто не придет за нею. С этого дня ее зовут Люси Ферье. Но кто же вы? — прибавил он, с любопытством разглядывая своих спасителей, энергические лица которых густо загорели от солнца. — Как вас много!

— Нас около десяти тысяч, — ответил один из них, самый младший. — Мы — гонимые дети, избранные ангела Мероны.

— Я никогда не слыхал о нем, — сказал странник: — но мне кажется, глядя на вашу многочисленность, что этот ангел себе на уме.

— Не смейтесь над тем, что священно, — возразил другой сурово. — Мы принадлежим к людям, верующим в священные письмена, которые начертаны египетскими буквами на кованных золотых досках, врученных святому Иосифу Смиту в Пальмире. Мы идем из Наувоо в Иллинойсе, где мы выстроили наш храм. Мы бежим от несправедливого человека и от клеветы и найдем себе убежище, хотя бы для этого пришлось поселиться в пустыне.

Слово Наувоо, повидимому, что-то напоминало Джону Ферье и показалось ему знакомым.

— Я знаю теперь кто вы: вы — мормоны.

— Да, мы мормоны — в один голос ответили все его спутники.

— Куда же вы идете?

— Мы не знаем. Рука нашего пророка ведет нас. Вы должны будете предстать пред его очи, потому что один только он может решить вашу судьбу.

В эту минуту они как раз достигли подошвы горы. Их окружили женщины с бледными лицами и сосредоточенными глазами, смеющиеся, здоровые дети и мужчины, на лицах которых были написаны недоверие и суровость. Послышались со всех сторон восклицания жалости и удивления при виде этих двух скитальцев, одного — такого юного, другого — несчастного на вид. Окруженные таким образом громадной толпой мормонов, Ферье и Люси двинулись дальше. Наконец их подвели к повозке необыкновенных размеров и чрезвычайно роскошно отделанной. Запряжена она была шестеркой лошадей, в то время как остальные повозки имели только по две, в редких случаях по четыре лошади. Рядом с человеком, управлявшим

лошадьми, сидел другой, которому на вид было не более тридцати лет. Но его гордая голова, могучее сложение и повелительное выражение лица ясно свидетельствовали о том, что он был здесь начальником. Увидев подошедшую толпу, он закрыл небольшую в кожаном переплете книгу, которую читал, отложив ее в сторону и внимательно выслушал рассказ о случившемся. Затем он повернулся к двум путешественникам:

— Мы можем взять вас с собою только при условии, что вы примкнете к нам совсем, то есть примете веру, которой живем мы. Не нужно пускать волков в овчарню. И лучше вам было бы, если бы кости ваши остались здесь, в этой пустыне, и белели при дороге, нежели быть гнилым плодом, который заразит и испортит всю корзину. Принимаете ли вы эти условия, чтобы остаться при нас?

— Вы сами знаете, что ради этого я согласен на все! — воскликнул Ферье с таким убеждением в голосе и взгляде, что старцы, несмотря на свою суровость и торжественность, не могли удержаться от улыбки. Один только начальник продолжал оставаться серьезным и суровым.

— Возьмите его, брат Стангерсон, — сказал он, — дайте ему пить и есть, также и

ребенку, а затем я предоставляю вам посвятить его в догматы нашей веры. А теперь двинемся в путь к Сиону!

— Идем к Сиону! — воскликнула вся толпа мормонов, и словно это, переходя из уст вдоль всего каравана, напоминало рокочущую волну, шум которой, удаляясь, становился все тише и тише, пока не замер совсем вдалеке. Раздалось щелканье бичей, скрипение колес, и все множество людей и животных двинулось в путь снова, подобно гигантской змее, развертывающей свои кольца вдоль пустыни.

Человек, которому поручили несчастных заблудившихся, повел их к своей повозке, где их ждали уже приготовленные им обед и питье.

— Вы устроитесь в этой повозке, — сказал им хозяин: — через несколько дней вы снова вернете утраченные силы и отдохнете. В течение этого времени помните только, что вы навсегда примкнули к нам. Брайгман Юнг сказал это: он говорил голосом святого Джоэ Смита.

II. *Цветок Утаха*

Не станем описывать в подробности всех трудностей и лишений, которые пришлось испытать мормонам в их пути, пока они не достигли цели. От берегов Мисиссипи до Скалистых гор они несли огромные труды и боролись с препятствиями с энергией, которой мало примеров в истории. Благодаря этой-то энергии и выносливости, которая является отличительной чертой англо-саксонской расы, они все преодолели: голод, жажду, болезни, усталость, — одним словом, все препятствия, которые природа, казалось, умышленно собирала на их пути. Но все-таки эти непрестанные лишения и труды поколебали и самые твердые сердца. Поэтому все от мала до велика в порыве какого-то горячего благодарственного восторга бросились на камни, увидев наконец расстилающуюся у их ног залитую солнцем и сверкающую изумрудною зеленью громадную равнину Утаха, в которую вел их

начальник каравана; эту землю, девственная почва которой отныне принадлежала им навсегда, они называли обетованной.

Юнг скоро доказал, что он такой же отличный администратор, как и решительный вожак. Быстро были нарисованы карты и планы, намечено место нового города, вокруг которого должны были раскинуться фермы, которые он разделил каждому в соответствии с его заслугами.

Купцы могли приступить к торговле, ремесленники к своему ремеслу. В городе площади и улицы появились точно по волшебству. В деревнях воздвигались заборы, выкорчевывались пни, распахивались поля с такой быстротой, что на следующее лето вся долина запестрела уже полями, на которых колыхался дозревающий хлеб.

Все удавалось и успевало в этой странной колонии. В середине города был заложен громадный храм, стены которого с каждым днем поднимались все выше и выше. С восхода солнца и до поздней ночи ни на одну минуту не переставали раздаваться удары молотка и скрип пилы.

Двое наших путешественников, Джон Ферье и Люси, которую все начали считать его дочерью, сопровождали мормонов до са-

мого конца экспедиции. Маленькую Люси поместили в удобной повозке Стангерсона в обществе трех женщин и его сына, мальчика около двенадцати лет, но уже отважного и ловкого, как взрослый. Девочка скоро оправилась от удара, который ей нанесла смерть матери, — в эти годы так легко забывать! — и сделалась балованным ребенком женщин. С необыкновенной легкостью привыкла девочка к этому движущемуся дому, покрытому полотном, вместо крыши.

С своей стороны, Ферье быстро оправился и оказался очень полезным товарищем и неутомимым, метким стрелком. Этим он снискал себе большое уважение и любовь со стороны мормонов, и когда они прибыли, наконец, в свою обетованную землю, Ферье, с общего согласия, дали один из самых больших и плодородных участков земли, не многим менее, чем те, которые получили, после Юнга, четыре главных старца: Стангерсон, Кембаль, Джонстон и Греббер.

На новой земле Джон Ферье выстроил сначала простую, маленькую, но очень крепкую избушку. Затем, из года в год увеличивая и украшая ее, он преобразовал избушку в восхитительную виллу. Он был человек крайне практичный, предусмотрительный и

ловкий. Его железное телосложение позволяло ему работать с утра до вечера. И он обрабатывал свой участок земли с такой тщательностью и знанием дела, что у него все успевало и удавалось точно по мановению волшебного жезла. Через три года он успел во многом отличиться от своих соседей; через шесть лет он сделался богачом, а через двенадцать во всем Соляном городе было не более пяти-шести таких богатых людей, как он. От берегов громадного моря до отдаленнейших гор Вагзата его имя было известно и всеми почитаемо.

Но был все-таки один единственный очень щекотливый пункт в его отношениях к новым единоверцам. Ни убеждения ни советы не могли поколебать его упрямства, и он ни за что не соглашался завести себе гарем. При этом он не давал никаких объяснений и продолжал с непоколебимой твердостью стоять на своем. Одни обвиняли его в неправильном толковании новой религии, другие в скупости, — будто бы он не заводит жен из боязни лишних расходов, третьи, наконец, рассказывали какую-то старую историю его любви к белокурой девушке, жившей на берегах далекого моря, которая умерла от отчаяния, когда их разлучили. Но что бы они ни

говорили, Ферье так и остался старым холостяком. Впрочем, что касается других пунктов, указанных в религии мормонов, то он исполнял их все точно и добросовестно и скоро даже прослыл за человека очень стойкого и фанатического в этом смысле.

Люси Ферье выросла в хижине своего приемного отца, присутствуя при всех его работах и предприятиях. Живительный горный воздух и бальзамический запах сосен заменили ей нежные ласки и уход матери. С каждым годом она росла и развивалась все более и более, щечки ее делались все свежее и миловиднее, а походка легче и эластичнее. Нередко прохожий, идя мимо фермы ее отца и увидев Люси, чувствовал, как его старое сердце вздрагивало от наплыва чувств, которые он почитал уже давно угасшими. О одинаковой грацией, ее прелестный силуэт вырисовывался то среди полей, куда она уходила для прогулок, то на резвой, едва выезжанной лошади, которою девушка управляла с ловкостью истинной дочери диких мест. Она была похожа на чудный, едва распустившийся цветок, и ко времени, когда ее отец стал считаться одним из богатейших фермеров страны, она представляла из себя самую восхитительную и соблазнительную

американку-невесту, подобную которой редко можно встретить.

Старый Ферье был далеко не первым из тех, кто заметил красоту девушки, превратившейся из ребенка в женщину. Впрочем, это участь всех отцов. Такую перемену трудно заметить вдруг, в какой-нибудь определенный момент, потому что рост и развитие женщины совершаются постепенно и неуловимо. Даже сами девушки никогда не замечают этого до тех пор, пока чей-нибудь взволнованный голос или дрожащая рука, пожимающая руку, не откроют им, что наступила пора, когда более сильные ощущения готовы пробудиться в юном сердце. Это сначала пугает их немножко, но какую сладостную гордость ощущают они в то же время! Почти всякая женщина с точностью может назвать вам число, когда какой-нибудь, иногда незначительный, случай зажигает перед их глазами лучи новой зари.

Точно также и в жизни Люси Ферье настал такой день, повлекший, впрочем, за собою тяжкие для нее самой и для многих других последствия.

В теплый июньский день люди, называвшие себя «работниками, вышедшими на работу в последний час», были заняты трудом, наподобие пчел, улей которых был взят ими девизом. На полях и на улицах царили немолчный шум и грохот, которые производят трудящиеся люди. Вдоль пыльных дорог тянулись длинные ряды тяжело нагруженных мулов. Ряды эти все тянулись по направлению к западу, так как золотая горячка тогда уже охватила Калифорнию, дорога в которую шла мимо города «избранных». По временам по дороге проходили стада баранов или быков, которых перегоняли с одного пастбища на другое; иногда по ней тянулись караваны, люди и лошади которых, измученные дальним путешествием, казались жалкими и истощенными до последней степени.

Однажды Люси Ферье верхом пробиралась сквозь постоянно сменявшуюся и разнородную толпу дороги, с большой ловкостью лавируя между повозками и людьми. Лицо ее слегка зарумянилось от быстрой езды, а длинные, шелковистые волосы свободно развевались по ветру. Отец послал ее, как это случалось довольно часто, с поручением в город, и она торопилась со всей беззаботностью юности, думая только о поручении и о том, чтобы хорошенько исполнить его.

Конные и пешие путешественники с удивлением провожали ее глазами, и даже вечно равнодушные и невозмутимые индейцы на минуту оживлялись, любуясь этой прелестной дочерью бледнолицых.

При самом въезде в городское предместье Люси увидела, что дорога перед нею загорожена громадным стадом, которое погоняли несколько человек погонщиков очень дикого вида. В нетерпении поскорее достигнуть цели она решилась проехать сквозь стадо быков и смело направила лошадь в узенький промежуток, который образовали животные по средине дороги. Но в ту же минуту быки стеснились, и молодая девушка увидела себя сжатой со всех сторон и уносимой вперед этим живым рогатым потоком. Привыкшая иметь дело со скотом, она не смутилась, попав в такое неприятное положение. Она удовольствовалась тем, что, как только замечала небольшой промежуток между быками, направляла в него лошадь, надеясь таким образом постепенно проехать сквозь все стадо. Но к несчастью, случайно ли, или в припадке ярости, один из быков всадил свои острые рога в бок ее лошади. Последняя, обезумев от испуга и боли, взвилась на дыбы и принялась прыгать и вертеться с такой силой, что только ловкость девушки и привычка ездить верхом помогли ей удержаться на седле.

Но положение ее было все-таки критическое. При каждом новом прыжке лошадь наталкивалась на рога быков, и боль от этих новых уколов заставляла ее беситься все более и более. Молодая девушка с величайшими усилиями держалась на седле, хорошо сознавая, что ее падение будет равносильно смерти и какой смерти! Быть раздавленной, истоптанной этими ужасными животными!.. Она начала терять голову; руки ее слабее держали поводья, а острый запах, исходящий от потных и грязных быков, производил спазму в ее горле, в то время как клубы дорожной пыли совершенно ослепляли ей глаза. В отчаянии она уже готова была предаться своей судьбе, когда вдруг услышала неподалеку ободряющий голос, и в то же мгновение чья-то загорелая рука, схвативши ее лошадь под уздцы, усмирила ее и вскоре вывела из стада вон.

— Надеюсь, вы не ранены? — спросил ее спаситель почтительно.

Она с минуту глядела на его точно бронзовое от загара и энергическое лицо и засмеялась.

— О, я ужасно перепугалась! И подумать только, что несколько десятков коров могут показаться такими страшными!

— Какое счастье, что вы не упали с лошади, — серьезно сказал ее спутник.

Это был молодой, высокого роста, человек с несколько диким видом. Он сидел верхом на сильном коне и был одет в грубое платье охотника. В руках он держал длинное ружье в чехле.

— Пари держу, что вы дочь Джона Ферье, — сказал он: — я видел, как вы выехали верхом из его ворот. По возвращении домой, спросите его, помнит ли он Джеферсона Гопа из Сен-Луи. Его отец и мой были некогда в большой дружбе.

— Не хотите ли лучше спросить его об этом лично? — спросила молодая девушка.

Юноша казался в восхищении от ее слов, и в глазах его вспыхнул огонек.

— С удовольствием, — ответил он: — но мы путешествуем в горах вот уже два месяца и одеты совсем не по-визитному. Пусть уж Ферье примет меня таким, каков я есть.

— О, конечно, — воскликнула Люси, — ведь он обожает меня. Не будь вас, эти проклятые коровы раздавили бы меня на смерть, и Ферье никогда бы не утешился.

— И я точно так же, — ответил он.

— Вы! Не знаю, чем бы это могло огорчить вас, когда вы даже не принадлежите к числу наших друзей.

Лицо путешественника при этих словах девушки омрачилось до такой степени, что Люси расхохоталась.

— Ну, ну, я не то хотела сказать. Конечно, вы наш друг. Приходите к нам, а теперь я должна ехать дальше, в город, иначе мой отец никогда больше не даст мне никаких поручений. До свиданья!

— До свиданья! — ответил он, приподнимая свою широкую шляпу и наклоняясь над маленькой ручкой, которую ему подала девушка.

Затем Люси повернула лошадь, ударила ее хлыстиком и скрылась как молния, поднимая за собой целое облако пыли.

Юный Джеферсон продолжал с другими товарищами путь, но сделался вдруг мрачным и молчаливым. Все они занимались в горах Невады разработкой золотых приисков, но не имели достаточно средств для дальнейшей работы и поэтому отправились в Соляной город, надеясь найти там необходимый капитал для разработки золотых жил. До этого дня Джеферсон Гоп выказывал

необычную горячность к делу наживы, но только что происшедшей случай заставил его мысли склониться в другую сторону.

Вид этой девушки, свежей и здоровой как ветерок, ласкающий верхушки Сьеры, до глубины взволновал это дикое и страстное сердце. Глядя ей вслед, он понял, что жизнь его должна измениться в чем-то и что отныне ни золотые прииски ни что другое в мире не в силах соперничать с новым и сильным ощущением, охватившим так внезапно его душу. Он не был мальчиком, способным поддаться первому же любовному впечатлению, — это был человек с сильной волей и ярко очерченным характером. Он любил повелевать, умел преодолевать все преграды на жизненном пути, и чувство, которое он испытывал теперь, было чувством гордой, глубокой и дикой любви. Все, что он предпринимал до сих пор, удавалось ему вполне. И теперь в глубине своей души он поклялся восторжествовать над всеми препятствиями, которые представятся ему в достижении этой новой, прелестной цели. Он клялся употребить для него все свои силы.

В тот же вечер Джеферсон Гоп сделал первый визит Джону Ферье. С этого дня посещения его сделались чаще и чаще, и, наконец, он стал одним из самых близких людей фермы.

Джон Ферье в течение всех последних двенадцати лет мало интересовался жизнью других стран, и Джеферсон Гоп заинтересовал его всевозможными рассказами из жизни внешнего мира. Люси разделяла любопытство и внимание отца к рассказчику. Они узнали, что их гость был сначала землекопом в Калифорнии и знал много историй быстрого обогащения и затем разорения в этой стране, полной случайностей и приключений. Затем последовательно он был охотником за дикими зверями, охотником за индейцами, укротителем зверей. Всюду, где только пахло опасностью и приключением, — являлся Джеферсон Гоп.

Вскоре он сделался любимцем Джона Ферье, без устали восхвалявшего его достоинства и качества. Юная Люси сдержанно молчала, но ее раскрасневшиеся слегка щечки и блестящие глаза ясно свидетельствовали о том, что сердце ее уже перестало принадлежать ей. Ее добряк отец мог и не заметить этих красноречивых симптомов, но избранный ее сердца отлично все видел и понимал.

В один прекрасный летний вечер Джеферсон подскакал на своей лошади к решетке

сада старого Ферье. Привязав лошадь к железному кольцу решетки, он двинулся по аллее навстречу Люси, которая, заметив его еще издали, вышла его встретить.

— Я уезжаю, Люси, — сказал он, взяв ее обе ручки в свои и с нежностью заглядывая в ее глаза. — Я не прошу вас следовать за мною теперь, но, когда я вернусь, будете ли вы готовы уехать со мною?

— А когда вы вернетесь?—спросила она, слегка покраснев и улыбаясь.

— Я вернусь самое позднее через два месяца, моя дорогая, и тогда возьму вас, как мое собственное сокровище. Кто может разлучить нас?

— А мой отец?

— Он дал мне свое согласие, но при условии, чтобы мои дела на приисках пошли хорошо. На этот счет я совершенно спокоен.

— А! Если вы и мой отец все уже устроили, мне нечего сказать более, — произнесла она, прислонив головку к широкой груди своего друга.

— Слава богу! — воскликнул он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее. — Итак, дело улажено. Но чем дольше я останусь здесь, тем труднее мне будет уйти. Мои товарищи ждут меня на дороге в ущелье. Прощай, моя

любовь, через два месяца мы увидимся снова! . .

Он вырвался из ее объятий и, вскочив на лошадь, ускакал, как вихрь, не смея даже оглянуться из боязни, что одного взгляда на любимую девушку будет достаточно, чтобы поколебать его решимость.

Молодая девушка облокотилась на решетку, следя за ним глазами до тех пор, пока он не скрылся из виду совсем. Затем она медленно вошла в дом. В этот час она была самой счастливой девушкой Утаха.

III. Пророк у Джона Ферье

Прошли три недели с того дня, как уехал Джеферсон Гоп. Джон Ферье с болью в сердце помышлял о возвращении его снова, так как этот день, — увы! — должен был быть днем отъезда Люси из родительского дома. Но при виде веселого и счастливого личика Люси старик сдерживал свое горе и старался найти свое счастье в ее счастьи.

Давно еще он поклялся самому себе, что ни за какие блага мира не допустит свою дочь вступить в брак с каким-нибудь мормоном. Подобный союз он считал не за настоящий брак, а за позор и несчастье. Но он тщательно таил эти мысли в самом затаенном уголке своего сердца, потому что в этой стране в то время было чрезвычайно опасно высказываться в чем-нибудь против религии.

Да, это было опасно, так опасно, что самые благочестивые не осмеливались даже шопотом высказывать свои религиозные мнения. Они боялись, что случайно сказанное

слово будет ложно истолковано и их постигнет наказание. С другой стороны, и жертвы стали преследователями, да еще какими! Севильская инквизиция и тайные общества Италии с их мрачными интригами не наводили на Европу такого ужаса, какой теперь царил над Утахом.

Эта организация была невидима и таинственна, но тем более она была и страшна. Она обладала всезнанием и всемогуществом и однако была невидима. Человек, пытавшийся завязать борьбу с их законом, в один прекрасный день исчезал и исчезал навеки. Никто более не слыхал о нем. Напрасно его жена и дети ожидали его возвращения, — он не приходил и не мог никому рассказать, что происходило с ним на тайном суде.

За одно легкомысленное слово, за один необдуманный поступок могло постигнуть это наказание. Человек уничтожался ужасной, невидимой силой, уничтожался непонятным для всех образом. Чему же после этого удивляться, если люди, жившие под непрерывным страхом, опасались даже шептаться о томивших их душу сомнениях.

Вначале эта темная и ужасная власть преследовала только бунтовщиков, — тех, которые, приняв мормонство, делали попытки его

исказить или даже совсем оставить. Но потом число жертв возросло.

Дело в том, что число взрослых женщин в колонии уменьшилось, а за их недостатком стало невозможным многоженство, которое по мормонской религии обязательно. И вот начали ходить странные слухи.

В местностях, где индейцев не было и в помине, неизвестные злодеи грабили поселения, убивали мужчин. Зато в гаремах старцев появлялись новые женщины, разбитые скорбью и слезами, с лицами, полными выражения пережитого ими ужаса.

Опоздавшие в горах путешественники рассказывали, что они видели в ночном мраке силуэты вооруженных людей в масках. Эти рассказы и многие другие догадки выясняли мало-по-малу дело, и все поняли то, что происходит. И если сегодня даже произнести в какой-нибудь далекой, уединенной ферме слово о шайке «бандитов» или «ангелов-мстителей»,— имена эти вызовут в сердцах слушателей чувство мрачного ужаса. Когда люди поняли, наконец, хорошенько силу этой организации, проявления которой были так ужасны, то страх среди них, вместо того, чтобы уменьшаться, усиливался все более и более, потому что никто не знал, кто

были члены этого неумолимого общества. Их имена, число, их сообщники, помогающие им совершать преступления, убийства были покрыты глубокой тайной. Если кто имел друга, то не знал, можно ли довериться ему, высказав свои сомнения или страх относительно пророка и о его миссии, потому что друг мог оказаться причастным к тайному обществу и исполнителем высших велений. Он мог прийти, под покровом ночи, вооруженный железом и огнем, судить вас самым ужасным, самым беспощадным судом. Никто не доверял соседу и никогда не обменивался с ним ни единым словом относительно этого интересующего всех, но опасного вопроса.

В один прекрасный день, рано утром, Джон Ферье собирался выходить из дому, чтобы сделать обычный обход полей. Вдруг он услышал скрип засова у своей калитки и увидел средних лет человека с золотистыми волосами и внушительным видом, который шел по аллее к дому. Сердце Джона дрогнуло, когда он узнал Юнга Брайгама.

Полный тяжелого предчувствия, — ибо подобный визит не мог предвещать ничего хорошего, — Ферье побежал гостю навстречу и почтительно поклонился ему в пояс. Но великий предводитель мормонов

чрезвычайно холодно принял эти знаки почитания и последовал за хозяином в комнату, продолжая хранить на лице суровое и неприветливое выражение.

— Брат Ферье, — сказал он, садясь на стул и сверкая сквозь длинные, бесцветные ресницы острым взглядом, — истинно верующие, я надеюсь, были добры к вам. Мы подобрали вас умирающего от голода и жажды в пустыне, мы поделились с вами хлебом, мы привели вас здраво и невредимо в обетованную землю, наделили вас хорошей землей и позволили вам нажить состояние, охраняя вашу безопасность. Все это так или нет?

— Все это так, — отвечал Джон Ферье.

— Что же мы требовали от вас взамен этого? Одну только вещь, а именно — чтобы вы приняли нашу веру со всеми ее законами и предписаниями. Вы обещали это, и однако, если слухи, дошедшие до меня, верны, вы не исполнили обещания.

— Но чего же я не исполнил? — воскликнул Ферье, поднимая руки к небу. — Не вложил ли я свою часть в общую кассу? Не хожу ли я аккуратно в храм? Не...

— Где ваши жены? — перебил его Юнг, бросая кругом вопросительный взгляд. — Позовите их, чтобы я мог их приветствовать.

— Это правда, я не женился, — ответил Ферье: — но число женщин у нас очень ограничено, и многие из братьев имеют больше прав на них, нежели я, потому что я все-таки не один. У меня есть дочь.

— О ней-то я и хочу поговорить с вами, — продолжал начальник мормонов. — Она возросла в силе и красоте и сделалась лучшим цветком Утаха. Многие и лучшие из нас бросили взор свой на нее.

Джон Ферье заглушил вздох.

— Про нее ходят слухи, которым я бы не хотел верить. Говорят, что она помолвлена с каким-то язычником. Но я надеюсь, что это только обычная сплетня длинных языков, потому что 19-я заповедь в законе блаженного Иосифа Смита гласит: «Всякая дочь правой веры должна сделаться женою одного из избранных, ибо если она избирает себе мужем язычника, на ней будет лежать незамолимый грех». Итак, вы видите, что вам, который принадлежит к правой вере, немыслимо допустить собственную дочь до такого греха.

Джон Ферье ничего не ответил, а только нервно сжимал рукоятку своего длинного охотничьего кнута.

— Вот и представляется случай подвергнуть испытанию вашу веру. Так было

решено в священном «совете четырех». Ваша дочь молода, и мы не хотим, чтобы она соединилась с каким-нибудь седовласым старцем; точно так же мы решили предоставить ей известную свободу выбора. У каждого из старцев уже есть порядочное «стадо», но дети наши также должны быть обеспечены. У Стангерсона и Дреббера есть по взрослому сыну. У очага первого ваша дочь будет так же счастлива, как и у очага второго. Пусть она выберет одного из двух. Оба они молоды, богаты, оба истинно верующие... Что вы ответите на это?

Сдвинув брови, Ферье молчал в течение нескольких минут.

— Дайте нам немного времени, чтобы подумать, — сказал он наконец. — Моя дочь так молода... Я еще и не думал о ее браке.

— Даю вам месяц на размышление,—произнес Юнг, вставая: — но как только минет назначенное время, пусть она даст нам ответ.

Он был уже на пороге двери, говоря это, как вдруг остановился и оглянулся; лицо его приняло свирепое выражение, и глаза засверкали.

— Если вы, Ферье, и ваша дочь станете, несмотря на ваше бессилие, бороться с волей «четырех святых», лучше бы вам было, если

бы кости ваши остались белеть при дороге в Соляной пустыне!

И, потрясая угрожающим образом рукой, он удалился. Мелкий гравий, которым была усыпана аллея, резко скрипел под его тяжелыми шагами.

Ферье так и остался сидеть на месте, сжав голову руками и думая, как бы поосторожнее рассказать все случившееся дочери. Вдруг он почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу и, подняв глаза, увидел Люси, которая стояла перед ним. По ужасу, написанному на ее бледном лице, он понял, что она все слышала.

— Я сделала это неумышленно, — ответила она на его вопросительный взгляд: — голос его был слышен по всему дому. О, мой отец, мой отец, что нам делать?

— Не огорчайся, дитя мое, — сказал он, притягивая ее к себе и лаская своей широкой и узловатой рукой шелковистые локоны девушки: — мы найдем способ увернуться. Твоя симпатия к нашему отсутствующему путешественнику ведь не уменьшилась, не так ли?

Рыдание было ему ответом.

— Да, да, я знаю, что нет, — продолжал он: — я очень этому рад. Он славный мальчик и добрый человек, чего нельзя сказать

про здешних, несмотря на их длинные проповеди и молитвенные кривлянья... Слушай: завтра поезд отходит в Неваду. Я устрою так, что буду в состоянии отправить ему посланного, который расскажет ему, в какой застенок мы попали. И если я не ошибаюсь в нем, то наш друг будет здесь так быстро, как депеша.

Люси улыбнулась сквозь слезы.

— Когда он будет здесь, то укажет нам самый лучший исход, — сказала она. — Но я дрожу за тебя, мой дорогой отец. Они так ужасны, так ужасны эти истории, которые рассказывают про людей, пытавшихся противиться их пророку! Всегда с ними приключались какие-либо ужасные несчастья.

— Но ведь мы еще не начинали противиться им! — ответил отец. — Мы еще имеем перед собой много времени, чтобы посторониться от бури: у нас целый месяц впереди. Правда, что по истечении его будет, пожалуй, лучше исчезнуть из прекрасной страны Утаха.

— Покинуть Утах?

— Это мое желание.

— А как же ферма?

— Постараемся собрать в наш дом сколько возможно больше денег, а затем убежим и бросим все остальное. Если говорить правду,

Люси, то я уже не в первый раз помышляю об этом. Я не очень-то люблю, чтобы из меня делали игрушку, как делает это со всеми здешними людьми этот несчастный пророк. Я вольный сын свободной Америки, и все это крайне стесняет меня. В мои годы поздно учиться кривляньям, и если этот старый еще вздумает заглянуть сюда ко мне, он рискует получить добрый заряд картечи.

— Но нам не дадут уехать, — заметила молодая девушка.

— Подождем, когда приедет Джеферсон. Он что-нибудь придумает. А пока не унывай, моя крошка, чтобы твои глазки не были красны, когда он вернется. А то я боюсь, чтобы мне не пришлось отвечать перед ним за это. Ничего ужасного пока еще не случилось, и нам не грозит никакой опасности.

Но, несмотря на эти ободряющие слова, сказанные, повидимому, спокойным тоном, девушка не могла не заметить, ложась спать в этот день, с каким тщанием запирал на замок двери ее отец. Не удовольствовавшись этим, он тщательно вычистил сначала, а затем зарядил свое старое ружье, висевшее в его комнате.

IV. *Бегство*

Утром на другой день после визита пророка Джон Ферье отправился в Соляной город и передал одному своему другу, который собирался в Неваду, письмо для Джеферсона Гопа. В нем он описывал молодому человеку, какая ужасная опасность угрожает им и как необходимо его присутствие. Исполнивши это, Ферье почувствовал, как часть тяготы спала с его груди, и он уже с более легким сердцем вернулся домой.

Подходя к дому, он был чрезвычайно удивлен, увидев двух лошадей, привязанных к решетке его забора. Удивление его увеличилось еще более, когда, войдя в комнату, он нашел двух молодых людей, которые его ожидали. Один из них, с бледным и длинным лицом, лежал, развалившись на кресле и положив ноги на решетку очага. Другой, которого грубые черты прекрасно гармонировали с бычачьей шеей, сидел на окне, засунув руки в карманы и посвистывая. Оба

приветствовали Ферье кивком головы, и тот, который лежал в кресле, начал следующий разговор:

— Вы, может быть, не знаете нас? Мой товарищ — сын старца Дреббера, а я — Джозеф Стангерсон. Оба мы путешествовали вместе с вами в пустыне, когда судьбе угодно было протянуть вам руку помощи, причислив вас к избранному стаду верных овец.

— Точно также он может сделать с народом всех наций и соединить их в одно стадо! — сказал другой несколько гнусавым голосом. — Мельница мелет тихо, но мелет хорошо.

Джон Ферье холодно поклонился. Теперь он знал с кем имеет дело и чего ему ожидать от этого визита.

— Мы явились к вам, — продолжал Стангерсон, — с согласия наших родителей, чтобы просить у вас руки вашей дочери. Выбирайте, она и вы, между нами двумя. Но так как у меня только четыре жены, в то время как Дреббер имеет их семь, мне кажется, право на моей стороне, и мое предложение будет принято более благосклонно.

— Нет, нет, брат Стангерсон! — воскликнул другой. — Дело не в том, сколько

женщин мы имеем, а в том, сколько их можем содержать. Мой отец передал мне свои мельницы, и я богаче моего соперника.

— Но у меня более блестящая будущность, нежели у вас, — с жаром возразил Стангерсон. — Когда мой отец умрет, мне достанутся его кожевенная фабрика и его жилище. И затем я старше вас и занимаю в церкви более высокое положение.

— Пусть решит сама молодая девушка, — сказал Дреббер, рассматривая себя с видимым удовольствием в зеркало. — Подождем ее решения.

Во время этого диалога, Джон Ферье, сдерживая бешеную ярость, стоял у порога, с невероятными усилиями удерживаясь от желания обломать свой кнут о спины гостей.

— Слушайте меня хорошенько, — сказал он наконец, делая два шага к ним. — Когда моя дочь пригласит вас сама, я соглашусь принять вас в своем доме, но до тех пор поворачивайте лопатки назад, и чтобы я не видел вас более!

Оба молодые мормона вскочили, пораженные удивлением. Они были убеждены, что приносят и отцу и дочери величайшую честь своим соперничеством, ради которого и явились сюда сегодня.

— Есть два способа выйти отсюда, — воскликнул Ферье: — через окно или через дверь. Выбирайте сами!

Его загорелое лицо было ужасно, его костистые руки — так угрожающи, что визитеры сочли за нужное сделать быстрое отступление... Старый фермер последовал за ними до самой калитки.

— Когда вы окончите споры и придете к какому-нибудь соглашению, то оповестите меня, который из вас двух должен сделаться моим зятем, — насмешливо сказал он им.

— Достанется вам за все это, так жарко будет! — бледный от ярости вскрикнул Стангерсон. — Вы бросили вызов пророку и «совету четырех». И вы покаетесь в этом, до конца ваших дней покаетесь!

— Попадет вам! — добавил Дреббер.

— Но я тоже возьму свое! — крикнул Ферье, взбешенный окончательно, и бросился за ружьем. Но из дома выбежала Люси, схватила его за руку и увела в комнату. Старик вырвался из ее рук, но в ту же минуту послышался галоп отъезжающих мормонов, и он понял, что они ушли от его выстрела.

— Мерзавцы! Ханжи!—воскликнул Джон, вытирая обильно струившийся по лбу пот. —

Лучше мне видеть тебя мертвой, дитя мое, нежели женою одного из них.

— И я того же мнения, — спокойно ответила она. — Но теперь Джеферсон скоро вернется.

— Да, я надеюсь, и чем скорее, тем лучше, потому что мы не знаем даже, что способны они придумать теперь.

И действительно, пора было, чтобы кто-нибудь, могущий дать добрый совет и поддержку, быстро явился на помощь старику-фермеру и его дочери. С самого первого дня возникновения здесь города еще никто ни разу не отваживался так резко итти против ясно выраженной воли старцев. Если они жестоко карали самые малейшие провинности против их авторитета, то что же они сделают теперь при столь явном бунте? Ни богатство, ни положение, ни общее уважение не могли спасти виновного. Много других еще более богатых и уважаемых лиц в один прекрасный день исчезали с лица земли самым таинственным образом, а община святых вступала во владение всем их имуществом. Поэтому, несмотря на всю храбрость, неведомая опасность, которую Ферье чувствовал над своей головой, наполняла его ужасом. Он постоял бы лицом к лицу перед опасностью

явной, видимой, но неизвестность сводила его с ума. Не желая пугать Люси, он в ее присутствии принимал спокойный, равнодушный вид и старался показать ей, что обращает очень мало внимания на все случившееся. Но девушка с проницательностью любящей дочери прекрасно понимала его беспокойство и ужас.

Ферье ожидал непременно получить от Юнга или какого-нибудь посланца, или же письмо. Он не ошибся в своих ожиданиях, хотя ни за что не мог бы предположить способа, который употребит в сношениях с ним пророк. Проснувшись утром на другой день, он к величайшему изумлению нашел приколотым к одеялу, как раз у своей груди маленький лоскуток бумаги, на котором крупными буквами было написано:

„29 дней остается вам еще, чтобы принять решение, а затем"...

Подобное предостережение было ужаснее всякой угрозы.

Каким образом эта бумага очутилась приколотой на его груди, в запертом отовсюду

доме? Это более всего волновало и интриговало Ферье.

Его слуги ночевали в отдельных помещениях, а все двери и окна в доме были снабжены крепкими засовами.

Он разорвал бумажку в мелкие клочки и ничего не сказал о ней дочери, но это происшествие охватило холодом его сердце. Двадцать девять дней, о которых говорилось в записке, были, очевидно, временем, данным Юнгом ему на размышление. Какая сила, какая храбрость устоит в борьбе с таким могущественным врагом, который пользуется подобными таинственными средствами? Рука, прикалывавшая записку, могла точно так же поразить его на смерть в самое сердце, и никто бы никогда не узнал, кому принадлежала эта рука...

На следующий день он получил новый, еще более чувствительный удар. Он и Люси только что уселись за стол обедать, как вдруг молодая девушка вскрикнула, указывая рукой на потолок: в самой середине потолка углем было начертано число 28. Люси не понимала значения этой цифры, но Ферье не спал всю ночь и сидел на страже, сжимая руками дуло ружья. Но, несмотря на то, что он ничего не видел и не слыхал, утром

громадное «27» появилось на внутренней стороне двери.

Каждый день происходило одно и то же; каждое утро Ферье мог констатировать, что его невидимые враги аккуратно с неумолимою неукоснительностью вели счет дням, данным ему на размышление. По временам роковые цифры оказывались начертанными на стене или на полу, либо он находил небольшие записочки на крыльце или приклеенными к решетке сада. И, несмотря на всю свою бдительность и тщательное выслеживание, старик никогда не мог открыть, откуда появлялись эти ежедневные предостережения. При виде их он сделался крайне нервным и беспокойным, и в его глазах мелькало выражение затравленного оленя.

Единственной оставшейся ему надеждой было ожидание молодого охотника из Невады.

Двадцать дней превратились в пятнадцать, последние в десять и никакого ободряющего слуха об отсутствующем до сих пор еще не было получено на ферме. Каждый раз, когда по дороге проезжал какой-нибудь всадник верхом, старый фермер бросался к своей калитке, надеясь, что его мольбы услышаны.

И когда число 5 превратилось на его глазах в 4, затем в 3, он упал духом и совершенно перестал надеяться. Предоставленный только своим собственным силам и совершенно незнакомый с окружающими равнину горами, он понял свое бессилие. К тому же он знал, что все дороги всегда очень строго охраняются и никто не мог пройти по ним без письменного приказа, подписанного рукою пророка.

Как ни передумывал все это Ферье, одно только казалось ему верным и неминуемым, а именно, что ему не избежать катастрофы, нависшей над его головой. Но решимость старика не поколебалась, и он готов был лучше встретить смерть, нежели видеть свою дорогую Люси женою одного из этих ханжей.

Ферье сидел вечером на пороге своего жилища и думал над ужасным положением, в котором он очутился с дочерью, и еще раз пытался изобрести какой-нибудь способ выйти из него. На рассвете этого дня, на стене он прочел цифру 2. Значит, завтра наступает последний день отсрочки, данной ему. Что же он должен делать затем?

Тяжелые и. сбивчивые мысли кружились в его голове. Что станется с его дочерью,

когда его самого не будет? Неужели нет никаких средств, чтобы вырваться из сети, которая, он чувствовал, стягивается над его головой?

И понявши всю безвыходность своего положения, Ферье уронил голову на руки и зарыдал.

Но вдруг какой-то шум привлек его внимание. Что это такое? За дверью послышалось легкое царапанье, все-таки ясно различаемое в ночной тишине.

Ферье проскользнул в прихожую и прислушался. Шум на минутку затих, но затем повторился снова. Было очевидно, что кто-то тихонько стучался в дверь.

Был ли это убийца, посланный кровавым советом, или какой-нибудь агент, чтобы начертить роковую цифру последнего дня? Эти мысли до такой степени взволновали старика, что он задрожал с головы до ног и, предпочитая верную смерть неизвестности, бросился к двери, отодвинул засов и открыл ее на стежь.

Снаружи все было тихо и мирно. Ночь сверкала тысячью блестящих звезд. Взор свободно различал дорожку сада, решетку, но ни на дороге ни поблизости дома не было заметно ни малейшего следа присутствия

человека. Со вздохом облегчения Ферье осматривался вокруг, когда, случайно бросив взгляд на землю у своих ног, он к своему крайнему изумлению увидел там растянувшегося во всю длину человека, который лежал ничком.

Вид этого человека произвел на Ферье такое сильное впечатление, что он чуть не вскрикнул, вообразив, что это какой-нибудь раненый, или умирающий, дотащившийся до его порога. Но вдруг лежащий человек быстро пополз и проскользнул в прихожую с быстротою и ухватками настоящей змеи. Затем он проворно вскочил на ноги, запер дверь, и изумленный фермер увидел перед собой гордое и решительное лицо Джеферсона Гопа.

— Что это! — воскликнул Ферье: — как же вы меня напугали! Но почему вы входите в мой дом таким образом?

— Дайте мне поесть, — ответил тот глухим голосом: — я не имел крошки во рту, в течение сорока восьми часов.

Он накинулся на холодное мясо и хлеб, оставшийся после ужина, и начал есть с жадностью.

— Как поживает Люси? — спросил он, утоливши первый голод: — она здорова?

— Да, — ответил отец, — и она не подозревает той опасности, какой мы подвергаемся.

— Это хорошо. Дом окружен, и его стерегут со всех сторон. Вот почему я должен был пробираться ползком. Они могут хитрить сколько им угодно, но никогда они не перехитрят охотника за антилопами.

С момента прибытия такого сильного союзника, Джон Ферье почувствовал себя совсем другим человеком. Он схватил загорелую руку молодого человека и сердечно пожал ее.

— Вами можно гордиться, — сказал он: — немногие согласились бы, подобно вам, прийти разделить наши несчастья и опасности в данную минуту.

— Вы правы, отец, — ответил молодой охотник: — я очень уважаю вас, но если бы в опасности находились одни только вы, то я подумал бы и подумал, прежде нежели сунуться в такое осиное гнездо. Ради одной только Люси я приехал сюда и, прежде чем с нею случится какое-нибудь несчастие, одним Джеферсоном Гопом будет меньше в прекрасной стране Утаха.

— Что нам делать?

— Завтра последний день отсрочки, которую вам дали, и, если мы не начнем действовать сегодня же, все погибнет. У меня один мул и две лошади, которые ждут нас в долине Орла. Сколько у вас денег?

— Две тысячи долларов золотом и пять тысяч в билетах.

— Достаточно. У меня столько же приблизительно. Нам надо достичь города Гарсона через горы. Но вы сделаете хорошо, если разбудите немедленно Люси. Весьма удачно то, что прислуга спит не в доме...

Когда Джон Ферье удалился, чтобы подготовить дочь к предстоящему путешествию, Джеферсон собрал сколько мог провизии в узелок, а также наполнил водою большой каменный кувшин. Он знал по опыту, как редки в горах колодцы. Едва он успел окончить эти приготовления, как фермер и его дочь появились в комнате совсем одетые для путешествия. Свидание возлюбленных было нежное, но поневоле они должны были сдерживать свои чувства, ибо минуты были дороги, а им предстояло много трудов.

— Надо итти не медля ни минуты, — проговорил тихим, но твердым голосом Джеферсон. Он отлично сознавал, что идет на опасный подвиг, но сердце его было спокойно и твердо.

— Передние и задние ворота окружены, и их стерегут, но, соблюдая большую осторожность, мы можем ускользнуть через окно сбоку дома и затем перебежать поле. А как только мы очутимся на дороге, до лощинки, где нас ждут лошади, не более двух тысяч шагов. При благоприятном исходе мы к восходу солнца успеем сделать почти половину пути в горах.

— А если нас задержат?—спросил Ферье.

Гоп коснулся рукой револьвера, который носил всегда за поясом.

— Если их будет слишком много, мы все-таки успеем уложить нескольких, прежде нежели ляжем сами, — сказал он, мрачно усмехнувшись.

Огни в доме были потушены, и сквозь потемневшие окна Ферье бросил последний взгляд на сад и поля, в которые он вложил столько труда и которые ему приходилось теперь покидать. Но он уже давно решился принести эту жертву, и честь и будущее дорогой дочери ставил несравненно выше своего благосостояния.

Все было тихо, начиная с тихо трепещущих в полумраке деревьев и кончая громадными

распаханными полями, с которых не доносился ни малейший звук. Трудно было поверить, чтобы над этим мирным, прекрасным пейзажем носился призрак смерти. Но бледность молодого охотника и суровое выражение его лица ясно свидетельствовали о том, что он видел эти призраки, когда подходил к дому.

Ферье взял в руки мешок с золотом и банковыми билетами; Джеферсон Гоп захватил провизию и воду, а Люси держала в руках небольшой сверток вещей, с которыми ей не хотелось расстаться. С величайшими предосторожностями они открыли окно и, выждав, когда густое облако заволокло небо, по очереди вылезли в сад. Спотыкаясь, ползая, удерживая в груди дыхание, они кое-как добрались до забора, намереваясь итти вдоль его до небольшого пролома, выходившего в поле. Они уже приближались к этому пролому, когда молодой человек вдруг схватил своих спутников и с силой оттолкнул их снова в тень, где они все трое притаились, дрожа от страха. Воспитанный в степи и долго ведя бродячую жизнь, Джеферсон Гоп обладал необыкновенно чутким слухом. И это было счастьем для беглецов, потому что едва они успели прильнуть к забору, как услышали совсем близко возле них

меланхолическое завывание горной совы, на которое тотчас же ответило другое такое же, немного дальше. В ту же минуту, в проломе забора неясно обрисовался человеческий силуэт и продолжал повторять печальный сигнал до тех пор, пока из темноты сада не вынырнул другой силуэт.

— Завтра в полночь, когда сова прокричит три раза, — произнес первый, который был повидимому начальником.

— Хорошо, — ответил другой, — надо предупредить брата Дреббера?

— Предупредите их, а также и остальных... от девяти до семи...

— От семи до пяти, — ответил второй, и оба силуэта после этого удалились в разные стороны. Последние слова, которыми они обменивались, были очевидно паролем, данным на эту ночь. Как только их шаги замерли вдали, Джеферсон Гоп вскочил на ноги и помог своим спутникам пролезть в пролом. Затем он начал понукать их, и все двинулись в путь напрямик по полю, при чем Гоп по временам, когда силы оставляли молодую девушку, поддерживал ее, или почти нес на руках.

— Скорее, скорее, — шептал он время от времени: — мы находимся как раз на высоте

сторожевых будок, и все зависит от вашей быстроты.

Очутившись на большой дороге, они пошли еще быстрее. Им повезло, и они только один раз встретились с каким-то человеком, причем были принуждены скрыться в поле. Возле города молодой охотник свернул в сторону и направился по узкой и крутой тропинке, ведущей в горы. Два острых зазубренных горных ребра вырисовывались в темноте. Между этими выступами и находился небольшой проход, названный долиной Орла, где спутников ожидали лошади.

С тонким инстинктом, который никогда не обманывал его, Джеферсон Гоп шел вперед, пробираясь между камней, или по высохшему ложу горного ручья. Наконец они достигли отдаленного уголка между скалами, где за огромным выступом камня были привязаны верные животные. Молодая девушка села на мула, ее отец, сжимавший одной рукой мешок с деньгами, вскочил на одну лошадь, а Джеферсон Гоп на другую. После этого все трое направились в горы по тропинке, ведущей мимо глубоких, ужасных пропастей. Вид этих пропастей был так страшен, что мог оледенить ужасом сердце всякого, не привыкшего к суровым видам

горной природы. С одной стороны отвесно поднималась на тысячу слишком метров, громадная черная и мрачная скала, которая, казалось угрожала окрестностям. Широкие полосы базальта бороздили красноватую поверхность скалы, придавая ей вид какого-то чудовища с выдающимися боками. С другой стороны невообразимый хаос скал и обломков камня загораживал проход. Посередине этих обломков и скал проложена была тропинка, но такая узкая и неудобная, что по ней могли проехать только очень опытные и привычные к горным поездкам всадники.

Несмотря на эти опасности и препятствия, беглецы ощущали большую легкость на сердце, ибо каждый шаг удалял их все более и более от страшного могущества, от которого они бежали. Но они все еще находились в пределах наблюдения святых, в чем и не замедлили убедиться очень скоро. Когда они достигли самой дикой, самой уединенной части прохода, Люси вдруг издала восклицание, указывая на вершину горы. На скале, нависшей над ними, ясно обрисовался силуэт часового.

— Кто идет? — воскликнул он в тот момент, как беглецы поровнялись с ним.

— Путешественники, идущие в Неваду, — ответил Джеферсон Гоп, опуская руку на ружье, привязанное к седлу.

Часовой зарядил ружье и начал рассматривать проезжавших, так как их ответ показался ему недостаточно удовлетворительным.

— С чьего разрешения? — спросил он снова.

— С разрешения «четырех святых», — ответил Ферье.

Он по опыту знал, что это был самый могущественный авторитет для мормонов.

— От девяти до семи! — воскликнул часовой.

— От семи до пяти! — подхватил тотчас же Джеферсон Гоп, вспомнив слова, подслушанные им в саду.

— Проезжайте с богом! — произнес голос сверху.

Немного далее дорога пошла удобнее, и беглецы пустили лошадей рысью. Оглянувшись назад, они увидали чесового, который стоял на своей вышке, опершись на ружье. Фигура этого часового была для них как бы границей, отделившей их от страны святых, и они подумали, что заря свободы уже заблестела впереди их.

V. Ангелы-мстители

В течение всей ночи они следовали безостановочно между крутых скал по дорожке, стесненной отовсюду крупными обломками камня. Несколько раз они сбивались с пути, но Гоп был так хорошо знаком с горами, что очень быстро опять находил верный путь.

На рассвете их глазам представилось грандиозное зрелище. На громадном протяжении возвышались один возле другого высокие горные пики, покрытые снегом. Ряд этих пик примыкал к высокой отвесной горе, на вершине которой росли лиственницы и буки, нависшие вниз, на дорожку, как будто собираясь задавить всякого, кто отважится пройти по ней. И это могло быть на самом деле, ибо там и сям на тропинке виднелись громадные упавшие деревья.

В ту минуту, когда беглецы вступили на эту тропинку, сверху оторвался большой кусок скалы с растущим на нем деревом и покатился вниз с глухим рокотом, который эхо

повторило тысячу раз. Испуганные лошади бросились скакать галопом, несмотря на крайнее утомление.

Солнце всходило. По мере того, как оно поднималось над горизонтом, снежные вершины одна за другой зажигались розовым светом, подобно блестящим факелам в день торжества. Чудные переливы света и вид ясного, ободряющего дня развеселили сердца беглецов и придали им новые силы.

Они сделали короткий привал на берегу ручейка, вытекавшего из-за выступа скалы. В то время пока лошади переводили дух, путешественники быстро закусывали.

Люси и ее отец, очень утомленные, охотно отдохнули бы подольше, но Джеферсон Гоп воспротивился этому.

— Они идут наверное по нашим следам, в настоящую минуту, — сказал он: — поэтому все зависит от быстроты нашего бегства. Если здоровыми и невредимыми достигнем Карсона, то сумеем отдыхать всю нашу жизнь.

Весь этот день они не сходили с лошадей и к вечеру разочли, что не менее тридцати миль отделяют их от преследователей. С наступлением ночи они выбрали небольшое углубление в расщелине скалы и, прижавшись

друг к другу, чтобы лучше укрыться от холода, несколько часов провели в крепком сне.

Было еще далеко до восхода солнца, когда они снова пустились в путь. До этого момента решительно ничего не указывало на то, что их преследуют, и Джеферсон Гоп начал надеяться, что они, наконец, вырвались из власти ужасных врагов. Но он еще не знал, как велика и всемогуща власть этого общества, как неумолима рука, которая вскоре должна была их схватить и уничтожить...

К полудню другого дня их провизия подошла к концу. Но охотник, который привык рассчитывать на свое ружье и знал, сколько дичи водилось в этих горах, не мог огорчаться такими пустяками.

Джеферсон Гоп сначала отыскал укромный уголок между скалами, куда натаскал сухого хвороста, и развел костер, возле которого все трое с удовольствием отогрели озябшие члены. Теперь они находились на высоте более пяти тысяч футов, и холодный воздух давал себя чувствовать.

Затем, спутавши лошадей и поцеловавши Люси, Джеферсон вскинул ружье на плечо и отправился на охоту, веря в свою счастливую звезду, которая должна ему помочь встретить дичь. Пройдя некоторое расстояние,

он обернулся. Молодая девушка и старый Ферье сидели перед огнем, а возле них рисовались неподвижные силуэты лошадей. Охотник продолжал свой путь, и скоро острый выступ скалы скрыл его спутников.

Он прошел более двух миль, зорко присматриваясь по сторонам, но не встретил ни малейшего следа какой бы то ни было дичи. Наконец ему стали попадаться отпечатки медвежьих ног на снегу, а кора на некоторых деревьях была обглодана. Прошло еще два или три часа в бесплодных поисках, и Гоп, отчаявшись в успехе, стал уже помышлять о возвращении к оставленным товарищам, когда, поднявши глаза кверху, он вдруг вздрогнул от удовольствия. На выступе громадной скалы, в трех, или четырехстах футов над его головой стояло большое животное, по виду походившее на барана, но с головой, вооруженной двумя большими ветвистыми рогами. Это был муфлон, вожак невидимого отсюда стада. Животное, к счастью, стояло обернувшись в другую сторону и не почуяло присутствия охотника. Джеферсон Гоп лег на живот и, положив дуло ружья на камень, прицелился и выстрелил. Животное сделало отчаянный прыжок, зашаталось на

мгновенье на самом краю пропасти и затем упало вниз на камни.

Дичь была слишком велика, чтобы ее взять с собой целиком. Поэтому молодой человек удовольствовался тем, что вырезал заднюю ногу и весь филей. Взявши добычу на плечо, он поспешил в обратный путь, так как день уже склонялся к вечеру. Но тут ждали его новые затруднения. Сгоряча он зашел слишком далеко, очутился в местах совершенно ему незнакомых, и теперь заметил, что ему невозможно отыскать дорогу, по которой шел сюда. Долина, на которой он находился, перерезывалась вдоль горными кряжами совершенно одинаковой величины и формы, так что их немыслимо было различить один от другого. Между этими кряжами находились узкие проходы. Он выбрал наудачу один, шел им целую милю, и в конце концов дошел до шумящего ручья, мимо которого, — он хорошо помнит, — не шел, идучи сюда. Тогда он повернул назад и пошел другой тропинкой. Результат получился тот же: тропинка вывела его к ручью.

Ночь уже наступила вполне, когда он наконец напал на ту самую тропинку, по которой шел утром. Но теперь ему было очень трудно подвигаться вперед, ибо луна еще не

взошла на небо, а со всех сторон надвинувшиеся скалы еще более затемняли путь. Сгибаясь под тяжестью ноши, изнемогая от усталости, он спотыкался на каждом шагу. Но радость при мысли, что он сейчас увидит Люси и что он несет с собою запас провизии, достаточный для них на остальной путь, придавала ему нечеловеческие силы.

Наконец, он добрался до конца прохода, в начале которого две острые пики скал резко выступали, несмотря на сумерки, на фоне неба. Тут ему пришло в голову, что его спутники должны были сильно беспокоиться, потому что его отсутствие продолжалось более пяти часов. И, желая возвестить им поскорее свое возвращение, он приложил руку ко рту и испустил радостный возглас. На минуту приостановившись, он прислушался, не раздастся ли ответный крик. Но только одно эхо сто раз повторило его призыв, гулко пронесшийся по диким скалам. Тогда снова, еще громче, он повторил призыв, но и на этот раз никто и ничто не ответило ему.

Ни один звук не раздался ему в ответ, и ничто не изобличало о близости присутствия дорогих ему лиц, которых он так недавно покинул здесь. Неопределенный ужас, кото-

рому нет имени, охватил его, и в безумном страхе он бросился бежать вперед, уронивши на камни свою драгоценную ношу.

Завернувши за угол скалы, он вдруг очутился перед догорающим костром. Огонь в нем уже потухал, и легко можно было заметить, что костер не поддерживался со времени его ухода отсюда.

Мертвое молчание царило кругом.

Его опасения превратились в уверенность; он ринулся вперед, но не увидел ничего, кроме догорающих углей и горячей золы. Отец, дочь, даже лошади — исчезли бесследно. Было до очевидности ясно, что во время его отсутствия здесь произошла какая-то неожиданная ужасающая катастрофа, поглотившая их.

Сраженный этим тяжким ударом, Джеферсон Гоп, почувствовал, что голова у него пошла кругом, и он должен был опереться на ружье, чтобы не упасть. Но он был слишком деятелен и энергичен, чтобы поддаваться мимолетной слабости, и быстро овладел собой. Выхвативши из костра еще дымящуюся головню, он начал раздувать ее, до тех пор пока она снова не вспыхнула огнем, а затем принялся внимательно осматриваться. Кругом вся земля была истоптана

многочисленными следами лошадиных копыт. Значит, здесь побывало множество верховых, которые, судя по следам и их направлению, повернули затем в сторону Соляного города. Захватили они с собою и его спутников? Джеферсон Гоп начинал уже думать, что да, как вдруг, продолжая осматривать окрестности вокруг костра, он задрожал с головы до ног. Он заметил в сторонке довольно большой холмик свежей красноватой земли, которого не было здесь раньше. Ошибиться было невозможно: это была свеже вырытая и засыпанная затем могила. Подойдя поближе, молодой охотник заметил клочок бумаги, надетый на заостренную тонкую палку, воткнутую в могилу, а на бумаге была сделана лаконическая, но, увы, слишком многозначительная надпись:

ДЖОН ФЕРЬЕ.
ПРИ ЖИЗНИ ГРАЖДАНИН СОЛЯНОГО ГОРОДА.
УМЕР 4 АВГУСТА 1860 ГОДА.

Крепкий старик, которого он всего только несколько часов тому назад оставил здесь, не существовал более. От него остался только этот маленький, лаконический клочок бумаги! Бледный, как смерть, от ужаса, Гоп дико

озирался, думая увидеть другую могилу, но ее не было нигде.

Люси была увезена своими преследователями, ибо она предназначалась ими для другого, и должна была окончить жизнь в гареме сына одного из старцев!

Убедившись, таким образом, в постигшем его несчастии и собственной беспомощности перед ним, Джеферсон Гоп горько пожалел, что не может в эту минуту разделить со стариком Ферье его последнего жилища, где он нашел бы верный покой.

Но врожденная энергия вскоре восторжествовала над отчаянием, в которое он было погрузился. Если все потеряно, по крайней мере он может посвятить всю свою жизнь мести.

Кроме неслыханной выносливости и умения долго и много терпеть, Джеферсон Гоп умел еще ненавидеть и помнить зло, причиненное ему. В этом отношении он нисколько не уступал индейцам, среди которых ему пришлось долго жить одно время.

Усевшись перед угасшим костром, он подумал, что одна единственная вещь в мире может теперь хоть немного облегчить его страдания, а именно: он должен сам, собственными руками, жестоко наказать своих врагов.

И он, устремив глаза на могилу старика Ферье, поклялся посвятить всю свою энергию, все свои силы для этой цели.

Бледный, как смерть, с искаженными от страдания чертами лица, он пошел отыскивать оброненную им часть дичи, нашел ее, раздул костер и изжарил мясо, которое должно было служить ему пищей на несколько дней.

Затем он тщательно завернул мясо в мешок и, невзирая на страшную усталость, пустился в путь по следам тех, кто сами себя называли ангелами мести.

В продолжение пяти дней, он, измученный и изнуренный, с окровавленными ногами шел пешком обратно по той тропинке, которую только что перед этим проехал на лошади. Вечером он падал на землю где-нибудь в углублении камней и спал несколько часов, но утренняя заря уже заставала его на ногах, и он снова пускался в дорогу.

Наконец, на шестой день, он достиг узкой равнины Орла, той самой, откуда они отправились в роковое путешествие несколько дней тому назад. Отсюда можно было уже видеть город «святых».

Разбитый нравственно и физически, опершись на ружье, чтобы не упасть, он потрясал

кулаком в пространство, грозя большому городу, расстилавшемуся у него перед глазами. Присмотревшись внимательнее, он заметил множество развевающихся в знак радости разноцветных флагов. Гоп начал размышлять что бы это могло означать, когда вдруг услышал топот лошадиных ног и увидел всадника, подвигавшегося ему навстречу. В этом всаднике он узнал некоего Кровпера, мормона, которому ему пришлось оказать несколько услуг. И он, не колеблясь ни минуты, подошел к нему, в надежде узнать что-нибудь о судьбе несчастной Люси.

— Разве вы не узнаете меня? — спросил он. — Я Джеферсон Гоп.

Всадник в остолбенении глядел на него. Действительно в этом несчастном бродяге, покрытом лохмотьями вместо одежды, в этом человеке с худым и диким лицом, на котором сверкали блуждающие глаза, трудно было узнать изящного молодого охотника, каким он был некогда. Но когда мормон наконец все-таки узнал Гопа, то удивление его сменилось жалостью.

— Вы с ума сошли, что решаетесь появляться здесь! — воскликнул он. — Одно то, что я разговариваю с вами, может мне стоить жизни. Разве вы не знаете, что

«четверо святых» произнесли над вами роковой приговор за то, что вы помогли бежать Ферье и его дочери.

— Я не боюсь их и их приговора, — холодно ответил Джеферсон. — Вы, Кровпер, без сомнения, осведомлены обо всем случившемся, и я умоляю вас всем, что для вас есть святого и дорогого в мире, ответить мне на несколько вопросов. Ведь мы были всегда добрыми друзьями, не правда-ли? Умоляю вас не откажите мне в моей просьбе.

— Что вы хотите знать? — спросил мормон, несколько смешавшись: — спрашивайте скорее, потому что здесь скалы имеют уши и деревья — глаза.

— Что сталось с Люси Ферье?

— Она вчера обвенчалась с молодым Дреббером... Но что с вами? Будьте мужественней, мой друг, а то вы упадете в обморок.

— Нужды нет! — слабым голосом проговорил Гоп.

И, действительно, бледность его перешла в синеву, и он упал на землю у подножья скалы, на которую опирался до сих пор.

— Она замужем, говорите вы?

— Замужем со вчерашнего дня. Вот почему развеваются в городе флаги, которые вы

видите отсюда. Из-за нее был большой спор между Дреббером и Стангерсоном. Оба они участвовали в погоне за вами, и, так как Стангерсон своей рукой убил Ферье, то он и думал, что поэтому имеет более прав на его дочь. Но когда дело поступило на рассмотрение «совета четырех», то старцы высказались за Дреббера, и великий пророк отдал ему Люси Ферье в жены. Но я думаю, что она скоро будет уже ничьей, потому что вчера я явственно различил тень смерти на ее лице. Она походит более на призрак, нежели на живое человеческое существо. А вы теперь куда? Уходите?

— Да, я ухожу отсюда, — сказал Джеферсон Гоп, поднимаясь с земли.

Лицо его было страшно и походило на мраморное изваяние, до того черты этого лица сделались жестки и неподвижны. Одни глаза сверкали мрачным огнем.

— Куда вы пойдете? — спросил его мормон.

— Не все ли равно! — ответил охотник.

Затем он вскинул ружье на плечо, спустился вниз по тропинке и исчез за серыми скалами, в которых одни только дикие звери находили себе логовище и пищу. В эту минуту убитый горем охотник был несравненно

опаснее и жесточе, чем все те дикие звери, среди которых он хотел жить.

Предсказание мормона сбылось очень скоро. Убитая сначала горем при виде ужасной смерти своего отца, а потом ненавистным браком, к которому ее принудили ее мучители, Люси Ферье не поднимала головы с подушки с самого дня своей свадьбы. Она угасала в течение месяца и к концу его умерла.

Варвар-муж, который женился на ней силою, главным образом, из-за имущества и денег ее отца, не выразил ни малейшего огорчения, узнав о ее кончине. Но зато остальные его жены искренно плакали над телом несчастной Люси и, согласно с обычаями мормонов, пожелали стеречь ее тело ночью, предшествующей похоронам. На рассвете, когда они все сидели вокруг гроба, к их неописуемому ужасу дверь вдруг с силой растворилась, и в комнату ворвался какой-то дикого вида и весь оборванный незнакомый человек.

Не бросивши ни одного слова, ни одного взгляда расступившимся перед ним женщинам, он прямо направился к белому неподвижному телу Люси Ферье. Наклонившись над умершей, незнакомец благоговейно прикоснулся губами к ее чистому лбу и затем,

взяв ее за руку, сдернул с нее обручальное кольцо.

— По крайней мере хоть в могилу она не понесет этого! — воскликнул он с угрозой.

И прежде чем женщины успели поднять тревогу, он сбежал с лестницы и исчез. Все это произошло так быстро и так неожиданно, что свидетели этой сцены сами могли бы подумать, что находились во власти грез, если бы не было одного факта, подтверждающего действительность происшедшего: с руки умершей исчезло обручальное кольцо.

В течение нескольких месяцев Джеферсон Гоп бродил по окрестным горам, ведя жизнь настоящего дикаря. В сердце своем он питал ненасытную жажду мести, жажду, поглотившую все его мысли и желания.

Вскоре по городу начали ходить странные слухи. Рассказывали о каком-то привидении, которое видели то ползущим где-нибудь на краю предместья, то блуждающим по уединенным горным тропинкам и обрывистым склонам гор. Однажды Стангерсон услышал свист пули, пролетевшей в разбитое стекло мимо его уха и ударившейся позади него в стену. В другой раз, когда Дреббер проходил по тропинке мимо высокой каменной стены у подошвы горы, сверху оторвался

громадный кусок скалы и падая вниз, едва не увлек его за собою в бездонную пропасть. Дреббер спасся только тем, что бросился в сторону и лег на землю.

Молодые мормоны скоро догадались, кто был виновником этих покушений на их жизнь. В надежде изловить или застрелить врага, они, в обществе других вооруженных людей, устроили несколько экспедиций в горы, но все было напрасно. Тогда они решили не выходить никуда в одиночку и без оружия, особенно вечером, а вокруг своих домов расставили стражу.

Но прошло несколько времени, и они стали понемногу пренебрегать этими предосторожностями в надежде, что время уже успело утолить жажду мести их невидимого врага. К тому же, никто его более не встречал ни в горах ни в окрестностях города, и мало-по-малу рассказы об охотнике-мстителе прекратились совершенно. Но они ошиблись.

Ненависть Гопа не только не утихла с течением времени, но возрастала все более и более. Его горячая натура была вся охвачена, как огнем, жаждой мести, и в его сердце не было места ни для какого другого чувства. Но это был человек, который легче переносил всевозможные физические лишения, не-

жели душевные скорби. Смерть Люси точно в самом корне подкосила силы молодого охотника. Он вскоре понял, что его железное здоровье сломано навсегда и что он быстро теряет силы. Это открытие опечалило его, потому что если он должен скоро умереть, что станется с его местью? Кто отомстит за смерть Люси и ее отца?

Он сознавал, что если будет продолжать вести образ жизни, полный лишений и неудобств как теперь, то его неминуемо ждет скорый конец, и он подохнет в горах, как бездомная собака. Взвесивши и обдумавши все это, он унылый и мрачный вернулся в Неваду, к своим приискам, с целью отдохнуть немного, собрать, сколько возможно, денег и затем уже снова приняться за дело мести с тем, чтобы довести его до конца.

Джеферсон Гоп думал сначала, что для этого ему будет достаточно один год времени. Но обстоятельства сложились так, что он провел на своих приисках в Неваде около пяти лет. И, несмотря на это, воспоминание о пережитых страданиях и жажда мести были так же живы в его сердце, как и в ту незабвенную ночь, когда он произнес свою клятву над могилой Джона Ферье. Он переменил платье, прическу, назвался фальшивым именем

и вернулся в Соляной город, нисколько не заботясь о том, что рискует своей жизнью, а лишь помышляя о вожделенном часе мщения.

Но в Соляном городе он узнал дурные новости. Общество «святых» разделилось вследствие возникшей среди них распри. Несколько молодых членов общества восстали против власти старцев. В результате произошел разрыв общества, и многие ушли из Утаха, чтобы сделаться «язычниками». Среди них находились также Стангерсон и Дреббер, но никто не знал, куда именно отправились эти последние. Ходили слухи, что Дреббер, распродавши все свое имущество, оказался обладателем громадного состояния, в то время как Стангерсон выехал из Утаха совершенно разоренным. Они уехали оба, не оставив никаких следов за собою, по которым их можно бы было разыскать.

В виду таких вновь возникших затруднений, другой человек бросил бы всякую мысль о мести; но Джеферсон Гоп не поколебался ни на одну минуту. Имея небольшие средства и большую способность всюду находить себе заработок, он начал переезжать из одного города Соединенных Штатов в другой, повсюду отыскивая своих врагов.

Годы шли за годами, седые волосы на его голове все прибавлялись и прибавлялись, а Джеферсон Гоп упорно продолжал итти избранным путем к намеченной цели, которой он посвятил всю свою жизнь. Он походил на хорошую охотничью собаку, жадную до дичи и неуклонно бегающую по ее следам. И это упорное упрямство было, наконец, вознаграждено. Однажды, находясь в Клевеленде в Огио, он, идя по улице, заметил, как за одним из окон мелькнул знакомый профиль. Это было только одно мгновение, но Гоп узнал человека, и, когда вернулся в этот вечер домой в свою хижину, то план мести был уже совсем готов.

Но к несчастию, Дреббер из окна также узнал своего врага в этом бродяге, в глазах которого он прочел себе смерть. Вместе со Стангерсоном, который у него жил в качестве секретаря, Дреббер бросился к одному из судей в городе и заявил, что его преследует прежний соперник и что он находится в опасности. В тот же вечер Джеферсон Гоп был арестован, а так как он не мог представить за себя поручителя, то и просидел в заточении три недели. Когда же он был, наконец, выпущен на свободу, дом Дреббера уже опустел, а сам Дреббер и его секретарь

отплыли на пароходе в Европу. Еще раз не удались, таким образом, планы мести Джеферсона Гопа, но он слишком сильно ненавидел, чтобы прекратить преследование.

К этому времени опустел в значительной степени и его кошелек, и он принужден был некоторое время посвятить труду, экономя и собирая грош к грошу, в виду предстоящего путешествия. Собравши достаточное количество денег, он решился отправиться в путь.

В Европе ему посчастливилось, и он скоро напал на след своих врагов.

Он следовал за ними из города в город, по временам останавливаясь ненадолго, чтобы заработать что-нибудь, но никак не мог настигнуть преследуемых. Приехав в Петербург, он узнал, что они только что отправились в Париж, и когда он последовал за ними туда, они были уже по пути в Копенгаген. Едва только он высадился в столице Дании, как узнал, что они отплыли в Лондон. Но здесь, наконец, час их пробил!

Чтобы проследить дальнейшие события в их строгой последовательности, мы сделаем лучше, если передадим рассказ об этом самого Гопа, рассказ, который доктор Ватсон точно записал в своих воспоминаниях.

VI. Продолжение воспоминаний доктора Ватсона

Отчаянное сопротивление нашего узника не имело в себе, однако, ничего угрожающего лично нам, потому что, как только он увидел себя связанным, то посмотрел на всех нас поочереди ласковыми глазами и улыбнулся самым любезным образом. Затем он осведомился, не ранил ли кого-либо из нас в борьбе.

— Полагаю, что вы отвезёте меня в полицейский участок, — сказал он, обращаясь к Шерлоку Холмсу:—мой фиакр стоит у подъезда, и, если вы будете так любезны и освободите мне чуточку ноги, то я сойду вниз. Я в настоящее время немного тяжелее, нежели был в дни моей юности, и нести меня будет слишком трудно.

Грегсон и Лестрад обменялись быстрым взглядом, удивляясь подобной дерзкой просьбе. Но Шерлок Холмс, полагаясь на слово узника, тотчас же развязал полотенце, которым были скручены щиколодки Гопа.

Последний встал и пошевелил ногами, как бы для того, чтобы убедиться, что снова владеет ими. Я разглядывал его фигуру и должен был сознаться, что мне очень редко случалось встречать человека более крепкого сложения. Лицо его, все обожженное солнцем, дышало силой и энергией и придавало еще более импонирующее выражение всей его колоссальной фигуре.

— Если должность начальника полиции свободна, то вы более чем кто другой достойны занять ее, — сказал он, глядя с восхищением на Холмса. — Способ, каким вы выследили меня, поистине гениален.

— Надеюсь, что вы будете сопровождать меня, — сказал Холмс, обращаясь к двум полицейским.

— Я умею править лошадью, — сказал Лестрад.

— Отлично; Грегсон сядет в карету со мною... и с вами, доктор. Так как вы принимали участие в этом деле, то, надеюсь, что теперь уже вы не оставите нас?

Я не заставил себя просить, и все мы сошли вниз. Наш узник, не делая ни малейших попыток к бегству, спокойно уселся в свой фиакр, а мы поместились по обе его стороны рядом.

Лестрад взобрался на козлы, стегнул лошадь, и в несколько минут мы уже были на месте. Нас ввели в маленькую комнату, где один из инспекторов полиции записал имя арестованного рядом с именами других людей, которых обвиняли в убийстве.

Инспектор был человек с бледным лицом и неподвижными чертами. Свои обязанности он исполнял точно методически, но как-то машинально, словно во сне.

— Арестованный предстанет перед судом присяжных на будущей неделе, — произнес он: — а в ожидании этого, Джеферсон Гоп, может быть, вы имеете что-нибудь сказать? Но я должен предупредить вас, что каждое ваше слово будет записано и впоследствии может свидетельствовать против вас.

— Разумеется, я имею кое-что порассказать, — спокойно ответил наш узник.— Я желаю рассказать все при этих людях, которые привезли меня сюда.

— Не лучше ли отложить это до того дня, когда вы появитесь перед судом? — спросил инспектор.

— Быть может, я не предстану перед ним совсем, — ответил он. — О, не пугайтесь! Я и не подумаю кончать самоубийством. Ведь вы доктор, не правда-ли? — обратился он ко

мне, глядя на меня своими черными и проницательными глазами.

— Да, я доктор, — ответил я.

— Тогда будьте так добры, приложите вашу руку вот сюда, — продолжал он, поднимая к своей груди скованные руки.

Я исполнил его просьбу. Под моей рукой я тотчас же почувствовал сильнейшее внутреннее сотрясение, сопровождавшееся ускоренным сердцебиением. Стенки грудной клетки вздрагивали, наподобие тонкой перегородки какого-нибудь строения, сотрясаемого гигантской машиной, помещающейся внутри его. В наступившей тишине комнаты я явственно различил глухое клокотанье, происходившее, конечно, от той же причины.

— Как! — воскликнул я. — У вас аневризм аорты?

— Именно так называли другие доктора мою болезнь, — ответил он без малейшего волнения. — Неделю тому назад я ходил к доктору, прося его совета. И мне кажется, что разрыв должен произойти теперь очень скоро. Ведь прошло уже столько лет, как эта болезнь прогрессирует! Лишения и непомерные труды, которые я перенес, живя в горах Соляного города, были причиной моего

недуга. Но теперь мое дело окончено, я готов умереть. Я хотел бы только рассказать всю мою историю, чтобы не оставлять после себя воспоминания, как об убийце.

Инспектор и оба полицейские чиновника начали быстро совещаться, не зная, должны ли они согласиться на просьбу арестанта.

— По вашему мнению, доктор, этот человек находится в непосредственной опасности? — спросил меня первый.

— Несомненно, — ответил я.

— В таком случае, в интересах правосудия мы обязаны выслушать его. Итак, вы можете рассказать нам все, мистер Гоп, но я повторяю еще раз, что каждое ваше слово будет записано.

— Позвольте мне только сесть, — сказал последний, сопровождая слова действием: — мой аневризм очень утомляет меня. К тому же борьба, которую мне пришлось выдержать, также не принесла мне пользы. Я стою на краю могилы, поэтому можете мне верить, что я скажу правду. Каждое мое слово будет правдиво, а какое употребление вы сделаете из моей истории, меня это не касается и не интересует..

Произнеся это, Джеферсон Гоп откинулся на спинку стула и начал рассказывать

свою страшную историю спокойным и ровным тоном, как будто говорил о самых обыкновенных вещах. Лестрад записывал каждое его слово в свою записную книжку, и из этой-то книжки я впоследствии точно и верно списал то, что повествовал нам наш узник.

— Причины моей ненависти к этим двум людям не могут очень интересовать вас, — начал он: — достаточно вам будет знать, что они убили два человеческих существа, — отца и дочь, — этим самым заслужили смерть себе. С момента этого убийства прошло столько уже лет, что я не мог обратиться ни к какому суду с просьбой судить их, но я, знавший об их преступлении, решился быть их обвинителем, судьей и палачом в одно и то же время. Ни один человек на всем земном шаре, слышите ли, ни один человек не поступил бы иначе на моем месте. Двадцать лет уже прошло с той поры, когда молодая девушка, о которой я упомянул сейчас, должна была сделаться моей женой. Силою принужденная выйти замуж за Дреббера, она умерла с разбитым от горя сердцем. И в то время, когда она находилась на своем смертном одре, я снял кольцо с ее пальца и поклялся, что в момент, когда виновник ее гибели будет

умирать от моей руки на моих глазах, я покажу ему это кольцо, чтобы он лучше вспомнил свою вину, за которую понес заслуженное наказание.

«С этого дня я ни на минуту не расставался с кольцом и преследовал по всему свету своих врагов до тех пор, пока не настиг их наконец. Они, вероятно, надеялись утомить меня, переезжая с места на место, но как они ошибались! Если я скоро умру, как и надеюсь на это, то я умру, по крайней мере, зная, что моя задача в этом мире окончена и окончена хорошо. Да, я могу похвалиться тем, что она окончена хорошо. Оба убиты моей рукой! После этого что еще остается мне делать здесь?

«Они были богаты, я беден, поэтому мне не легко было гоняться за ними. Когда я приехал в Лондон, мой кошелек был пуст, и я принужден был искать себе работу, чтобы жить. Править лошадьми, ездить верхом было делом для меня привычным, поэтому я и обратился к одному содержателю извозчиков, который тотчас же нанял меня. Я должен был, по условию, выплачивать еженедельно моему хозяину известную сумму денег, а весь излишек поступал в мою пользу. Но это все было пустяки, и я быстро постиг

искусство увеличивать мой скудный заработок. Самое трудное для меня было изучить улицы Лондона, потому что никогда в жизни я еще не встречал нигде такого путаного лабиринта улиц и переулков, как в нашем городе. Я завел себе план Лондона и, взявши за исходный пункт самые большие гостиницы, вскоре ориентировался довольно удовлетворительно в своем новом положении.

«Прошло довольно много времени, прежде нежели мне удалось открыть, где проживали мои враги. Они поселились в меблированных комнатах в Камберведе, по ту сторону реки. С того момента, как я отыскал их жилище, они очутились в моей власти. Я отростил бороду, и меня трудно было узнать. И я решился следить за ними все время, пока мне не представится удобного случая для нападения. Теперь я уже твердо решил, что они не уйдут от моей руки. Они не могли никуда ступить ни шагу, как я уже следовал за ними по пятам. Иногда я ехал вслед за ними в своем фиакре, иногда же шел пешком. Первое было гораздо удобнее. Но при этой системе я мог зарабатывать деньги только в течение нескольких часов утром и поздно вечером и вскоре заметил,

что остался сильно в долгу у своего хозяина. Но я нисколько не беспокоился об этом и старался только не потерять следа своих врагов.

«Они были очень хитры и, очевидно, боялись преследования, так как вечером никогда не выходили из дому, а если выходили, то днем всегда вместе. Целые две недели я с высоты моих козел видел, как они появлялись то там, то сям, но никогда один без другого. Дреббер постоянно был пьян, но Стангерсон зато постоянно держал себя настороже. И, несмотря на то, что день проходил за днем, не представляя мне удобного случая, я не падал духом, потому что чувствовал, что час возмездия близок. Единственно, что меня беспокоило — был мой аневризм. Я боялся, что мое сердце разорвется слишком рано, и я не успею довершить начатого дела.

«Наконец, однажды вечером, когда я проезжал взад и вперед по Торквай-Терассе, — так называлась улица, в которой они жили,— я увидел, как перед их дверью остановилась карета. Затем из дома начали выносить чемоданы и корзины и уложили их на верх кареты. После этого Дреббер и Стангерсон вышли из подъезда и уселись в карету. Как только она

тронулась с места, я стегнул свою лошадь и пустился следом. Я был страшно обеспокоен, подозревая, не собираются ли они уехать из Лондона совсем. Они сошли на Эустонской станции. Я поручил свою лошадь какому-то мальчишке и вошел следом за ними в вокзал. Здесь я услышал, как они спрашивали у одного чиновника о времени отхода поезда в Ливерпуль. Чиновник ответил им, что один поезд в Ливерпуль только что отошел, а следующий пойдет лишь через несколько часов. Стангерсон казался раздосадованным этой неудачей, а Дреббер, напротив, как будто был доволен.

«Смешавшись с толпой, я подошел близко к ним и мог отлично слышать, что они говорили между собой. Дреббер объявил, что у него есть небольшое личное дело, по которому он должен не надолго отлучиться, и требовал, чтобы Стангерсон подождал его здесь, на станции. Но его товарищ возразил на это, что они условились не расставаться никогда. На это Дреббер сказал, что его дело очень щекотливого характера, и он может его исполнить только в одиночку. Я не расслышал ответа Стангерсона, но Дреббер начал кричать и ругаться, говоря, что он, Стангерсон, простой секретарь на жалованьи и не имеет права давать советы и приказывать.

«После этого Стангерсон перестал с ним спорить и только сказал, что в случае, если Дреббер опоздает и на последний поезд, то пусть придет в гостиницу Голидай, где он займет номер. На это Дреббер ответил, что непременно придет не позже одиннадцати часов на станцию, — и затем ушел. Случай, которого я так долго и так жадно ждал, настал наконец. Мои враги были теперь в моей власти. Вместе они могли защищать друг друга, порознь — они вполне зависели от меня. Но я избегал действовать слишком поспешно. Ибо я хотел, чтобы моя жертва прежде, чем умереть, узнала и руку, которая ее поражает, и то, за что она ее карает. Несколько дней тому назад один из моих седоков, а именно, управляющий домами в Брикстон-Рэде, обронил в моем экипаже ключ от одного из этих домов. В тот же вечер я возвратил ключ по принадлежности, но сначала сделал с него снимок и заказал другой точно такой же ключ. Сделал я это с тою целью, чтобы на всякий случай иметь в громадном городе укромный уголок, где меня никто бы не мог потревожить. Затруднение

состояло теперь в том, чтобы заманить Дреббера в этот дом.

«Последний вышел со станции пешком. По пути он заходил в несколько кабаков и в одном из них даже просидел более получаса. Когда он вышел, наконец, на улицу, то было заметно, что он сильно пошатывается. Впереди меня стоял извозчичий фиакр. Дреббер махнул кучеру и уселся в экипаж. Я, конечно, последовал за ним. Мы проехали мост Ватерлоо, затем двинулись по бесконечно длинным улицам и, наконец, повернули к прежнему жилищу Дреббера. Что он намеревался делать здесь? Я остановился неподалеку от дома и наблюдал. Дреббер вышел из экипажа и вошел в дом, а фиакр медленно удалился... Но будьте добры, дайте мне стакан воды, я жестоко устал от этого длинного рассказа».

Я протянул ему стакан воды которую он с жадностью выпил.

— Теперь мне лучше, — продолжал он. — Прошло с четверть часа, когда я вдруг услышал шум внутри дома, точно там происходила борьба. Дверь с силою отворилась, и я увидел двух мужчин: Дреббера и молодого человека, которого я еще ни разу не видел. Последний вел Дреббера за воротник и, стоя

наверху ступеней крыльца, сильно толкнул его вниз, отвесивши ему при этом полновесный удар ногой. Дреббер полетел на середину улицы.

«— Грязное животное! — воскликнул молодой человек, грозя ему вслед своей тростью: — я тебя научу, как оскорблять порядочных девушек!

«Он был так взбешен, что непременно попотчевал бы Дреббера палкой, если бы последний не бросился изо всех сил наутек. Пробегая мимо меня, он вскочил в мой фиакр и крикнул:

«— В гостиницу Голидай!

«Наконец-то я держу его в руках! Эта мысль наполнила меня такой радостью, сердце мое так сильно забилось в груди, что я испугался, как бы оно не разорвалось тут же. Я, не торопясь, двинулся по улице, соображая, как поступить лучше. Мне пришла в голову мысль завезти его за город и в каком-нибудь укромном местечке поговорить с ним. Я уже повернул было лошадь в другую сторону, как вдруг Дреббер, уступая своему влечению пьяницы, приказал мне остановиться перед дверьми одного кабака. Он вошел туда, и пробыл там до часа, когда закрывают кабаки. Когда он вышел, наконец,

снова на улицу, где я поджидал его, то находился уже в состоянии полной невменяемости и всецело очутился в моей власти.

«Не подумайте, однако, что я хотел попросту убить его, как собаку, с совершенно спокойным сердцем и хладнокровно. Нет, хотя я должен сказать, что он вполне заслужил подобную смерть. Еще давно я решил ему предоставить некоторый шанс спасения, если только он примет мои условия. Во время моих разнообразных и многотрудных скитаний по белу свету, я жил одно время при Нью-Иоркской университетской лаборатории в качестве сторожа. Однажды профессор читал лекции об ядах. Во время лекции он показывал ученикам один алколоид, который дикари Северной Америки употребляют для отравления своих стрел. Яд этот так силен, что малейшая крупинка, введенная в организм человека, влечет за собой моментальную смерть. Я сделал заметку на пузырьке с этим алколоидом и, когда зал опустел, взял оттуда немного яду и спрятал. Так как я умел приготовлять некоторые простые химические препараты, то я и сработал себе из этого алколоида несколько пилюль. Затем я взял несколько пустых коробочек и в каждую из них положил по две пилюли: одну безвредную,

другую с ядом. Я намеревался в тот час, когда настигну своих врагов, предложить им выбрать одну пилюлю в то время, как я проглочу другую. Этот способ был более удобен, нежели дуэль с двумя пистолетами, из которых один только заряжен, потому что не делает столько шума. С этого дня я носил пилюли всегда с собой в кармане.

«Было уже далеко за полночь, так около часу ночи; ночь была темная и холодная, шел дождь, потоки которого гнал сильный холодный ветер. Но, несмотря на это, я был в необычайно веселом настроении духа и готов был даже петь на всю улицу.

«Меня может понять только тот, кому приходилось желать чего-нибудь всей душой, в течение двадцати лет питать надежду, что это желание исполнится, и наконец получить желаемое. Я закурил сигару, чтобы успокоиться, но руки мои дрожали, и в темноте ночи я явственно слышал биение моего сердца.

«Проезжая из улицы в улицу, я точно видел перед собой неясные очертания Джона Ферье и дорогой Люси, выступающие из тумана. Так доехал я до дома Брикстон-Рэд. На улице не было видно ни живой души, не слышалось ни малейшего звука, кроме

всплескивания дождевых потоков по трубам. Заглянувши внутрь фиакра, я увидел Дреббера, который погрузился в тяжелый, пьяный сон. Я взял его за плечо и встряхнул.

«— Мы приехали, — сказал я.

«— Отлично, мой друг, — ответил он.

«Очевидно, он воображал, что приехал в указанную им гостиницу. Поэтому, не говоря ни слова, он вышел из экипажа и пошел за мною через сад. Но я должен был пойти с ним рядом и поддерживать его под руку, до того он был пьян. Подойдя к двери дома, я отпер ее и ввел моего спутника в первую комнату. И здесь, клянусь вам, я еще явственнее видел перед глазами лица убитых некогда старого фермера и его дочери.

«— Здесь темно, точно в печке! — воскликнул Дреббер, гневно топая ногой.

«— Сейчас будет светло, — ответил я, чиркая спичкой и зажигая огарок восковой свечи, которую я носил в кармане. — А теперь, Энох Дреббер, — продолжал я, поворачиваясь к нему лицом и освещая его огарком, — узнаете меня?

«Он молча глядел на меня пьяными глазами в течение нескольких секунд. Затем его глаза широко раскрылись под впечатлением

безумного страха, исказившего черты его лица. Он знал, что ждет его, и поэтому отпрянул от меня назад. Обильный пот выступил на его лбу, а зубы застучали. Я прислонился к двери и от души расхохотался. Я думал всегда, что месть будет мне сладка, но никогда не надеялся, чтобы она была сладостной до такой степени.

«— Несчастный, — сказал я, — я гонялся за тобой по всему миру, и ты все время ускользал из моих рук. Но теперь настал конец: один из нас не увидит восхода солнца завтра.

«Он продолжал пятиться от меня в то время, пока я говорил, и по его глазам я видел, что он считает меня за сумасшедшего. О! Я действительно был им в этот момент. Кровь бурно клокотала в моих жилах и молотом стучала в виски. Я близок был к припадку, когда вдруг сильное кровотечение из носа облегчило меня, к счастию.

«— Помнишь ли ты Люси Ферье? — воскликнул я, затворив дверь и показывая ему ключ. — День твоей казни откладывался очень долго, но он настал, наконец!

«Негодяй дрожал, как в лихорадке, и готов был умолять меня о пощаде, если бы не понял сразу, что это было бесполезно.

«— Вы хотите убить меня? — пролепетал он.

«— Кто говорит об убийстве? Разве можно называть убийством, когда подстреливают бешеную собаку? Имел ли ты жалость в сердце, когда оторвал дорогую мне девушку от трупа ее отца и подверг ее поруганию в твоем проклятом гареме?

«— Не я убил ее отца! — оправдывался несчастный.

«— Но ты разбил ее невинное сердце! — закричал я, вынимая из кармана одну коробочку с пилюлями. — Пусть эти пилюли рассудят нас: выбирай. Одна из них содержит смерть, другая безвредна; я возьму ту, которая останется. И мы увидим, действительно ли существует правда.

«Он бросился на колени, унижаясь и моля о пощаде. Но я вынул из кармана нож и поднес к его горлу. Тогда он решился и выбрал пилюлю, а я проглотил другую. Несколько секунд мы молча глядели друг на друга. Кто из нас должен умереть? Никогда в жизни я не забуду выражения его лица, когда первые муки известили его, что яд начал совершать свое дело. Я захохотал и показал ему тогда обручальное кольцо Люси. Но действие яда было точно громовой удар. Сильная судорога

свела черты его лица, он протянул руки вперед, зашатался и с глухим криком упал к моим ногам. Я перевернул его ногой на другой бок и, приложивши руку к его сердцу, понял, что он был мертв. Не помню как, но мне в голову пришла мысль воспользоваться моим кровотечением из носа, чтобы сделать надпись на стене. Мне хотелось сбить с толку полицию и направить ее на ложный след. В эту минуту я так был счастлив и весел! Я вспомнил, как в Нью-Иорке произошло однажды убийство какого-то немца, и на его трупе нашли приколотый клочок бумаги с надписью Rache, и как все газеты, комментируя этот факт, объясняли убийство политической местью. Я и подумал, что если жители Нью-Иорка заинтересовались этой надписью, то жители Лондона сделают также. И я, обмакивая палец в собственную кровь, написал на стене, на самом виду, слово Rache.

«После этого я вернулся к своей лошади. Погода была отвратительная, хотя дождь перестал, а на улице попрежнему не было заметно ни души. Отъехавши уже на порядочное расстояние от дома, я заметил, что кольцо Люси исчезло из моего кармана. Это обстоятельство жестоко меня огорчило, так как это колечко было единственной, оставшейся

мне от Люси памятью. Решивши, что я его вероятно, выронил, когда наклонялся над телом Дреббера, я повернул лошадь назад. На углу улицы я оставил ее на произвол судьбы и смело направился к дому. Я готов был подвергнуться какой угодно опасности, лишь бы вернуть это кольцо обратно. Но у входа в сад я наскочил на полицию и спасся от ее внимания только тем, что притворился мертвецки пьяным.

«Так умер Энох Дреббер. Мне оставалось еще покончить со Стангерсоном, чтобы расквитаться с ним за Джона Ферье. Я знал, что он поселился в гостинице Голидай, но напрасно ездил перед нею взад и вперед в течение целого дня: он не показал носу на улицу. Думаю, что его охватили дурные предчувствия, когда он не дождался возвращения Дреббера. Стангерсон был чрезвычайно хитер, и его трудно было захватить врасплох.

«Тогда я узнал случайно, какое было его окно, и на другой день утром, с помощью лестницы, которую я нашел в проходе между стеной и забором во дворе, проник в его комнату. Я разбудил его, напомнив, что настал час расплаты за его старые дела. Затем я предложил ему коробку с пилюлями, как и Дребберу. Вместо того, чтобы ухватиться за последнюю надежду спасенья, какую я предлагал ему, он вскочил с постели и схватил меня за горло. Тогда-то я, на законном основании самозащиты, вонзил ему в сердце мой кинжал. Впрочем, он все равно должен был умереть, ибо я совершенно не верю в то, что даже случай допустил бы его выбрать безвредную пилюлю.

«Мне осталось немного прибавить к сказанному, и я этому очень рад, потому что страшно устал. Совершив свое дело, я продолжал заниматься извозчичьим ремеслом, рассчитывая вернуться в Америку, как только мне удастся собрать некоторое количество денег.

«Я находился во дворе у моего хозяина, когда туда явился совершенно обтрепанный уличный мальчишка, который спросил, нет ли туту извозчика Джеферсона Гопа.

«Когда ему сказали, что есть, то он нанял меня отвезти седока с вещами на станцию, к поезду. Ровно ничего не подозревая, я отправился тотчас же с моим фиакром в Бэкер-Стрит, и через несколько минут молодой человек, присутствующий здесь, самым любезным образом опутал меня парой вот этих миленьких браслетов. Вот, мистер, и вся история. Вы можете меня считать убийцей,

но я в моих собственных глазах только судья, карающий за преступление. Вы можете быть точно такими же судьями».

Рассказ Джеферсона Гопа до того захватил нас, а его лицо и голос были так выразительны, что в течение нескольких минут мы все сидели, глубоко задумавшись. Даже оба полицейские агента, несмотря на многолетнюю привычку ко всякого рода преступлениям, были заинтересованы до высочайшей степени. В наступившей тишине комнаты только и слышался скрип карандаша Лестрада, который торопился окончить записывание.

— Мне остается еще только один пункт, который я хотел бы отметить, — сказал, наконец Шерлок Холмс. — Кто был этот ваш сообщник, который явился ко мне за кольцом после того, как я напечатал объявление в газетах?

Арестованный лукаво подмигнул глазом.

— Я могу раскрывать свои личные тайны, но не желаю впутывать в затруднения из-за меня других, — сказал он. — Я прочел ваше объявление и подумал, что оно могло быть простой ловушкой. Но в то же время мне хотелось получить обратно мое кольцо. Тогда один друг вызвался мне помочь

и исполнил свою задачу довольно чисто, не правда-ли?

— Без сомнения, — искренно ответил Шерлок Холмс.

— А теперь, мистеры, — произнес торжественно инспектор, — предоставим правосудию исполнять свое дело. Через несколько дней подсудимый предстанет на суд, и ваше присутствие там будет необходимо. А до тех пор я один отвечаю за узника.

Говоря это, он позвонил в колокольчик. Тотчас же появились двое конвойных солдат, которые и увели Джеферсона Гопа.

Шерлок Холмс и я вышли из полицейского участка и, наняв фиакр, направились домой, в Бэкер-Стрит.

———

VII. Эпилог

В следующий четверг мы должны были явиться в качестве свидетелей на суд. Но в назначенный день наши показания уже были излишни. Более могущественный и справедливый судия принял на себя разбор дела Джеферсона Гопа. В ночь, последовавшую за его арестом, ему стало хуже, а утром его нашли лежащим на полу камеры без признаков жизни. Лицо его было покойно, счастливая улыбка застыла на губах, как будто последнее мгновение его полная деятельности и труда жизнь ярко обрисовалась перед ним, как отлично выполненная задача.

— Лестрад и Грегсон будут очень огорчены его смертью, — заметил Холмс, когда мы на другой день рассуждали об этом: — теперь пропала их самая лучшая реклама.

— Но я не думаю, чтобы они принимали уж очень-то большое участие в развязке этого дела, — ответил я.

— Людям нужды нет до того, что вы делаете, — с горечью продолжал Холмс: —

главное заключается в том, что вы будто бы делали. Но как бы то ни было, пропустить это дело для меня было бы большим огорчением. Я еще не встречал до сих пор ни разу дела, более интересного и поучительного, несмотря на его простоту.

— На его простоту! — воскликнул я невольно.

— Господи боже мой, ну разумеется, это дело было совершенно просто! Я не могу выразиться иначе, — смеясь над моим изумлением, сказал Холмс. — Это доказывается тем, что, благодаря небольшой цепи очень немудрых рассуждений, мне посчастливилось накрыть преступника уже на третий день от совершения преступления.

— Да это правда, — подтвердил я.

— Мне уже приходилось объяснять вам, что если какая-нибудь задача не укладывается в обычные рамки, то от этого она не становится труднее, а напротив, гораздо легче к разрешению. Но в случаях подобного рода нам необходимо рассуждать шиворот-навыворот. Это так просто и ясно, и однако никто не хочет этого понять. Это происходит оттого, что люди как-то уж привыкли выводить прямые заключения и не понимают других. Из пятидесяти человек, умеющих

строить синтетические выводы, вы найдете только одного, который идет к цели путем анализа.

— Откровенно говоря, я не совсем вас понимаю, — произнес я.

— Я так и думал. Попробую объяснить свою мысль более ясно. Представьте себе кого-нибудь, кому вы излагаете целый ряд фактов; он непременно скажет вам, что в конце концов было следствием этих фактов. Но если вы ему представите только результат этих фактов, то вряд ли найдется много людей, которые будут в состоянии восстановить все факты, предшествовавшие результату, в их строгой последовательности. А именно последний метод я и называю рассуждением шиворот-навыворот, или, иначе говоря, рассуждением аналитическим.

— Теперь я понял, — сказал я.

— Вот, например, в нашем последнем деле: вы узнали только результат, а вам нужно было на основании его угадать все предыдущие факты. Теперь постарайтесь постигнуть мой метод исследования; вернемся к самому началу. Помните ли вы, что когда я пешком подходил к роковому дому, у меня не было никаких предвзятых мыслей. Я сначала только озаботился хорошенько исследовать дорогу, на которой, как я уже говорил вам и тогда, я явственно заметил следы колес от фиакра. Точно ткаже я тогда уже объяснил вам, что этот фиакр мог проехать там только в ту ночь. Почему я узнал, что это был наемный экипаж? Да потому, что фиакры-собственники имеют ход гораздо шире. Обыкновенный извозчичий фиакр оставляет на земле колею много уже, нежели какая-нибудь элегантная карета собственника. Ну, вот вам первый добытый из наблюдений факт. Затем я осторожно направился по аллее, глинистая почва которой явственно сохранила отпечатки множества следов. Вы видели только одну смешанную ногами грязь там, где мой опытный глаз нашел множество драгоценных указаний. Для сыщика чрезвычайно важно умение читать по оставленным на земле следам, а, между тем, эта отрасль полицейского знания находится в большом небрежении. Но я всегда придавал ей главное значение, к счастью для меня, а продолжительная практика в совершенстве познакомила меня с различного рода и вида следами. И вот, благодаря своему опытному глазу, я легко различил шаги полицейских по дорожке. Но тут же рядом я заметил другие следы двух людей, которые пришли в сад

раньше. Это я узнал потому, что в некоторых местах дорожек следы эти совершенно были затерты и затоптаны шагами полицейских. Итак, я имел в своих руках уже два звена этой таинственной цепи. Я знал, что ночью здесь прошли двое незнакомых посетителей, что один из них был высок ростом, доказательством чему служила ширина его шагов, и что другой был изящно одет. Об этом я мог судить по узкому и элегантному отпечатку его следов. Войдя в дом, я увидел подтверждение моей догадки; человек изящно одетый и обутый в щегольские ботинки, лежал, распростертый на полу. Значит тот, другой высокого роста, совершил убийство, если только это было убийство. И действительно на теле убитого не было найдено ни малейшей раны, но выражение ужаса, застывшее на его лице, ясно свидетельствовало о том, что прежде, чем умереть, он знал ожидающий его конец. Люди, умирающие от разрыва сердца, или от какой-либо другой внезапной, но естественной причины, никогда не имеют такого выражения. Мне пришла в голову мысль понюхать губы мертвого, и терпкий запах их тотчас же убедил меня, что этого человека заставили силой выпить какой-то ужасный яд. Выражение ужаса и ненависти,

разлитое по лицу покойника, подтверждали мою догадку, что он выпил яд именно против воли. Вот к каким выводам пришел я, путем исключения, — так как никакая другая гипотеза не могла быть объяснена данными фактами. Не подумайте, что такое предположение могло быть недопустимо. Мысль заставить кого-нибудь проглотить яд насильно — не часто приходит в голову людям, но она не нова в истории преступлений. Те, кто занимался изучением ядов, хорошо помнят случай с Дольским в Одессе, а также подобный ему с Летюрелем в Монпелье.

«Для меня самое важное было узнать причину преступления. Ясно до очевидности, что незнакомец был убит не с целью грабежа, так как его не ограбили.

«Не была ли тут замешана какая-нибудь женщина, или он пал жертвой политической мести? Я размышлял над этим, склоняясь, впрочем, не в пользу последнего предположения. И в самом деле: политические убийцы, совершив свое дело, помышляют только о бегстве. А здесь убийца действовал неспеша и с замечательным хладнокровием. Он оставался очень долго в комнате, оставляя повсюду следы за собою. Такой образ действий показывал, что причиной убийства

могла быть месть за какую-нибудь личную обиду, а никак не политическая месть.

«Надпись на стене только укрепила меня в моем мнении: она была сделана лишь для того, чтобы ввести в заблуждение полицейских, — что подтвердилось находкой кольца. Разве вам не очевидно также, что жертве поднесли к глазам кольцо, чтобы напомнить ей о женщине, которую они знали оба? Тогда-то вот я и спросил у Грегсона, не справлялся ли он, телеграфируя в Клевеленд, относительно каких-нибудь особенностей, касающихся частной жизни Дреббера? Если вы помните мой вопрос, то помните также и то, что Грегсон ответил на него отрицательно.

«Тогда я начал внимательно рассматривать комнату. Из этих расследований я убедился в том, что не ошибся относительно роста незнакомца. Ширина его шагов доказывала это и здесь. Кроме того я собрал еще некоторые данные, как, например, трихинопольскую сигару и необычайную длину ногтей преступника. Затем, в виду полного отсутствия каких бы то ни было признаков борьбы, я пришел к заключению, что кровь, покрывавшая пол, происходила вследствие сильного кровотечения из носа, бывшего следствием возбужденного состояния преступника. Что это была его кровь, я узнал из того, что капли соответствовали следам. Отсюда ясно, что человек, с которым приключился такой случай, непременно должен быть сангвинического темперемента. И я взял на себя смелость зайти немного вперед, объявив, что преступник был человек с красным лицом.

«Выйдя из дома, где было совершено преступление, я приложил все старания к тому, чтобы исправить упущения, сделанные Грегсоном. Я телеграфировал начальнику сыскной полиции в Клевеленде, прося его сообщить мне все, что он знает о женитьбе Эноха Дреббера. Ответ получился чрезвычайно убедительный: Дреббер обращался в полицию с просьбой защитить его от преследования его старинного соперника, которого зовут Джеферсон Гоп, и что последний находится в настоящее время в Европе.

«Вы видите, что я собрал таким образом все нити этой интриги и держал их в руках. Мне оставалось только овладеть убийцей.

«Одно было мне совершенно ясно, а именно, что человек, в ночь убийства вошедший вместе с Дреббером в дом, мог быть только кучером фиакра. Следы, оставленные лошадью на улице, показывали, что она была

там оставлена без присмотра и, воспользовавшись этим, немножко побродила по улице. Сделать иное предположение немыслимо, потому что какой же сумасшедший человек решится совершить преступление, на глазах свидетелей, каким быть мог наемный кучер? Вот и выходит, что кучер, привезший Дреббера, вошел с ним вместе в дом. К тому же, для человека, разыскивающего и преследующего своего врага в таком большом центре, как Лондон, ремесло кучера самое подходящее. И я твердо решился искать Джеферсона Гопа среди извозчиков.

«Я решил также, что он не мог оставить свое занятие после совершения убийства. Этого он не сделал бы уже только потому, чтобы не привлечь на себя внимание внезапной переменой образа жизни. И поэтому, в видах соблюдения тайны, он должен был хотя на некоторое время еще заниматься прежним делом. Я не опасался также и того, что он переменит имя. Это ему не послужило бы ни к чему, так как его все равно никто не знает. Вот тут-то мне в голову и пришла идея набрать уличных мальчишек и сформировать из них настоящий полицейский отряд. Я приказал им обходить по очереди все извозчичьи дворы и разыскать Джеферсона Гопа. Как

блестяще выполнили они возложенное на них, поручение вы видите. Относительно Стангерсона должен вам откровенно сказать, что я не предвидел этой смерти. Но, благодаря убийству Стангерсона, я овладел пилюлями, существование которых только подозревал. Теперь вы сами видите, что все эти факты образуют одну цепь, непрерывную и строгологичную».

— Превосходно! — воскликнул я в восторге. — Вы не должны таить свой талант, он заслуживает широкой известности. Я скажу вам прямо: если вы сами не хотите, то я непременно опубликую подробный отчет об этом деле.

— Как вам угодно. Но только сначала прочтите вот эту статью, — сказал Шерлок Холмс, протягивая мне газету.

Это был последний нумер газеты «Эхо». Вся статья была посвящена делу об убийстве Дреббера и Стангерсона. Содержание ее было следующее:

«Неожиданная смерть преступника лишила общество чрезвычайно сенсационного уголовного процесса. Возможно, что подробности этого интересного дела так и останутся неизвестными публике. Мы знаем лишь из достоверных источников, что

преступление было совершено из мести, возникшей двадцать лет тому назад по весьма романической причине. Тут и любовь и мормонизм слились воедино. Обе жертвы преступления некогда принадлежали к какой-то религиозной секте, равно как и убийца Джеферсон Гоп, родившийся в городе Соляного озера. Несмотря на то, что дело это потухло в самом начале, оно вполне выказало блестящие способности нашей полиции. Пусть это дело послужит уроком для иностранцев и научит их сводить свои счеты у себя на родине, а не избирать местом действия нашу столицу. Всем известно, что главная заслуга в этом деле принадлежит двум полицейским агентам Скотланд-Ярда, мистерам Грегсону и Лестраду. Джеферсон Гоп был арестован в квартире некоего Шерлока Холмса, который в качестве сыщика-любителя по временам обнаруживал известное чутье. Мы не сомневаемся, что, имея таких учителей, и он впоследствии сравняется с ними в таланте. Смеем выразить надежду, что оба названные агента получат вполне заслуженную награду за свои блестящие труды».

— Ведь я предсказал вам это еще тогда, когда мы только собирались с вами ввязаться в это дело! — воскликнул Шерлок Холмс,

смеясь. — Вот вам и результат нашего изучения «Красного по белому!». Мы только выхлопотали этим господам аттестат ловкости и искусства.

— Это все равно, — заметил я: — я уже записал это дело подробно и помещу его в журнале, так что общество узнает его. А пока что удовольствуйтесь сознанием, что вы блестяще выполнили труднейшую задачу и воскликните вместе со скупцом древнего Рима:

Populus me sibilat, at mihi plaudo,
Ipse domi simul ac nummos contemplar in arca.

КОНЕЦ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

90 коп.